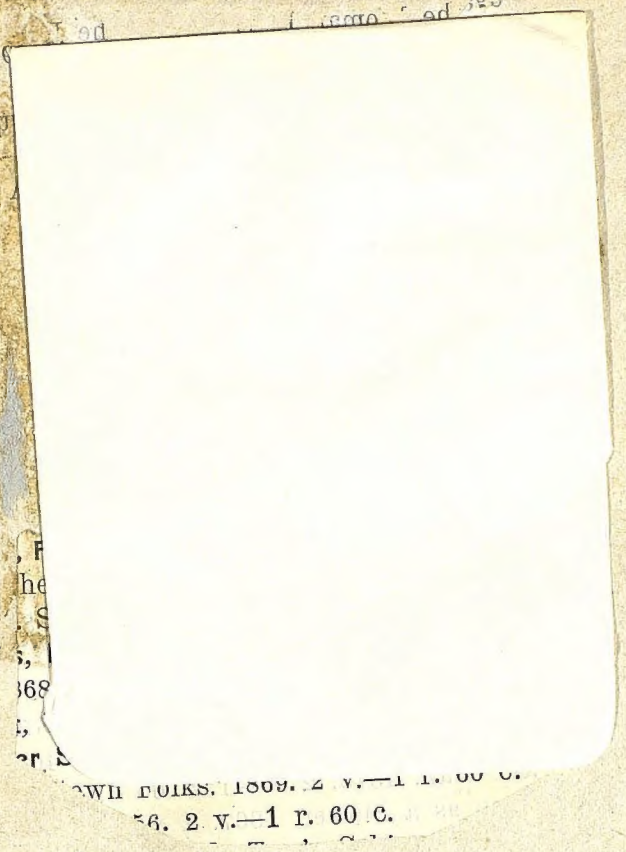
R
T351



...WN FOLKS. 1869. 2 V.—1 r. 60 c.

...56. 2 V.—1 r. 60 c.

БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ V.

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ:

I. ПЕРВОЕ МАРТА.
II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
III. КРАСНАЯ ГОРКА.
IV. РАДУНИЦА.
V. ЗАПАШКА.
VI. КУКУШКА.
VII. КУПАЛО.
VIII. ЯРИЛО.
IX. ОБЖИНКИ.
X. БАБЬЕ ЛѢТО.
XI. БРАТЧИНЫ.

БИБЛІОТЕКА
Е.К. ДЕРГИНОЙ

Соч. А. Терещенки.

Московская областная
научная библиотека
им. Н. К. Крупской

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16 апрѣля 1846 года.

Цензоръ *С. Куторга*

СОДЕРЖАНІЕ.

V. части.

I. ПЕРВОЕ МАРТА.

II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Веснянки. — Марена или мара. Кличка весны. — Встрѣча перваго дождя. — Первый громъ.

III. КРАСНАЯ ГОРКА.

Красная горка у разныхъ народовъ. — Обрядное привѣтствіе красной горки.—Забавы и поминовеніе родныхъ.— Разное отправленіе обрядовъ, во время красной горки.—Вьюнишникъ.

IV. РАДУНИЦА.

Значеніе радуницы. — Отправленіе радуницкихъ поминовеній.

V. ЗАПАШКА.

Набожное дѣйствіе земледѣльца. — Запашка. — Помочи. — Опашка. — Посѣвъ.

VI. КУКУШКА.

Древнее вѣрованіе въ голоса животныхъ. — Мандрики и завиваніе вѣнковъ. — Крещеніе кукушекъ и кумованье.

VII. КУПАЛО.

Почитаніе огня и воды. — Общее употребленіе Ивановскаго дня. — Очистительный огонь. — Обрядъ празднованія купалы, общій между Славянами. — Поклонники небесныхъ свѣтилъ и водъ. — Купанье и хороводные круги. — Аграфена купальница. — Мѣстное совершеніе купальныхъ огней. — Свойство купальскихъ и чародѣйныхъ травъ. — Заключеніе.

VIII. ЯРИЛО.

Темныя свѣдѣнія объ ярилѣ. — Чествованіе ярилы.

IX. ОБЖИНКИ.

Приношеніе первыхъ плодовъ во храмъ. — Зажинки въ Бѣлоруссіи. — Жатвенное угощеніе въ русскихъ и литовскихъ зажинкахъ. — Причитанія у Словаковъ и венгерскихъ Славянъ: на посѣвъ, созрѣваніе и сниманіе хлѣба съ полей. — Жатвенныя пѣсни въ Сербіи. — Зажинки и обжинки въ Малороссіи. — Обжинки въ черной и червонной Россіи. — Пожинки и имяниникъ. — Госпожинъ день, осенины, овсяница, дежень и спасовъ день. — Дожинки и обжинки въ Россіи. — Страда или страдная пора. — Помочъ и другія ея названія. — Уборка. — Овинъ и овинные имянины. —

X. БАБЬЕ ЛѢТО.

Семенъ день. — Пиво варить. — Похороны мухъ и изгнаніе таракановъ. —

XI. БРАТЧИНЫ.

Значеніе братчинъ. — Михайловская и Никольская братчины. — Кононъ. — Ссыпчины, юровой день, Никольщина и холки. — Посидѣлки. — Супретки и дожинки. — Досвитки и вечерницы.

I.

ПЕРВОЕ МАРТА.

Мѣсяцъ мартъ былъ посвященъ Римлянами Марсу, богу войны, который считался отцемъ Ромула, основателя Рима (755 л. до Р. Х.).—Тамъ же въ Римѣ существовало обыкновеніе въ мартовскіе дни, чтобы отправлять поминовеніе по усопшимъ. Первое марта.

У многихъ нѣмецкихъ и славянскихъ племенъ, остались слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ. — Въ Богеміи, Польшѣ, Силезіи, Лузаціи и Саксоніи, народъ ходилъ съ разсвѣтомъ дня, на кладбища съ зажженными факелами, и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Россіи начинаютъ, съ перваго марта, посѣщать могилы родныхъ, и продолжаютъ это съ обрядным поминовеніемъ за упокой, до честнаго семика. Это первыя весеннія поминки, осенними же заключается народное прощаніе со всѣми умершими: родными и знакомыми. Есть мѣста въ Россіи, гдѣ самые радостные дни въ жизни, сопровождаются прощаніями надъ могилой. — Въ смоленской, олонецкой, вологодской, тверской, костромской губерніяхъ и въ другихъ, невѣста и женихъ, за нѣсколько времени до вѣнчанія, ходятъ на могилу поклониться праху родителей, испрашивая у нихъ благословенія на вступленіе въ бракъ. Если невѣста сирота, то она, въ сопровожденіи своихъ подругъ, отправляет-

ся ночью на могилу, за день до вѣнчанія, чтобы проститься съ родителями. Стоя на колѣнахъ, она испрашиваетъ у нихъ благословенія на свой бракъ, говоря: *родимые батюшка и матушка, не надо мнѣ ни злата, ни сребра, надо мнѣ родительскаго благословенія,—благословите родимые!* и потомъ помолившись, лобзаетъ ихъ надгробный крестъ и отправляется съ утѣшеніемъ.

БИБЛІОТЕКА
Ш.К. ДЕРЯГИНОЙ
БЫВШ. БИБЛІОТЕКА

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Встрѣча весны.

Съ весною наступаетъ отрадная жизнь, съ весною все оживаетъ и радуется, все веселится и услаждаетъ себя: и согбенные старостью лѣтъ, чувствуютъ тогда свое перерожденіе. — Они забываютъ даже, что отжили свой вѣкъ, умерли для удовольствій. А вѣчно безпечная и игривая молодость, не размышляя, что ждетъ ее, — предается всѣмъ упоеніямъ безотчетной веселости: оживляетъ летучія свои наслажденія восторженными порывами, и упосится въ нескончаемую даль цвѣтущей жизни, забывая невольно, что радость изсякнетъ, въ свое время; что ея восторги такъ же замрутъ въ свою очередь. Молодость не разсуждаетъ, не вѣритъ и забываетъ даже свое настоящее, — а это забвеніе утѣшительно для жизни.

Во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, всегда привѣтствовали весну особыми обрядами. У Грековъ и Римлянъ, учреждены были особыя празднества, сопровождавшіяся играми и пѣснями. Тамъ въ честь Флоры, богини весны и цвѣтовъ, воспѣвали торжественные гимны и пировали по нѣсколько дней сряду. У нихъ начиналась весна 3 марта, по-

тому игры ихъ назывались *цвѣтными*. (*) Женскій полъ, увѣнчанный цвѣточными и древесными вѣнками, веселился въ продолженіи пяти дней, до изступленія: обнимался и цѣловался съ мущинами, при обоюдно сладострастныхъ пѣніяхъ, которыя рѣдко оканчивались одними скрытными поцѣлуями: игры цвѣтныя тревожили строгую нравственность Катона. Онъ многократно покушался запретить *бѣснованіе*, какъ онъ выражался; но всѣ его усилія оказались тщетными. Порча нравственности сдѣлалась, уже въ его время, повсемѣстною.

По разрушеніи римской имперіи, многія забавы и увеселенія перемѣшались съ обрядами разнородныхъ племенъ, и встрѣча весны, отправлялась ими уже по своему обыкновенію: пировали и пѣли радостныя пѣсни подъ пляску. Почти такое же отправленіе встрѣчаемъ между нѣкоторыми, славянскими племенами.—

Въ Богеміи встрѣчали весну причитаніемъ:

Giz nesem smert ze wsy,
Nove leto do wsy.
Witey leto libezne,
Obiliczko zelene.

Уже несемъ смерть изъ села, а новое лѣто въ село. Здравствуй милое лѣто, зеленый посѣвъ! (**)

Словаки и Венгры по нынѣ привѣтствуютъ весну, лѣтней пѣснею:

Лѣто, наше лѣто,
Кдесь такъ длуго боло?
Сидѣло си на ловищи,
Немогло си къ намъ прійци (***).

(*) Ludi florales.

(**) Anton. Vers. über der alten Slawen Urſprung, c. 71.

(***) Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. c. 274.

Веснянки.

Едва начинаетъ смеркать, дѣвушки оставляютъ работу и выходятъ на улицу; каждая садится подлѣ своей хаты, и кто вышелъ прежде, тотъ заводитъ весеннюю пѣснь. Голосъ ея далеко разносится. Подруга, услышавъ знакомый напѣвъ, отвѣчаетъ ей другимъ куплетомъ, той же самой пѣсни. Наконецъ, всѣ дѣвушки начинаютъ перекликаться, потомъ собираются и вмѣстѣ запѣваютъ веснянку. —

Въ Малороссіи встрѣчаютъ весну особыми играми и пѣснями, извѣстными подъ именемъ веснянокъ. Онѣ поются во время хороводныхъ игръ, и при встрѣчѣ весны и лѣта: (*)

Розлылися воды
На чотыре броды:
У первому броду
Соловейко щебетавъ,
Зелены сады розвывавъ.
У другому броду,
Зозулька ковала,
Литечко казала.
У третьему броду,
Копичекъ заржавъ
Впивъ дороженьку почувъ.
А въ четвертомъ броду,
Та дивчина плаче:
За не любого идучи,
Соби лихо чуючи.

—

Свити зорю, на все поле,
Покиль мисяцъ зыйде;

(*) Веснянокъ весьма много, но здѣсь приводятся только нѣсколько для примѣра.

Покиль до мене милинькій,
Вечеряты прійде.
Ой чи прійде, чи ни прійде
На вечерю тую;
А я єму ранесенько,
Снидаты зготую.
Цвили лозы при дорози,
Синесинькимъ цвитомъ.
Ишовъ козакъ зъ улицы,
Билесинькимъ свитомъ:
Не жаль тому козаченьку,
Поснидаты даты.
Що винъ иде зъ улицы,
Якъ стане свитаты.

—

Нема лёду, нема лёду,
Нема й перейду.
Коли тоби люба мила,
Бреди й чрезъ воду.
Перебрела дви риченьки,
И половину ставу.
Не вводь мене козачиньку,
Въ великую славу.
Ой, самажъ ты, дивчиненько,
Себе въ славу вводишъ,
Що пизненько, не ранесенько,
Зъ улицы ходишъ.
Ой, якъ мини козаченьку,
Та раньше ходыти?
Якъ возмешъ ты за рученьку,
Немусишъ пуститы.

Въ Польшѣ веснянки почти забыты, а въ Россіи мало извѣстны. Въ малороссійскихъ краяхъ, кромѣ пѣнія веснянокъ, носятъ еще чучело по деревнямъ и полямъ, одѣтое въ женское платье, которое называется

марена или *мара* (призракъ). Эту мару провожаетъ толпа дѣтей, парней, дѣвушекъ и молодицъ, при громкомъ пѣніи. Въ украинѣ носятъ сдѣланную изъ дерева ласточку, и поютъ пѣсни въ честь весны. — Марена или мара.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи веснянки извѣстны только въ явленіяхъ духовъ, которыхъ представляютъ въ женскомъ видѣ, и думаютъ, что онѣ появляются весною, какъ *зимнянки* зимою, *осянки* или *оснянки* осенью. —

Весну встрѣчаютъ еще окликаніемъ. Въ смоленской губерніи дѣти, дѣвицы и пожилыя женщины, взлѣзаютъ на крышки домовъ, скотныхъ сараевъ, или сходятъ на гору и кличутъ весну. — Кличка весны.

Красная весна,
Что намъ несешъ?

БИБЛІОТЕКА Е. К. ДЕРЯГИНОЙ БЫВШ. ПИСЬМЕНЪ

Другія имъ отвѣчаютъ:

Красное лѣто,
Теплое лѣто.

Кличка весны измѣняется по мѣстностямъ — Въ XVI вѣкѣ существовалъ обычай, какъ видно изъ Стоглава: по утру рано жгли солому и кликали мертвыхъ. Во многихъ мѣстахъ Польши окликаютъ весну рано по утру, въ великій четвергъ, и въ этотъ день купаются до солнечнаго восхода, чтобъ здоровымъ быть на весь годъ. Такое повѣрье существуетъ и въ Малороссіи: кто успѣлъ выкупаться до солнечнаго восхода, тотъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что къ нему не пристанетъ никакая зловредная болѣзнь. Въ деревнѣ Сосновкѣ (чистопольскаго уѣзда — казанской губер.), когда запоютъ первые пѣтухи; тогда дѣвушки и

парни бѣгутъ зачерпнуть воды изъ рѣчки Бахты, *пока воронъ не обмакнулъ въ нее крыла*, и умываются этой водою. — Въ уѣздахъ: Буйскѣ и Сольгаличѣ (костромской губ.), поселяне погружаются три раза въ воду, и кувыркнувшись на землѣ столько же разъ, взлѣзаютъ потомъ на уголъ избы и поютъ пѣсни, въ честь весны, или скачутъ черезъ плетень огорода, лазятъ на деревья, вертятся около стоговъ сѣна, кувыркаются, катаются по зеленой травѣ и поютъ:

Весна, весна красная!
Прійди весна съ радостію.
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію:
Уроди ленъ высокій,
Рожъ, овесъ хорошій. —

Въ Буйскѣ, когда не вскрылись еще рѣки, дѣвушки схватясь за руки, вертятся около проруби и приговариваютъ: *весна, красная весна! прійди весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью;* или входятъ въ воду по поясъ, плещутъ водою и, взявшись за рукп, говорятъ: *вода весенняя, здоровая! дай и намъ здоровья.* Многіе больные нарочно приносятся въ великій четвергъ къ ручью, и ихъ омываютъ вешней водою, полагая, что она излечитъ ихъ. Въ олонецкой губерніи весна начинается довольно поздно, перваго мая. Въ это время тамъ встрѣчаютъ весну съ соломеннымъ чучеломъ, утвержденнымъ на шестѣ, и ставятъ его на возвышенномъ мѣстѣ. Тутъ приготовлены пироги, разныя кушанья и водка; садятся около чучела и пируютъ; потомъ зажигаютъ его и пляшутъ вокругъ, пока онъ не сгоритъ. Въ калужской губерніи *зазываютъ весну*, собираясь на холмахъ или полянахъ, и въ честь

ея поютъ пѣсни. Въ тульской губерніи *закликаютъ* весну, съ ѳоминой недѣли. Предъ захожденіемъ солнца собираются поселяне обоего пола, на ближній холмъ или пригорокъ, оборачиваются лицемъ къ востоку, читаютъ про себя молитву и потомъ становятся въ хороводъ. Избранная запѣвальщица, держащая въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой красное яйцо, распоряжается хороводомъ.

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ. —

Потомъ всѣ начинаютъ пѣть хороводную пѣсню:

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой;
Одной дѣвки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду вяжетъ тесьменную. —
Ахъ, горе великое!
Кому то достанется? —
Достанется моему суженому,
Моему ряженому. —

Встрѣча перваго дождя.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаютъ первый весенній дождикъ, съ особою радостью. Многіе парочно выходятъ изъ домовъ, чтобы имъ ороситься, думая, что въ это время сила его такъ животворная, что мгновенно укрѣпляетъ тѣло и предохраняетъ его отъ многихъ недуговъ. Въ Малороссіи причитаютъ на этотъ случай:

Дощику, дощику!
Милый дощику.
Кропи жутко,
Шобъ було чутко;
Вовикъ здорову,
Безъ позору:
Якъ та осина,
Що гнется та стоитъ.
Подай дощику,
На дидову ржь,
Дивчачій линъ,
Батькивъ овесъ,
И на все добро,
Поливай ведромъ.
Гони хмару
И всяку мару,
А очи молодицы,
Якъ чаровницы,
Не хай отъ тебе
Ще краше буде.
Лице биле,
Косу довгу;
Шію и нижку,
Нехай умые.

Подобнаго почти содержанія припѣвъ, сохраненъ въ Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губерніи.)

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.

Въ Шуѣ (владимірской губерніи) существуетъ причитаніе къ дождю: *Мать Божая! подавай дождя на нашъ*

ячмень, на барской хмѣль, а когда дождь пойдетъ большой: *ужъ ты дождь дождемъ, поливай ковшемъ, на нашъ ячмень, на барской хмѣль*. Тамъ же къ зарѣ, послѣ перваго весенняго дождя: *зоря зоряница, красная дѣвица! ты по лѣсу ходила, ключи потеряла; мѣсяцъ видѣлъ, солнце скралъ*.

Въ Сербіи и Валахіи приносили жертвы богу Папалугу, чтобы онъ посылалъ дождь на хлѣбный посѣвъ. (*)

Венгерскіе Словаки, обращаясь къ солнцу, съ испрошеніемъ у него животворной силы на посѣвъ хлѣба, говорятъ причитаніе:

Дай Боже слнца,
До новаго грнца.
Веть ти го ми даше,
Кедь са наиграше. (**)

БИБЛІОТЕКА Е.К. ДЕРЯГИНОЙ БЫВШ. ВИРЬЕНЪ

Въ Галиціи, собравшись деревенскіе мальчики въ хорошую, лѣтнюю погоду, — поютъ въ честь солнца:

Swiéć, swiéć sloneczko!
Dam ci jajeczko,
Jak kureczka zniesie,
Na dębowem lesie.
Weźmie jajo do raju,
Wszystkie dusze radują. —
Ino jedno nie radą,
Ojcu matce łajała:

(*) Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschicht. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(**) Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 274.

Zlituj źe się mocny Boźe!
Nie dopuśé ją na Madeją łożè (*).

Первый громъ. Существуетъ повѣрье, что при первомъ громѣ надобно выбѣжать изъ избы и подпирать спиною плетень, домъ, дерево или другое что либо, въ томъ предубѣжденіи, что этотъ громъ даетъ тѣлу крѣпость и оживляетъ растѣнія, до того времени еще безжизненныя. Въ послѣднемъ случаѣ предразсудокъ имѣетъ, въ своемъ основаніи, физическую справедливость.

Электрическая сила грома, дѣйствуя благотворно на природу, оживляетъ зелень полей и крѣпитъ все растущее; но съ тѣмъ вмѣстѣ она и опасна: дѣйствуя большею частью сокрушительно, она убиваетъ человѣка, и часто зажигаетъ зданія.

Когда падаетъ при громѣ дождь, тогда спѣшатъ умыться имъ, или собираютъ его въ чаши, моютъ больныхъ и даютъ его пить.

(*) Мадей славился страшнымъ разбойничествомъ. Когда его словили, тогда приготовили для него постель въ аду, изъ однихъ иглъ раскаленныхъ, посему эта постель прозвана мадеевскою. Мадей успѣлъ однако ускользнуть изъ ада.—Постель мадеевская обратилась въ пословицу:

Przyjdziesz na Madejowe łoże.
Gdzie są same brzytwy i noże.

Żeg. Paul. Piesn ludu polsk. w Galic. c. 31—32.

III.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Наступила весна, а съ него повсюдная радость. По- Красная горка.
селяне собираются на горку, и съ нея привѣтствуютъ наступающія весенія забавы. Юная природа оживляетъ тогда еще болѣе молодость и веселыя дѣвушки, одушевленныя новой жизнію, не довольствуются воспѣваніемъ животворной весны: онѣ встрѣчаютъ ее хороводными играми, поздравляютъ съ непритворной радостію, какъ дорогую гость, возвращающуюся къ нимъ съ небольшаго зеленаго холма, который по сему называется *красною горкою*. Это обыкновеніе во всеобщемъ употребленіи. Оно начинается съ ѳоминова воскресенья, которое въ восточной церквѣ именовалось *новымъ*, а въ западной *бѣлымъ воскресеньемъ*. —

У Славянъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, однимъ словомъ у всѣхъ народовъ были священныя горы, горки и крутицы. Тамъ стояли истуканы, горѣли огни для жертвоприношеній и совершались разные священные обряды и моленія. У кіевскихъ Славянъ были поклонныя и лисыя горы, у прочихъ, какъ то: польскихъ, богемскихъ, моравскихъ и силезскихъ: священныя, красныя, русыя, черныя, червонныя и гремучія. — На красныя собирались духи мужескаго, а на лисыя женскаго пола.

Обрядное привѣтствіе красной горки.

По всей Россіи встрѣчается большое множество названій красныхъ горъ и урочищъ, но для игръ избираются преимущественно красныя горки, по своему пріятному мѣстоположенію. Толпа поселянъ обоего пола, сдѣлавъ привѣтствіе веснѣ, идетъ съ горы съ пѣніемъ и потомъ начинаетъ хороводъ, или другого рода забавы и игры, но эти забавы не вездѣ сопровождаются единообразно. Въ слободахъ Переяславля-залѣскаго (владимірской губер.) поселяне собирались въ вомино воскресенье, послѣ обѣда, съ поздравленіями къ тѣмъ, у кого въ прошедшемъ году были совершены свадьбы, и приговаривали имъ: *вьюнъ, вьюница! отдай наши яйца.* Молодые ихъ дарили яйцами, куличами, поили пивомъ и виномъ.—Въ костромской губер. подходятъ къ окну домохозяевъ, и поютъ: *вьюнъ да вьюница, давай яйцо; а не дашь яйца, прійдетъ вьтрица.* Если поздравленіе происходитъ подъ окнами новобрачныхъ; то они угощаютъ ихъ пирогами, яйцами и пивомъ. Такое поздравленіе извѣстно тамъ подъ именемъ *вьюнитства.*

Что значитъ вьюнъ, вьюница и вьюнитство? Должно думать, что это испорченное въ простонародіи слово *юный*, молодый; *вьюнство* молодость, *вьюнитствовать* поздравлять молодость, особенно молодыхъ супруговъ. Послѣднее заключеніе вывожу изъ того, что въ Галичѣ (костромской губер.) во время *радоницъ* (вominой недѣли), поселяне распѣваютъ пѣсни подъ окнами молодыхъ: *юница, молодица! подай яйцо въ перепечу.* — Или поютъ:

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты вьюная, о лелю!
Ты по горницѣ пройди, о лелю!
Покажи свое лице, о лелю!
Да въ окошечко, о лелю!

Покажи намъ молодца, о лелю!
Своего-то вьюнца, о лелю!
Да пожалуй-ко яичко, о лелю!
Еще красненькое, о лелю!
Что на красномъ блюдѣ, о лелю!
И при добрыхъ людяхъ, о лелю.

Молодые угощаютъ ребятъ перепечью, калачами, казанками, ладышками, пивомъ и виномъ, а дѣвицъ красными яйцами и пряниками. —

Забавы и поминовеніе родныхъ

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рязанской губерніи, дѣвушки и женщины одѣваются въ черное и бѣлое платье, и послѣ обѣдни идутъ на кладбище, съ запасомъ разнаго кушанья и питья; плачутъ надъ могилами своихъ родныхъ и близкихъ къ нихъ сердечному воспоминанію, и поднимаютъ такой страшный вой, что мертвымъ не даютъ покою. Понаплакавшись вдоволь, садятся пить и ѣсть на могилахъ; остатки бросаютъ нечистымъ духамъ, чтобы они не тревожали усопшихъ, а оставшееся вино льютъ на могилы, изъ предубѣжденія, что оно предохраняетъ гробы отъ зловредныхъ духовъ. По окончаніи этого обряда, возвращаются домой: тамъ переодѣваются въ праздничныя одежды и выходятъ на красную горку. Здѣсь начинаютъ уже разныя хороводныя забавы.—Въ смоленской губер. празднество, которое совершается на красной горкѣ, называется *толпищемъ*, соотвѣтствующее древнему славянскому обряду *стадо*, сопровождается пѣніемъ пѣсней и играми.

Разное дѣйствіе обрядовъ, во время красной горки.

Въ иныхъ мѣстахъ горка составляетъ гулянье на св. недѣлѣ, въ другихъ въ ѳоминый понедѣльникъ, а въ иныхъ въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле, сопровождается служеніемъ молебней, для предохраненія его отъ всѣхъ недуговъ, а потомъ радостными пѣснями и ночнымъ хожденіемъ около стадъ,

Московская областная
научная библиотека
им. Н. К. Крупской

въ томъ мнѣніи, что этимъ дѣйствіемъ прогоняется нечистая сила, которая въ то время бываетъ самая злая, и чрезмѣрно портитъ скотъ. Въ другихъ мѣстахъ время красной горки, почитается благопріятнѣйшимъ для свадьбъ. Вообще красная горка есть первый весенній праздникъ, и она, смотря по мѣстности, начинается то дѣтской игрою, то хороводами (*)

Нельзя опредѣлить, даже указать на игры и хороводы, какія именно совершаются въ это время. Все зависитъ объ образа жизни и наклонности поселянъ къ забавамъ. —

Вотъ образецъ встрѣчи красной горки, въ пензенской губерніи. Въ этой встрѣчѣ перемѣшаны игры и забавы, принадлежащія или собственно одной игрѣ, или одному хороводу. —

Въ осьмой день праздника послѣ свѣтлаго воскресенья, называемаго Ѳоминымъ воскресеньемъ, начинается у дѣвушекъ первое весеннее гулянье, извѣстное подъ именемъ красной горки. — Вечеромъ собираются дѣвицы и составляютъ хороводъ; къ нимъ присоединяются *молодайки* (молодыя женщины). Раздѣляются на двѣ половины и становятся другъ противъ друга въ два ряда, на нѣсколько саженей въ длину. Первая половина, подходя къ другой, поетъ:

(*) Есть еще обыкновеніе, что съ окончаніемъ весны одинъ изъ мущинъ наряжается кобылою и пугаетъ ребятишекъ. Это дѣлается для того, чтобы они боялись своихъ отцевъ и матерей, и когда онѣ заплачутъ или не слушаются ихъ, тогда стращаютъ: *вотъ прійдетъ кобыла, вотъ идетъ кобыла,* и ребенокъ смиряется. — Пугаютъ еще для того, чтобы ребятишки не просили скоромнаго въ постные дни.

А мы сѣчу чистили,
Чистили;
Ой дидн—ладу, чистили,
Чистили!

и дошедши до другой, она возвращается назадъ и становится на свое мѣсто.

Потомъ другая половина, такъ же подходя къ первой, поетъ:

А мы просо сѣяли,
Сѣяли;
Ой дидн—ладу, сѣяли,
Сѣяли!

И такимъ образомъ продолжаютъ пѣть попеременно, и потомъ отходить на свое мѣсто.

Перв. А мы просо пололи,
Пололи;
Ой дидн—ладу, пололи,
Пололи!
Втор. А мы просо вытопчемъ,
Вытопчемъ;
Ой дидн—ладу, вытопчемъ! 2.
Перв. А мы копей выловимъ, 2.
Ой дидн—ладу выловимъ. 2.
Втор. А мы копей выкупимъ, 2.
Ой дидн—ладу, выкупимъ. 2.
Перв. А чѣмъ же вы выкупите? 2.
Ой дидн—ладу, выкупите? 2.
Втор. А мы дадимъ сто рублей,
Сто рублей.
Ой дидн—ладу, сто рублей! 2.
Перв. Не надо намъ тысячи,
Тысячи;
Ой дидн—ладу, тысячи! 2.

Втор. А мы дадимъ дѣвицу, 2.
Ой диди—ладу, дѣвицу! 2.
Перв. За дѣвицу слова нѣтъ,
Слова нѣтъ,
Ой диди—ладу, слова нѣтъ! 2.
Втор. У насъ въ полку убыло, 2.
Ой диди—ладу, убыло! 2.
Перв. У насъ въ полку прибыло, 2.
Ой диди—ладу, прибыло! 2.

Въ продолженіи этой пѣсни, дѣвицы приближаются радостно другъ къ другу и потомъ отступаютъ.

По окончаніи этой забавы, набираютъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ, разсаживаютъ ихъ на небольшое, другъ отъ друга разстояніе; окружаютъ ихъ, сцѣпившись рука съ рукой, и ходя вокругъ ихъ, поютъ:

Маки, маки, маковочки,
Золотыя головочки!
На горѣ былъ макъ,
Подъ горою такъ,
Такъ, былъ макъ,
Сякъ, былъ макъ.

Пропѣвши это, спрашиваютъ у сидящихъ: поспѣлъ ли макъ? — Тѣ отвѣчаютъ: еще только посѣянъ. — Потомъ опять поютъ тоже, и послѣ опять спрашиваютъ: поспѣлъ ли макъ? Тѣ отвѣчаютъ: цвѣтетъ. — Еще разъ спѣвши тоже самое, спрашиваютъ: поспѣлъ ли? И когда будетъ отвѣтъ: поспѣлъ, — тогда начинаютъ сидящихъ мять, коверкать и трясти. Если эта игра наскучитъ дѣвицамъ и имъ захочется поплясать; то всѣ онѣ становятся въ большой кругъ, а двѣ изъ нихъ побойчѣе, выходятъ на средину, начинаютъ первыя пѣть и плясать, а за ними поетъ и пляшетъ весь кругъ:

Во лузяхъ, лузяхъ,
Зелецыхъ лузяхъ!
Выростала трава шелковая,
Разцвѣтали цвѣты лазоревые, —
Понеслись духи малиновые.
Ужъ я въ той травѣ, выкормлю коня,
Выкормлю, ужъ я выкормлю, и выглажу его.
Поведу я коня къ батюшкѣ:
Батюшка, ужъ ты батюшка, родимой мой!
Ты пріими слово ласковое,
Ты пріими слово привѣтливое. —
Не давай меня за стараго замужъ:
Старый мужъ не ровня мнѣ,
Со старымъ гулять я не пойду!

Пляшущія, притопывая ногами, приговариваютъ еще: гоцъ! гоцъ! гоцъ!

Уставъ отъ пляски и пѣсень, дѣвицы заводятъ другую игру, — дергать рѣдьку. Она совершается такъ: здоровая изъ дѣвушекъ садится на лугу; на ея колѣнахъ садится другая, которую она обхватываетъ и держитъ подъ руки; на колѣнахъ другой, третья, и такъ далѣе, пока изъ нихъ образуется довольно длинный рядъ. Одна подходитъ къ сидящей въ корнѣ, и говоритъ: кума! продай рѣдечку.—Та отвѣчаетъ: поди, выдерни на томъ концѣ.—Покупательница идетъ на другой конецъ, берется выдергивать послѣднюю изъ сидящихъ, и начинаетъ тащить ее. Если вытащитъ, хорошо; а нѣтъ, такъ опять идетъ къ первой и жалуется ей, что рѣдька слишкомъ туга: не велитъ ли она выдернуть изъ серёдки? Та отвѣчаетъ ей, что она не хочетъ портить грядки, а хочешъ, такъ дергай съ конца. Послѣдняя опять подходитъ къ концу, и уже здѣсь непремѣнно вытаскиваетъ одну, за ней другую, и такъ

далѣе до послѣдней, которая, будучи всѣхъ сильнѣе, тащитъ всѣхъ за собою.

У крестьянскихъ молодушекъ есть положеніе: *проиграть первый вечеръ, до бѣлаго свѣта.* Надобно или поплясать, или пѣсеньки попѣть. Одна поопытнѣе изъ нихъ начинаетъ:

Запинька, гдѣ ты былъ, побывалъ?
Сѣрпинькой, гдѣ ты былъ, побывалъ?
Былъ я, былъ я, парень мой;
Былъ я, былъ я, сердце мое:
У трехъ дѣвушекъ въ гостяхъ.
Запинька, ты не знаешь, какъ зовутъ?
Сѣрпинькой, ты не знаешь, какъ зовутъ?
Знаю, знаю, парень мой,
Знаю, знаю, сердце мое.
Какъ Катюха да Марюха,
И третья Дуня удала.
Запинька, тамъ встрѣчали ли тебя?
Сѣрпинькой, тамъ встрѣчали ли тебя?
Встрѣчали, парень мой,
Встрѣчали, сердце мое:
Какъ Катюха у дверей,
А Марюха у сѣней;
И третья Дуня удала,
Во горенъку провела.
Запинька, тамъ сажали ли тебя?
Сѣрпинькой, тамъ сажали ли тебя?
Сажали, парень мой,
Сажали, сердце мое:
Какъ Катюха на лавку,
За столъ меня провела.
Запинька, тамъ кормили ли тебя?
Сѣрпинькой, тамъ кормили ли тебя?
Кормили, парень мой,
Кормили, сердце мое,

Какъ Катюха пирогомъ,
А Марюха калачомъ,
И третья Дуня удала,
Каши съ маслицемъ дала.
Запнька, тамъ дарили ли тебя?
Сѣрнькой, тамъ дарили ли тебя?
Дарили, парень мой,
Дарили, сердце мое:
Какъ Катюха полотномъ,
А Марюха платкомъ;
И третья Дуня удала,
Съ рукъ перчаточки дала.
Запнька, провожали ли тебя?
Сѣрнькой, провожали ли тебя?
Провожали, парень мой,
Провожали, сердце мое:
Какъ Катюха изъ дверей,
А Марюха изъ сѣней;
И третья Дуня удала,
Вдоль улицы провела. —

Вообще думаютъ, что съ паступленіемъ красной горки, впервые начинаютъ горѣлки и запѣваютъ хороводную пѣснь *просо сѣяли*. —

Вьюнишникъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей составили особый праздникъ, подъ именемъ *вьюнишника*, потому только, что онъ совершается въ Семеновскомъ уѣздѣ (нижегородской губерніи), на святой недѣлѣ въ субботу, и тамъ поютъ пѣсни молодымъ супругамъ, бракосочетавшимся въ прошедшемъ году. Я не считаю это за отдѣльный праздникъ, ибо вьюнишникъ поется въ одно время съ красною горкою, и пѣсни его одного почти содержанія, наприм:

Ты вставай-ка молодецъ,
Ты вставай-ка нашъ вьюнецъ!
Ты расчесывай кудри,

Костянымъ гребешкомъ.
Ужъ ты взгляни въ окошко косящатое!
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ.
Награди-ка насъ подаркомъ,
Сладкимъ пряникомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ. —

Вьюнишникъ употребляется еще для молодыхъ, вмѣсто застольной пѣсни. —

Какъ въ деревнѣ во Ильинской,
У Ефима молодца,
Что стоялъ тутъ теремъ
Со крутымъ верхомъ,
Со косячатымъ окномъ. —
Противъ краснаго крыльца,
Выростало деревцо трехугодливое.
Что въ томъ ли терему,
Дубовы столы стоятъ,
Дубовы столы стоятъ,
Бранныя скатерти лежатъ.
На тѣхъ ли на столахъ,
Медвяны яствы стоятъ;
За тѣми ли столами,
Князья, бояре сидятъ,
Сахарныя питья пьютъ.
Катайтеся, бояре,
Со высока терема;
Не сшибите деревца,
Трехугодливаго.
Еще первая угода,
Подъ корень деревца;
А другая угода,
Посередь деревца;
А третья-то угода,
Подъ вершину деревца. —

Подъ вершину деревца
Соловей гнѣздо вьетъ,
Онъ и яйца несетъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведетъ.
Посередь деревца,
Пчелы ярыя шумятъ,
Много меду наносятъ.
Подъ корень деревца,
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова.
На той ли кроватушкѣ
Ефимушка лежитъ,
Съ молодой своей женой
Съ Оксиньюшкой душой.
А у нихъ въ головахъ,
Звончаты гусли лежатъ.—
И кому въ гусли играть?
Кому тѣшиться?
Играть въ эти гусли,
Ефиму молодцу:
Ему тѣшить, утѣшать,
Молоду свою жену,
Оксиньюшку душу.
Чѣмъ васъ молодцевъ,
Станутъ жаловати?
Пивомъ, сидовой, или скляницей вина?
Или золотой казной? —
Ничего намъ не подашь,
Мы со двора пойдемъ,
Мы осердимся.
Три бѣды мы сотворимъ:
Первую бѣду,
Ворота мы разтворимъ,
Коней пару уведемъ.
А другую то бѣду:
Избы двери растворимъ,
Мы гостей озябимъ.

Третью то бѣду:
Во теремъ зайдемъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Печи остудимъ.
Гостей охолодимъ,
И васъ молодыхъ,
На стыдъ наведемъ.

Молодые подчуютъ ихъ виномъ, закусками или дарятъ чѣмъ нибудь. Они благодарятъ:

Еще здравствуй молодой,
Съ молодой своей женой,
И спасибо тебѣ хозяинъ,
На жалованьи,

Отходя отъ нихъ:

Вьюнецъ, молодецъ, молодая, (4 раза).

Потомъ молодежъ обходитъ прочихъ повобрачныхъ, съ вьюнишникомъ или поздравленіемъ. Къ вечеру собираются въ питейный домъ, пьютъ на собранныя деньги и закусываютъ полученнымъ отъ молодыхъ (*).

(*) Снег. Руск. простон. праздн. вып. III. с. 211–214.; Сах. Сказ. русск. нар. т. I. с. 261., см. русск. обрядныя пѣсни, подъ статьею: пѣсни радуницкія. – Онъ ошибочно причисляетъ къ радуницкимъ, слѣдующія три:

1. Ой лелю, молодая, о лелю!
2. Ты вставай-ка молодецъ.
3. Какъ у деревни у Ильинской.

Всѣ онѣ собственно поздравительныя или иначе вьюнишныя.

IV.

РАДУНИЦА.

Значеніе радуницы.

Въ разныхъ мѣстахъ называется радуница различно, какъ то: *радовницею*, *радуницемъ*, *радоницею* и *навій* день. Все это воспоминаніе за упокой, и во многомъ сходствуетъ съ тризною и стравою. — Радуница не вездѣ приходится въ одно время: большею частію бываетъ въ Ѳомино воскресенье, Ѳоминъ понедѣльникъ или въ десятый день отъ пасхи, во вторникъ, — послѣднее часто всего празднуется въ сѣверо-восточной Россіи. Въ Малороссіи она называется проводами, гробками и могилками, потому что тамъ, въ Ѳоминъ понедѣльникъ, совершаютъ поминовеніе по умершимъ. Радуница превратилась въ послѣдствіи въ *родительскую субботу*. — Радуница происходитъ отъ слова *радоваться*, а *навій* отъ древняго славянскаго слова *навь*, означающее покойника, мертвеца. Народъ, поминая въ это время родителей, думаетъ, что они радуются съ ними. Не безъ основанія исторіографъ Карамзинъ замѣтилъ, что радуницею назывался какой нибудь языческій праздникъ у Славянъ, и бывалъ въ началѣ апрѣля, потому что пасха приходилась въ то время марта 28. (*)

(*) Кар. И. Г. Р. т. 5. прим. 26.

Изъ поминальныхъ дней особенно замѣчательна родительская суббота. Поминовеніе родителей такъ важное, что считаютъ за грѣхъ заниматься работою во время поминокъ, и что тогда не должно поминать ихъ блинами. По этому приносятъ на могилы: пироги, калачи, кашу, кутью, яйца и разныя жареныя и вареныя кушанья. Суевѣріе заставляло часто священника снимать съ себя ризы, или эпитрахиль, и постилать на могилѣ при совершеніи литіи; по совершеніи литіи, священникъ съ причетомъ и поминавшіе съѣдали все принесенное. — Въ прежнія времена народъ поминалъ умершихъ съ языческими обрядами: совершивъ надъ могилами усопшихъ поминовеніе, оставлялъ сродниковъ плакать и рыдать. — Женшины и мущины, вспоминая добрыя качества покойника, наполняли воздухъ плачевнымъ воемъ; потомъ садились на могилу, угощали другъ друга пивомъ, виномъ, пирогами, блинами, яйцами и проч.; остатки бросали злымъ духамъ. — При питіи вина, отливали часть на могилу, а послѣднее сами выпивали. —

Радуницкія поминки всегда сопровождались чрезмѣрнымъ упоеніемъ, отъ того вошло въ поговорку: *выпили пиво объ масляницѣ, а съ пожмьлья ломало посль радунины.*

Отправленіе радуницкихъ поминовеній.

Въ Ѳоминъ вторникъ толпы парода съ узелками, идутъ по утру на могилы своихъ родителей, совершать по нихъ поминовеніе, и тамъ, оплакивая ихъ смерть, пируютъ цѣлый день. Тогда считается за великій грѣхъ, если кто не служитъ панахиды. Многіе думаютъ, что души умершихъ встаютъ во время поминовеній изъ *темницъ* (изъ гробовъ), радуются и слушаютъ поминальную обѣдню въ церквѣ, за олтаремъ. Тѣ же родители, коихъ дѣти не пришли поминать, плачутъ тогда весь день. — Самая поминальная пища,

которая должна состоять преимущественно изъ кутьи, пироговъ, сырниковъ и яицъ, раздѣляется будтобы мертвыми, выходящими невидимо изъ темницъ, и присутствующими съ живыми до солнечнаго захода.—Такое мнѣніе господствуетъ даже между простолюдинами въ Петербургѣ.—Тутъ одинаково совершаютъ обрядныя дѣйствія въ Ѳоминъ вторникъ, называющійся *радуницею*, а самое дѣйствіе поминовенія *христосованіемъ съ родными*; потому непремѣнно берутъ окрашенныя яйца, и кладутъ ихъ на могилу. Нѣкоторые зарываютъ окрашенныя яйца, въ нарочно выкопанныя надъ могилой ямочки. Вѣрятъ еще, что если въ радуницу случится представленіе свѣта, то вышедшіе изъ темницъ, предстанутъ прямо въ рай съ поминающими ихъ.

Въ пермской губерніи, во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, ходятъ по утру на кладбище поминать усопшихъ, запасаясь крашенными яйцами, блинами и разными кушаньями; остатки раздаютъ нищимъ; весь день проводятъ въ гуляньи и прогулкахъ. —

Въ другихъ мѣстахъ послѣ пиршества оставляютъ на могилахъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, крашенныя яйца, которыя у нихъ изображали умилостивительныя жертвы по умершимъ. Водится изстари обычай, что женихи и невѣсты ходятъ на могилы своихъ родителей: просить у нихъ благословенія на брачный союзъ, и въ знакъ ихъ согласія, оставляютъ яйца на могилахъ. —

Стоглавъ осуждалъ оклички на радуницы и вьюницы, но обычай удерживаетъ ихъ донынѣ.

Нигдѣ родительскія поминки не производились и не производятся, съ такою веселостію, какъ въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи. Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народъ, но

почетнѣйшіе граждане. Тамъ сначала отправляютъ панихиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близъ родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что дорого для ихъ сердца. Ѣдятъ и пьютъ за упокой, желаютъ усопшимъ царствія небеснаго, за ихъ добрыя дѣла; прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не желая препятствовать имъ итти прямо въ рай, — и просятъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляютъ, тогда заставляютъ семинаристовъ или учениковъ бурсы, пѣть духовнаго содержанія стихи, но печальнымъ и погребальнымъ напѣвомъ. — Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для удержанія своихъ слезъ, запиваютъ горе виномъ, произнеся: *о, якъ оце жалостливо! сховавъ риднего и ридненьку, хтожъ мене приголубе? Чи чуете вы, мій батеньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучше, чи намъ тутечки?* Послѣ многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковъ обращается къ плачущимъ, и говоритъ: *давайте жъ скорій чарку горилки, — утолымъ горе!* Когда и это не помогаетъ, тогда обращаются къ скрипачамъ, и говорятъ: *музыка! путежъ заиграйте, да такъ, щобъ плакало усе на взрыдъ.* Скрипачи играютъ заупывныя или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ. *Годи! чи перестанете жъ играты? Не бачете, якъ вси взрыдалы, мовъ съ изнова риднего хоронютъ.* Скрыпачи начинаютъ играть веселыя, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетной разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь. — На другой день говорятъ только: ой, болитъ моя головонька. — Чтобы прогнать головную боль, похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней сряду. — Почти тоже самое происходитъ въ полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ.

Въ Бѣлоруссіи также собираются на кладбище. Тамъ, на могилахъ родныхъ, катаютъ красныя яйца, которыя отдаютъ потомъ нищимъ. — На могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанье, и привѣтствуютъ покойниковъ: *святые радзицили! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушаць.* Потомъ старые и малые разсаживаются по мѣстамъ. Кушанья должны быть нечетныя: пять, семь, девять и т. д., и безъ подливки (соуса). — Необходимо, чтобы тутъ находились: медъ, творогъ, блины, гречаники, колбаса и свинина. Кто бѣдный, тотъ проситъ у зажиточнаго, который всѣмъ надѣляетъ его. — Остатки отдаютъ нищимъ. По окончаніи угощенія, обращаются къ покойникамъ: *мои радзицили! выбачайць, недзивицъ; чимъ хата богата, тимъ и рада.* Послѣ отправляются въ корчму, и тамъ поютъ и танцуютъ. — Радуницу отправляютъ здѣсь еще весною, когда растаеваетъ земля, и думаютъ, что тогда родителямъ тепло, потому разговаривая съ ними, желаютъ имъ: «дай вамъ Богъ, легко въ землѣ лежати, и Христа въ очи видати». (*) — Обычай, посѣщать могилы родительскія, есть языческій: онъ былъ извѣстенъ всѣмъ народамъ на востокѣ, оттуда перешелъ въ Европу. Поговорка у Римлянъ: de mortuis aut bene aut nihil т. е. объ умершемъ или хорошо, или ничего, конечно произошла изъ благовѣйнаго воспоминанія по умершемъ; но мѣста вѣчнаго жилища, постоянно напоминаютъ живымъ утрату сердечную, и потому служатъ предметомъ посѣщеній, слезъ и священныхъ поминовеній.

(*) Goleb. Lud polsk. jego zwycz. i zabob ч. 2. с. 269.

V.

ЗАПАШКА.

При посѣвѣ хлѣба и началѣ жатвы, поселяне соблюдаютъ особые свои обряды. Не начинаютъ ни орать, ни сѣять, ни косить, ни жать, не помолившись сначала Богу, и не спросивъ у Него благословенія на свой трудъ. Земледѣлецъ обращается въ ту сторону, въ коей, по его примѣтамъ, благопріятны предзнаменованія: чистое небо и тихій вѣтерокъ. — Набожно онъ кланяется на всѣ четыре стороны. Потомъ, постоявъ нѣсколько времени на своей полосѣ, онъ осматриваетъ вокругъ себя, поднимаетъ глаза на небо и замѣчаетъ на немъ движеніе облакъ; наблюдаетъ полетъ и крикъ птицъ, слѣдитъ и первую поступь лошади и быка, когда впрягаетъ подъ плугъ, и потомъ, перекрестясь, говоритъ: *благослови Господи Іисусе Христе! и помилуй насъ.* Сколько предчувствій волнуютъ въ то время его душу! Предзнаменованія устрашаютъ его, онъ не вѣритъ и въ самыя счастливыя примѣты, которыя часто обманывали его. — Онъ беретъ плугъ, закидываетъ его на свою ниву, и съ словомъ: *помоги Боже!* начинаетъ пахать. — Запашка его пошла удачно и скоро. Во время работы погода стояла хорошая, небо было чистое и свѣтлое, зелень повсюду пробивалась и изъ этихъ примѣтъ онъ выводитъ предзнаменованіе о богатомъ урожаѣ. — Его работа приходитъ къ концу, и онъ ра-

Набожное совѣршеніе земледѣльца

Запашка.

дуется вдвойнѣ. Всѣ предвѣстія благопріятныя, ускоряютъ его трудъ, и наконецъ настаетъ послѣдній день запашки, уборка. Онъ и ее счастливо окончилъ, — вотъ его радостный праздникъ. —

Помочи. Издавна существуетъ обычай помогать другъ другу въ вспахиваніи поля, и это называется *помочи*, отъ слова помочь, пособить. Это обыкновеніе есть общее между крестьянами и помѣщиками. Каждый житель деревни, имѣя большія поля и не успѣвая убрать ихъ, извѣщаетъ околодокъ о поданіи ему помочи. Это дѣлается въ праздничный день. — Нива покрывается поселянами; трудъ ихъ облегчается пѣснями, и въ одинъ день оканчиваютъ то, что хозяину пришлось бы сдѣлать въ мѣсяцъ. Въ продолженіи помочей, хозяинъ угощаетъ обѣдомъ и нѣсколькими ведрами пива; потомъ, съ наступленіемъ вечера, всѣ тянутся гужемъ въ домъ хозяина, который благодаритъ ихъ ужиномъ. Тутъ выпиваютъ прощальный ковшъ пива домашняго, и расходятся по избамъ весело.

Опашка. Не вездѣ вспахиваніе полей извѣстно подъ однимъ именемъ запашки. Мѣстами она называется *опашкою*. Недостаточные хлѣбопашцы вспахиваютъ поля по очереди: одному мужику помогаютъ другіе, на одной недѣлѣ, а тотъ имъ въ свое время, такъ что у трудолюбивыхъ мужиковъ, полевыя работы идутъ рука объ руку. — Въ деревнѣ варятъ тогда брагу и пиво, и по окончаніи работъ, угощаютъ взаимно. При засѣваніи яроваго хлѣба, женщины готовятъ яичницу и пирушку; по обычаю опѣ пируютъ сами. (*) Въ праздничный

(*) За то, съ окончаніемъ тканья, мущины обливаютъ женщинъ водою, а иногда купаютъ ихъ въ рѣкѣ, чтобы согнать съ нихъ лѣнь.

день сходятся поселяне въ церковь, отслушать благодарственную молебень; другіе приносятъ въ церковь на освященіе, часть баранины или что нибудь изъ птицъ, особенно чернаго пѣтуха и хлѣбы. Послѣ молебня берутъ съ собою мясное, оставивъ хлѣбы священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общій пиръ священника, своихъ родственниковъ и всѣхъ своихъ сосѣдей, чтобы отпраздновать опашку или запашку. Не повсюду въ употребленіи эти празднованія; часто совершаютъ запашку безъ угощеній. —

Засѣвъ полей производится, болѣе или менѣе, съ священными обрядами. Въ юго-западной части Россіи, священники окропляютъ водою поля, и благословяютъ земледѣльца па посѣвъ. Мужикъ, повѣсивъ на шею котомку, или торбу съ зерномъ, беретъ горстью зерно и сѣетъ въ одну сторону, сначала, преимущественно тѣмъ зерномъ, которое сохранилось отъ перваго генваря, когда дѣти ходили по домамъ, поздравлять хозяиновъ съ новымъ годомъ и посыпали зерномъ. Малороссіянинъ говоритъ при посѣвѣ: *роды Боже овесъ, ячмень и гречку, хоть всего по тришечку; роды Боже ленъ и коноплю, на весь христіянскій міръ.* Посѣвъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи мужикъ засѣваетъ первоначальпо ржаной просвирою, той самой, которую онъ получилъ въ день Благовѣщенія.

Посѣвъ называется въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Малороссіи, *засивками;* въ западно-сѣверной Россіи *засѣвками* и *посѣвками;* въ восточной части, *заѣвъ*. Послѣдній день сѣянія, называется *досѣвки*; въ Малороссіи *досивки*. Вездѣ окончаніе посѣва, есть радостный день для хлѣбопашца, и потому въ иныхъ мѣстахъ бываютъ угощенія. — Нарочно варятъ пиво и закалываютъ свинью, если это бываетъ яровой посѣвъ, или пекутъ калачи и пироги, если озимовый.

Во многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи, существуютъ посѣвочные предразсудки. По отслуженіи молебня подъ открытымъ небомъ, приходскій священникъ читаетъ заклинательныя молитвы, изгоняетъ нечистыхъ духовъ и потомъ благословляетъ поселянъ. Между тѣмъ одна здаровая и крѣпкая баба, и непремѣнно должна быть баба, поцѣловавъ крестъ, схватываетъ священника поперегъ, во всемъ его облаченіи, и перебрасываетъ черезъ себя три раза; потомъ а простолюдины принимаются катать его по нивѣ, не смотря ни на грязь, ни на кочки. Если бы священникъ воспротивился такому обряду, то мужики замѣчаютъ ему съ неудовольствіемъ, говоря: ты батюшка, вѣрно не желаешъ намъ добра; не хочешъ, чтобы у насъ былъ хлѣбъ; а ты же, нашъ отецъ, кормишься нашимъ хлѣбомъ.—Священникъ невольно долженъ покориться невѣжественному предразсудку.—Хорошо, если нива сухая. По совершеніи обряда, толпой отправляются домой, угощаютъ священника совсѣмъ его причетомъ, и всѣхъ своихъ сосѣдей. Если пиръ проходитъ безъ всякихъ раздоровъ, то предзнаменованіе благопріятное. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаютъ еще такъ: когда довольно взойдетъ хлѣбъ, тогда народъ проситъ священника отслужить молебенъ въ полѣ. Потомъ угощаютъ его обѣдомъ; послѣ обѣда женщины катаютъ священника съ причетомъ, по зеленому хлѣбу.

VI.

КУКУШКА.

Древнее вѣрованіе въ голоса животныхъ.

Вѣрованіе въ таинственные голоса животныхъ, изъ коихъ выводили предзнаменованія для жизни настоящей и будущей, существовало на востокѣ съ незапамятныхъ временъ, и нѣтъ сомнѣнія, что отсюда оно распространилось по Греціи, особенно оно господствовало въ высшей степени у Римлянъ, среди ихъ жрецовъ и птицегодателей, которые нерѣдко останавливали важныя государственныя дѣла, если священная птица, во время гаданій, кричала голосомъ неблагопріятнымъ. Въ числѣ таковыхъ извѣстна была Римлянамъ *кукушка*. (cuculus). — Ея названіе сходно со многими иностранными словами: у Индѣйцевъ она называлась *кокила*, у Грековъ *кукосъ*, у Англичанъ и Французовъ *куку*, у Нѣмцовъ *кукукъ*, у Литовцевъ *кукулка и зегула*, у Поляковъ *кукулка*, у Чеховъ *кукачка*, *жежгулька*, у Малороссіянъ *зозуля*, въ Россіи *кукушка*.

Въ древней части свѣта и во всѣхъ странахъ Европы, кукушкѣ приписывалось предвѣщательное свойство. Если она прокричала куку надъ домомъ, то думали, и теперь думаютъ, что кукушка предсказываетъ смерть кому либо изъ домашнихъ. Вѣщій голосъ ея,

наводилъ страшное уныніе на весь домъ. (*) Если кто услышитъ ее въ первый разъ, имѣя при себѣ деньги, тому быть богатымъ. Услышитъ ли дѣвушка, имѣя при себѣ деньги, быть ей за мужемъ за богатымъ. Поселянинъ, начинающій въ первый разъ свою работу при куканіи, увѣренъ, что его трудъ не останется безъ вознагражденія. — Донынѣ господствуетъ мнѣніе, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, что когда кукуетъ кукушка, надобно предлагать ей вопросы о долголѣтіи своей жизни, и сколько разъ она прокричитъ, столько лѣтъ жить на свѣтѣ. — Случалось слышать, что самые старики, стоящіе одной ногою во гробѣ, спрашивали у кукушки: кукушка, кукушка! скажи: сколько

(*) Къ числу зловѣщихъ птицъ принадлежатъ: воронъ, грачъ, сычъ, сова, филинъ, пугачъ и сорока. Названіе зловѣщихъ они получили за дикій и пронзительный ихъ крикъ, напр. пугачъ и лѣсной филинъ воютъ среди глухой ночи, голосомъ отчаяннаго человѣка, зовущаго къ себѣ на помощъ или кричатъ ребенкомъ, иногда же хохочутъ, стонутъ и ржутъ. Суевѣры носятъ при себѣ кохти филина, чтобы отвратить отъ себя зло. Если воронъ или другая какая нибудь изъ зловѣщихъ птицъ, прокричитъ на кровлѣ, то быть въ домѣ покойнику.

Въ Москвѣ сохранилось повѣрье о сорокѣ, будтобы предавшей боярына Кучку. Извѣстно, что Москва основана на мѣстѣ убіенія Кучки, и когда онъ, желая избѣгнуть своихъ убійцъ, спрятался подъ однимъ кустомъ; тогда сорока своимъ сокотаньемъ указала несчастнаго Кучку, который умирая проклялъ ее. Отсюда родилось вѣрованье, что сороки изгнаны навсегда изъ Москвы. -

Разсказываютъ еще, что Марія Мнишекъ, жена самозванца Дмитрія, была вѣдьма, и когда убили ее мужа, тогда она перекинулась въ сороку и вылетѣла въ окно изъ своего терема. За это были прокляты всѣ сороки. – Охотники до вѣрованій утверждаютъ еще, что онѣ прокляты однимъ набожнымъ старцемъ за то, что одна сорока унесла послѣдній кусокъ его сыра.–

лѣтъ мнѣ жить на свѣтѣ? — Она бывало прокричитъ разъ сорокъ; старики радуются и разсказываютъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. — И кто не хочетъ жить! Но оказывалось, и весьма часто, что пророчество кукушки было недѣльное, какъ ворожеевъ: старики не переживали полгода. Молодыя дѣвушки, и все неопытное, любитъ спрашивать у кукушекъ. Случалось, что на вопросъ о ихъ долголѣтіи, кукушка прокричитъ разъ пять или два раза. Сколько тогда горестей отъ ея зловѣщаго голоса! — Но молодыя, на перекоръ вѣщанію, живали до глубокой старости. — Въ Малороссіи дѣвушки, услышавъ кукушку, останавливаются съ трепетнымъ волненіемъ и спрашиваютъ: зозуля, зозуля! скажи: чи багацько осталось менi житы? Зозуля молчитъ; онѣ вновь повторяютъ вопросъ; зозуля не отвѣчаетъ; онѣ сердятся, но спрашиваютъ, и вдругъ она какъ нарочно, прокукуетъ одинъ разъ; тогда разсерженныя бросаютъ на нее землю, сгоняютъ съ дерева, говоря: брешe зозуля! — Когда льстятъ намъ, тогда мы вѣримъ и самой лжи. — Въ народѣ осталась пѣсня на кукушку:

Прилитила зозуленька,
Зъ темнаго лисочку:
Сила, пала, заковала,
У зеленымъ садочку.
Ой, якъ выйшла Дунячка,
Въ ней запытала:
Скажи менi, зозуленько,
Чи довго буду въ батька?
Будешъ, мила Дунячко,
Весь день до вечера.
Бодай же ты, зозуленько,
Снмъ литъ не ковала,

Що ты мени, молоденькой,
Правды не сказала. — (*)

Во многихъ малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ, отразился пророческій голосъ кукушки; на примѣръ въ думѣ о гетманѣ Наливайкѣ, по возстаніи его противу Польши (въ 1596 г.) (**).

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про межъ святыхъ чувала,
Що вона кувала, тому й бути статы.

Въ думѣ: походъ на Поляковъ, за смерть Павлюка, (1639 г.);

Закряче воронъ, степомъ летючи;
Заплаче зозуля, лугомъ скачучи;
Закуркуютъ кречеты сизы,
Да все усе по своихъ братахъ;
Загадаются орлики сизы,
Да все усе по своихъ братахъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!

Мандрики и завиваніе вѣнковъ.

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что если кричитъ кукушка, послѣ дней Петра и Павла, то это значитъ, что не будетъ изобилія въ хлѣбѣ. — Въ день св. Апост. Петра и Павла пекутъ изъ творогу, на маслѣ и яйцахъ, круглые небольшіе сырники, которые называются мандриками, и ѣдятъ ихъ, въ томъ вѣро-

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. изд. 1841 г. т. I см. малороссійскія пѣсни, подъ статьею Троицкія с. 272, причислилъ ее къ троицкимъ пѣснямъ. – Ее поютъ во всякое время, и она сочинена на счетъ гадающихъ, особенно, когда дѣлаютъ загадки кокушкѣ.

(**) Максим. Украин. нар. пѣсни с 24–28, изд. Моск. 1834 г.

ваніи, что кукушка не будетъ кричать болѣе. Если послѣ этого времени кукушка кричитъ, то она кукуетъ уже такъ, какъ будто бы чѣмъ нибудь подавилась, почему и говорятъ: зозуля подавилась мандрикою. У Нѣмцевъ такъ же есть повѣрье, что если кукушка перестала кричать, послѣ Иванова дня (іюня 24); то навѣрно будетъ голодъ въ томъ году. — (*)

Въ орловской губерніи на праздникъ Петра и Павла, дѣвицы и молодые мущины ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Съ собою берутъ яйца вареныя, пироги и короваи: печеные на яйцахъ, маслѣ и молокѣ; угощаютъ другъ друга. При плетеніи вѣнковъ поютъ хороводныя пѣсни. Боятся заходить далеко въ лѣсъ, вѣря, что русалки скрытно качаются на зеленыхъ вѣтьвяхъ, нападаютъ на людей и защекочиваютъ ихъ до смерти.

Крещеніе кукушекъ и кумованье.

Во многихъ мѣстахъ совершается поселянами крещеніе кукушекъ, въ третье, иногда въ пятое, шестое или седьмое воскресеаье по Пасхѣ, а болѣе въ день женъ мироносецъ. — Женщины идутъ въ лѣсъ, выбираютъ тамъ двѣ молодыя кудрявыя березки, и пагнувъ ихъ, переплетаютъ вѣтьвями; потомъ связываютъ платками и полотенцами, образуя изъ нихъ вѣнокъ, къ коему привѣшиваютъ два креста. Двѣ женщины, желающія жить въ дружбѣ, или какъ онѣ говорятъ: покумиться, ходя вокругъ вѣнка въ разныхъ направленіяхъ, цѣлуются крестообразно, три раза сквозь вѣнокъ. Прочія женщины поютъ между тѣмъ:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?

(*) Объ этомъ я слыхалъ, когда я былъ въ Вѣнѣ. Прогуливаясь по саду съ однимъ Нѣмцемъ, я услыхалъ кокушку. Нѣмецъ немедленно замѣтилъ мнѣ, что ея крикъ въ это время, предвѣщаетъ неурожай.

Покумимся кумушка,
Покумимся голубушка:
Чтобъ намъ съ тобою не браниться.

За тѣмъ онѣ мѣняются крестами, именуются съ того времени кумушками и живутъ между собою въ дружбѣ. — Послѣ готовятъ женщины яишницу, пируютъ и пляшутъ подъ плясовыя пѣсни. — Въ орловской губ. кумятся и мущины. Кумы, надѣвъ крестикъ на траву кукушку, кладутъ ее на разостланый платокъ, садятся вокругъ, мѣняются крестами и вступаютъ въ кумовство. Потомъ ѣдятъ яишницу. (*)

Въ Литвѣ, на третій день Свѣтлаго Воскресенія, собираются изъ деревни молодыя дѣвушки и мущины, въ одинъ домъ. Тамъ поютъ сначала разныя пѣсни, и потомъ пляшутъ танецъ *гіагузи*. Дѣвица особой красоты, управляетъ этимъ танцемъ и называется *зозулею* (giegiely). — Она садится на стулѣ съ завязанными глазами, — прочія дѣлаютъ около ея коло и пляшутъ. Послѣ каждаго круга подходятъ мущины къ сидящей, и взявъ за руку, поютъ:

Царица кукушка, — куку, куку!

Она отвѣчаетъ:

Я твоя, братецъ, — куку, куку!

Царица, узнавъ голосъ, милый для ея сердца, развязываетъ свои глаза, избираетъ трехъ молодцевъ, и

(*) Броневск. Путеш. отъ Тріеста до С. Петербур. 1810 г. ч. 1. и 2.

танцуетъ съ ними; но преимущественно съ тѣмъ, кто ей ближе къ чувству. При разставаніи съ ними, она даритъ каждому своей работы по пестрому кушаку; молодцы дарятъ ее съ своей стороны. Съ этихъ поръ дѣвушка называетъ ихъ братьями, а они ее сестрой. Эта забава, вѣроятно произошла изъ народнаго преданія о сестрѣ и трехъ братьяхъ, которые, подъ начальствомъ неустрашимаго литовскаго князя Кейстута, пали на полѣ битвы противу рыцарей меченосцевъ. Сестра не могла перенесть горести: она оставила родительскій домъ, скиталась по лѣсу и рыдала. Верховный литовскій богъ, сжалившись надъ нею, превратилъ ее въ кукушку. —

Въ Россіи вдова и сирота называются простолюдинами *горемычной кукушкою*, *горькою кукушкою*. Есть даже трава *кукушкины слезы*. (orchis latifolia) (*)

Въ народной сказкѣ *дѣвица красавица*, говорится, что она превращена чародѣйкою въ *кукушку*, по собственному ея желанію, чтобы жить не разлучно съ тремя убитыми на войнѣ ея братьями, которые всякую ночь являлись къ ней, и просили не разставаться съ ними. (**) Въ какомъ видѣ они являлись къ ней? — объ этомъ

(*) Сынъ отеч. 1836 г. №. 16.

(**) Въ нашемъ народѣ сохранились преданія: о превращеніи, происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ предметовъ, о коихъ онъ толкуетъ по своему. Представляемъ здѣсь нѣсколько образцевъ.

Превращеніе Днѣпра, Волги и Двины (западной).

Днѣпръ, Волга и Двина, были прежде людьми: Днѣпръ, — братъ, а Волга и Двина, — сестры. Еще въ дѣтствѣ остались они круглыми сиротами, и не имѣя куска хлѣба, должны были снискивать пропитаніе дневной работою, не по ихъ силамъ. — Когда это было? Очень давно, говорятъ старые люди, и прадѣды наши

ничего не говоритъ сказка, которая безъ сомнѣнія передѣлана изъ литовскаго повѣрья. — Самогитскія дѣвицы донынѣ поютъ:

не помнятъ.–Выросли братья и сестры, а щастья имъ все нетъ, какъ нетъ.–Каждый день, съ утра до вечера, все работа да работа и все изъ дневнаго пропитанія. Одежда у нихъ была, какую Богъ послалъ! Найдутъ лоскутъ въ сору, и тѣмъ прикроютъ свое тѣло. Натерпѣлись бѣдные холоду и голоду; надоѣло имъ житье, хуже горькой рѣдьки. Одинъ разъ, послѣ трудной работы въ полѣ, сѣли они подъ кустъ, доѣдать послѣдній хлѣба кусъ; съѣвши его: поплакали, потужили, думали и придумывали, какъ бы имъ прожить свой вѣкъ, и имѣть свой хлѣбъ; какъ бы имѣть одежду, и ничего не работая, кормить и поить другихъ. Вотъ придумали: отправиться по бѣлу свѣту искать талану, а отъ людей привѣту; искать и отыскивать лучшихъ мѣстъ, гдѣ бы имъ можно течь большими рѣками,–а это было тогда вещь возможная. Ходили они, ходили; не голъ, не два, а безъ малого три, и выбрали они мѣста и сговорились: кому гдѣ начать свое теченіе. Всѣ трое приостановились ночевать въ болотѣ, но сестры были хитрѣе брата. Едва Днѣпръ уснулъ, онѣ встали потихоньку, заняли самыя лучшія и отлогія мѣста, и потекли. Проснулся по утру братъ, смотритъ и слѣдъ простылъ сестеръ! Разсердился онъ и побѣжалъ догонять ихъ; но на дорогѣ одумался, разсудивъ, что человѣкъ не можетъ бѣжать быстрѣе рѣки, ударился объ землю, и полился догонять рѣкою: по рвамъ, по буеракамъ, и чѣмъ бѣжалъ дальше, тѣмъ злился больше. – Не добѣжавъ за нѣсколько верстъ до моря, гнѣвъ его утихъ, и потомъ скрылся въ море; а двѣ его сестры, бѣжавшія отъ него во время его погони, разбѣжались по рзнымъ странамъ, и ушли на дно моря.–Когда Днѣпръ бѣжалъ сердито, тогда онъ изрылъ крутые берега: отъ того онъ въ теченіи быстрѣе, чѣмъ Волга и Двина; отъ того онъ имѣетъ много рукавовъ и пороговъ.

Происхожденіе горъ.

Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водянную, чтобы достать оттуда горсть земли и принесть Ему. Извѣстно, что

Сестрица дорогая,
Кукушка пестрая,

чортъ всегда идетъ противу Бога.–Ладно, думаетъ себѣ сатана, я самъ сдѣлаю такую же землю! Онъ нырнулъ. досталъ въ руку земли, и набилъ ею свой ротъ. Онъ принесъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова, потому что ротъ его былъ набитъ землею. Господь куда не броситъ землю, то она вдругъ является,–такая ровная, ровная! что на одномъ концѣ станешь, то на другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смотритъ и все смотритъ; хотѣлъ что то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? – Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молнія поражало бѣгущаго сатану, и онъ, гдѣ приляжетъ, тамъ выдвинутся пригорки и горки; гдѣ кашлянетъ, тамъ выростетъ гора; гдѣ привскачетъ, тамъ высунется поднебесная гора. И такъ, бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорокъ. горокъ, горъ и привысокихъ горъ.

Происхожденіе рака.

Ракъ, насѣкомое гадкое и прегадкое, вопервыхъ потому, что онъ есть созданіе чорта, а во вторыхъ, что онъ есть пагуба для земноводныхъ и водянныхъ существъ. По созданіи животныхъ, чорту стало завидно, что онъ ничего не создалъ. Сталъ думать. Онъ долго думалъ и выдумалъ прехитрую вещъ, преуродливую штуку: правда онъ сдѣлалъ ее, да не зналъ назвать. Вотъ пошелъ онъ къ Богу и говоритъ: сдѣлалъ я штуку да не знаю, какъ назвать –Отдай мнѣ, сказалъ Господь, я скажу, какъ назвать эту штуку. – Чортъ сталъ думать: чтожъ изъ того, что я сдѣлалъ? я сдѣлалъ, да не умѣю назвать: вотъ штука–то! такъ все равно, эта штука будетъ скитаться по всему свѣту; тамъ люди узнаютъ и скажутъ: эта штука, прехитрая штука, никого какъ чорта! Подумалъ сатана и отдалъ на волю Господа Всемогущаго.–Богъ сказалъ: пусть эта штука будетъ ракъ, и бросилъ его въ воду въ омутъ. Чортъ бросился туда и кричалъ отъ радости: ракъ! ракъ! – Отъ того говорятъ доселѣ: гдѣ раки зимуютъ, тамъ черти въ омутѣ, означая этимъ, что такой чѣловѣкъ знаетъ всѣ мѣста,

Ты кормишъ
Братнихъ коней;

что такой человѣкъ пройдоха. – Хитрецъ, хоть ничкомъ да ползкомъ, но доберется своего,–ракомъ.

Всѣ старообрядцы ни за что въ свѣтѣ не станутъ ѣсть раковъ, почитая ихъ созданіемъ дьявольскимъ,

Черемуха, дятлина и медяница, запрещенныя для пчелъ.

Когда Богъ создалъ свѣтъ и человѣкъ не грѣшилъ еще, тогда Господь удостоивалъ своего лицезрѣнія и разговора, каждое твореніе рукъ своихъ. Изъ всѣхъ созданій. Онъ любилъ пчелу. Испытавъ ее неутомимое трудолюбіе, Онъ хотѣлъ испытать вѣрность ея, поэтому послалъ ее перечесть всѣ цвѣты, которые разсыпалъ Господь по землѣ, и хотѣлъ знать: которыя изъ цвѣтовъ годны для меда, а которые для воска?–Пчела полетѣла по всей землѣ и перечла цвѣты, и очень обрадовалась, когда увидѣла въ первый разъ черемуху, дятлину и медяницу. – Коварная мысль скрыть ихъ отъ Бога, въ туже минуту бросилась въ ея голову. Про эти три цвѣтка, думала она, я не скажу Богу, потому что если Онъ захочетъ отнять у меня, всѣ другіе цвѣты, то будетъ довольно съ меня и моихъ товарищей, этихъ трехъ; у нихъ больше всѣхъ меду и воску. Вздумано и сдѣлано. Она возвратилась предъ Бога, стала пересчитывать всѣ цвѣты, а объ черемухѣ, дятлинѣ и медяницѣ, не сказала ни слова. Но Богъ спросилъ: всѣ ли ты пересчитала цвѣты? – Всѣ, Господи, отвѣчала она –Если всѣ, то питайся ими, и снабжай людей медомъ, но до тѣхъ, которые ты утаила, не смѣй дотрогиваться.–Если возьмешъ медъ съ черемухи, то просидишъ 12 дней слѣпою; если возьмешъ съ дятлины, то ни сама не наѣшься, ни въ улей не принесешъ: ни меду, ни воску; если возьмешъ съ медяницы, то сей же часъ умрешъ.–Отъ этого пчелы не берутъ меду ни съ черемухи, ни съ дятлины, ни съ медяницы.

Смерть пчелы за ея злость.

Когда человѣкъ потревожилъ, еще въ первый разъ, жилище пчелъ, отнятіемъ у нихъ меду и сотовъ; тогда пчелы такъ разсердились на человѣка, что полетѣли къ Богу.– Господи! ска-

Ты мотаешь,
Нити шелковыя.

зали онѣ, человѣкъ обижаетъ насъ: онъ отнимаетъ у насъ въ одинъ часъ все то, что мы собираемъ цѣлое лѣто съ великимъ трудомъ. Ты, Господи, далъ намъ жало, а мы до сихъ поръ не знаемъ: на что употребить его! Позволь намъ ужаливать людей — Господь позволилъ имъ только защищаться отъ людей, своимъ жаломъ. — Въ наступившее лѣто, человѣкъ снова обобралъ пчелъ, не смотря на то, что онѣ и кусали и жалили его. — Пчелы опять полетѣли къ Богу съ просьбою. Мы кусали человѣка, говорили пчелы, но онъ весь вытащилъ нашъ медъ. Правда, тѣло его распухло отъ нашего ужаливанія, поэтому мы думаемъ, что жало наше стало быть ядовитое: позволь намъ такъ ужаливать, чтобы человѣкъ умиралъ отъ жала нашего. — Вы очень злыя, сказалъ имъ Господь, и въ наказаніе за вашу злость, умирайте сами, когда ужалите человѣка или другое какое либо животное. — Съ тѣхъ поръ пчела, ужаливши человѣка, умираетъ сама. -

Птичка, вѣчно просящая пить.

Есть птичка, которая летая въ сухое время повсюду, жалко чирикаетъ и кричитъ: пити, пить, и вымаливаетъ, чтобы дали ей пить. Люди разсказываютъ о ней съ соболѣзнованіемъ. Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками; тогда Онъ повелѣлъ итти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать Ему въ трудахъ: чтобы онѣ носили воду, въ назначенныя имъ мѣста.— Всѣ птицы повиновались Богу, а эта несчастная,—нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь. — Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству, даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя, остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями — Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка безпрестанно надоѣдаетъ людямъ, жалобно проситъ пить, пить!

Скажи кукушка:
Скоро ль мнѣ за мужъ?

Колосъ прежній и тотъ, что нынѣшній.

Въ старину, а какъ давно, никто не помнитъ, рожъ была не такая, какъ въ наши годы: съ корня одна солома, а на самой макушкѣ колосокъ, а тогда отъ корня до самаго верху, былъ колосъ, да наливный колосъ, что твое яблочко наливное! Отъ чего рожъ такъ измѣнилась? - Отъ того, что у бабъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ; отъ того, что народъ сталъ грѣшить съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе. - Одинъ разъ бабы, собравшись толпою, пошли жать рожъ послѣ дождя, а она еще не просохла послѣ Божьяго дождя: она была полна воды и зеренъ, частыхъ зеренъ, какъ часты звѣзды. Бабамъ тяжело показалось жать; онѣ, чтобы помочь своему горю, стали бранить рожъ на перерывъ. Одна говорила: чтобъ ты пропала, окаянная! другая: чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту! третья: чтобъ тебя проклятую сдернуло съ низу до верху! - Послѣдняя брань понравилась всѣмъ бабамъ, и онѣ въ одинъ голосъ закричали: чтобъ тебя проклятую сдернуло снизу до верху! - А Господь Богъ вездѣсущій, разгнѣванный ихъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять по одному. — Бабы стоятъ да смотрятъ. — Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ, нашъ колосъ сухощавый и щедушный; тогда собаки стали просить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю, сколько нибудь колоса. Господь сжалился надъ ними, и оставилъ имъ колосъ, какой видимъ нынѣ.

Происхожденіе одежды.

До согрѣшенія Адама и Евы, они ходили нагими; не чувствовали ни зною, ни холоду и не знали стыда, потому что были праведные; тѣло ихъ, вмѣсто одежды, было покрыто бѣлою какъ эмаль, и мягкою какъ пухъ кожицею, называемой чешуею. Но когда они согрѣшили, тогда Господь покрылъ ихъ стыдомъ, — обнажилъ ихъ, и въ воспоминаніе того, чѣмъ тѣло было покрыто, оставилъ на пальцахъ рукъ и ногъ, по маленькому значку, называемому нами ногтемъ, и съ тѣхъ поръ людямъ стала одежда необходимая.

Сколько прокукуетъ кукушка, чрезъ столько времени должно исполниться желаніе дѣвушки. (*)—Изъ всѣхъ этихъ преданій видно, что кукушка у иныхъ представлялась предвѣщательницею, у другихъ несчастною дѣвушкой или горемычной сиротою.

Въ Норвегіи празднуется *кукушкинъ день*, но у насъ на Руси не было кукушкина праздника. Безъ сомнѣнія, вѣрованіе въ голосъ кукушки, господствовало у насъ съ весьма давняго времени; однако оно никогда не было предметомъ поклоненія.

Въ народѣ есть повѣрье, что у кукушки нѣтъ самца, но его замѣняетъ ястребъ; что она кладетъ яйца въ чужія гнѣзда.—Жалобный голосъ ея, возвѣщаетъ ее страданіе. Будтобы, во время Воскресенія Спасителя, когда всѣ птицы пробудились и прославляли возставшаго изъ мертвыхъ: одна кукушка опоздала, и теперь въ наказаніе, должна страдать и влачить жизнь одинокую. — Думаютъ, что кукушку можно словить безъ всякихъ хитростей: стоитъ только, когда она кукуетъ на деревѣ, опоясать его поясомъ, и тогда она никуда не улетитъ.

(*) Сынъ отеч. 1836 г. № 16.

VII.

КУПАЛО.

Поклоненіе огню и водѣ, очищеніе огнемъ и водою, возжиганіе огней и перескакиваніе чрезъ нихъ, все это употреблялось въ глубокой древности на востокѣ у всѣхъ народовъ. Почитаніе огня и воды.

Индѣйцы поклонялись огню и водѣ, но Персы особенно чествовали огонь. Гвебры, доселѣ слѣдующіе ученію Зороастра, видятъ въ огнѣ бога или духа повсюднаго. Греки и Римляне, держали во храмахъ очистительные огни. Во храмѣ богини Весты, безпрестанно горѣлъ предъ ея истуканомъ неугасимый огонь, который былъ столь священъ, что если онъ нечаянно погашался; то Весталку погребали живою въ землю. На праздникахъ Цереры, Палесы или Весты, и Палиліи, скакали черезъ зажженные огни, для очищенія себя отъ грѣховъ. Овидій говоритъ, что не только поселяне, но и скотъ перепрыгивалъ черезъ огонь три раза, и окроплялся омоченою въ водѣ лавровой вѣтвію. Татары переводили свои стада черезъ огонь. Представлявшіеся хану обязаны были прежде пройти черезъ огонь, и потомъ поклониться кумирамъ. Подарки, какіе приносились ему, очищались огнемъ. Князь черниговскій Михаилъ, когда прибылъ въ станъ къ Моголамъ (1246 г.), не хотѣлъ вступить въ шатеръ

Батыевъ, чрезъ разложенные огни. Тогда волхвы и блюстители суевѣрныхъ обычаевъ, требовали, чтобы онъ шелъ черезъ разложенный предъ ставкою огонь, и поклонился священному кусту, огню и кумирамъ. Онъ отринулъ ихъ требованіе, сказавъ: «христіянинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ.» Ему объявили гнѣвъ Батыя, и что онъ долженъ повиноваться, или умереть. «Да будетъ такъ» отвѣчалъ князь. «Возмите славу міра, хочу небесной.» Убійцы бросились на него по данному знаку и мучили; наконецъ одинъ изъ нихъ отсѣкъ ему голову. (*)

Общее употребленіе огня.

У Нѣмцевъ долгое время существовалъ древній обычай переходить черезъ ивановскій огонь, и переводить черезъ него свои стада. Оставшіеся угли, клали въ хлѣвъ и стойла, для предохраненія скота отъ всякой заразы; золу бросали на поля и огороды, для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ.

Ивановскіе огни въ употребленіи почти во всей Германіи, Россіи, Польши, Богеміи, Моравіи, Далмаціи и другихъ славянскихъ странахъ. Это остатокъ древняго языческаго обыкновенія, но навѣрное нельзя сказать, кто изъ нихъ отъ кого позаимствовалъ.

Скаканіе имѣетъ свое особое знаменованіе. У иныхъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней; у другихъ, когда высоко скачутъ, предзнаменовываетъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь на лошадѣ, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить появленію колдуновъ. (**)

(*) Кар. И. Г. Р. т. IV. с. 33-35. прим. 41. изд. 1817 г.

(**) Ueber die alten Slawen, т. 1. с. 86.; Ant. Tkany: Mythol. II. с. 43.; Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 426–427., ed. Budn. 1834 г.

Варронъ, (*) пишетъ, что поселяне, натаскавъ кучу сѣна и соломы, зажигали и скакали для очищенія себя. Квинтиліанъ Цицеронъ, въ письмахъ къ своему брату, знаменитому Марку Туллію Цицерону, говоритъ, что Бритты праздновали лѣтнее солнцестояніе, подъ именемъ *Granія*, бога *солнца*. На канунѣ солнцестоянія, они раскладывали огни по горамъ и холмамъ. Женщины, дѣти и стада животныхъ, перепрыгивали черезъ огонь въ честь божеству. Толпа народа хранила таинственно-глубокое молчаніе, пока не показывалось солнце на небосклонѣ. И едва оно появлялось, тотчасъ привѣтствовали его радостными восклицаніями. (**)

Многіе идолопоклонническіе обряды, смѣшавшись въ Европѣ съ христіянскими, отражали долгое время суевѣрныя празднованія. Надобно было великихъ усилій, чтобы измѣнить ихъ, но это не могло послѣдовать прежде смягченія нравовъ. Не ранѣе XVI в., когда просвѣщеніе восторжествовало надъ грубостію нравовъ, начали примѣтно отставать отъ языческихъ праздниковъ, но все они остались въ воспоминаніи.

Почти во всей Европѣ празднуется Иванъ Купало, и онъ совпадаетъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Въ средней Германіи это время называется переходомъ солнца (Sungihte). Ивановымъ днемъ (Hannstag), Ивановымъ огнемъ (Johaniffeuer,) въ Саксоніи поворотомъ солнца (Sonen-wende), въ Даніи и Англіи пол-лѣтнею ночью (midsummersnat, midsummerseve и midsummersniht) и праздникъ св. Ивана (Sanct Hans Aften); въ Италіи Сабатина (sabatina). Въ Силезіи, Богеміи и Польши

(*) Opera Varronis., ed. Bipon. 1788 г. in 8

(**) Guthrie: Disserti Snr les antiquités de Russie, c. 75. ed. S.-Peterb. 1795 г.

соботки и собутка. Нѣкоторые производятъ это слово отъ *собиць*, пособлять, а другіе отъ бога *Саботъ*. Въ Силезіи былъ идолъ *Сабитъ*, который стоялъ на горѣ *Сабтенъ*. У венгерскихъ Словаковъ: *святоянскій огонь, ваянво, ваяно, ваянокъ и субатка. Ваянво, ваянуо* у Словаковъ, значитъ нынѣ большой огонь. Если Словакъ видитъ большой огонь въ кухнѣ, то онъ обыкновенно говоритъ čo kladeš takuo wajanuo? Къ чему разводишъ такой большой огонь?—Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей выводили ивановскій огонь, отъ сожженія Іоанна Гусса, знаменитаго богемскаго обличителя папскихъ злоупотребленій, и что будтобы Чехи и Моравы, вслѣдъ за ними всѣ прочіе Славяне, установили годичное торжественное поминовеніе по его смерти. (*) У Сербовъ и Иллирійцевъ, *Иванье*. У Сербовъ господствуетъ мнѣніе, что въ Ивановъ день солнце останавливается три раза на своемъ теченіи. Тутъ зажигаютъ еще факелы и бересту, и обходятъ съ ними хлѣва и пастьбища; потомъ идутъ на горы, и сожигаютъ при пляскахъ факелы и бересту. Истрійскіе Славяне кормятъ чурбанъ хлѣбомъ, потомъ бросаютъ его въ огонь. Сербы, въ Ивановъ день, вѣшаютъ еще вѣнки на кровляхъ, домахъ и хлѣвахъ, для удаленія злыхъ духовъ. У Кроатовъ и Краинцевъ называется Ивановъ огонь *кресъ*,— отъ слова кресать (доставать огонь чрезъ кремень); въ Ускокѣ у Далматовъ *коледа*. (**)

(*) Іоаннъ Гуссъ сожженъ на Констанскомъ полѣ, 1415 г. іюля 6., между тѣмъ богемскій ученый, Гаекъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи 1383 г. объ ивановскомъ огнѣ за нѣсколько лѣтъ до смерти Гусса. Онъ замѣчаетъ еще, что въ его время жгли въ Прагѣ святоановскіе огни.

(**) Kollar Národ. Zpiew. ч. I. с. 425–429.; Paulin. — Pieśn. ludu polsk. w Galicyi, с. 19–25, Lw. 1838 г.; Goleb. Lud. polsk.

У нашихъ предковъ совершалось большое празднество въ честь Ивана Купала, какъ бы въ воспоминаніе неугасимаго огня. Остатки этого древняго обычая, до нынѣ соблюдаются у простаго народа по всей Россіи, особенно въ Малороссіи, и всегда приходится іюня 23 предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (24 іюня). Въ западно-южной Россіи онъ называется Иваномъ, а въ сѣверо-восточной, предъ днемъ мученицы Агрипины (23 іюня), Аграфены купальницы.

Откуда же перешелъ Купало въ Россію? На это нельзя отвѣчать утвердительно, но можно сказать, что это восточныхъ народовъ празднованіе, измѣненное вѣками въ разныя названія и обряды. Намъ извѣстно, что еще съ VII в. по Р. Х, строго воспрещалось раскладывать огни, скакать чрезъ нихъ и отправлять разныя забавы, которыя совершались всякій разъ при нарожденіи новаго мѣсяца. (*) Но въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ нѣкоторые считаютъ его богомъ земныхъ плодовъ. (**) Въ пѣсняхъ XVII в. мы

(*) Maciejow. Pamiętn. o dziejach piśm. i prawod. Slow. ed. 1839. ч II. с. 63 – Нѣкоторые изъ писателей видятъ въ Купалѣ индѣйское божество. – Dubois: Moeurs constitutions et cérémonies des peuples de l'Inde, t. I. и 2. Par. ed. 1815 г.

(**) Таковое ошибочное мнѣніе ввелъ Гизель въ своемъ Синопсисѣ, ему послѣдовалъ св. Дмитрій Ростовскій, см. его четью минею, и другихъ писателей славянской миѳологіи. – Въ наше время появилось странное мнѣніе о происхожденіи Купалы, а именно г. Сабинина, см. журн. мин. нар. просв. за 1841 г. ч. XXXI. с. 21. Онъ говоритъ, что религія въ древней Россіи была *скандинавская*, а не славянская; что Купало есть скандинавскій *Бальдюръ*, основываясь на томъ: саги передаютъ, что Бальдюръ, бывъ сожженъ на кораблѣ, упалъ въ воду, а потомъ черезъ нѣсколько времени вышелъ Купалою изъ моря.– Вся статья Сабинина преисполнена невѣроятными выводами,

встрѣчаемъ имя Купала. У Карпато-Россовъ и Литовцевъ, поютъ въ Ивановъ день пѣсни въ честь Ладо; украшаютъ свои ручьи цвѣтами и древесными вѣтвями; собираютъ травы, почитаемыя предохранительными отъ всякихъ болѣзней. Старо-Пруссы или Борусы и Старо-Литовцы, зажигали предъ Ивановымъ днемъ огни подъ липами, въ честь Лиго, бога весны и веселія. Во всю ночь пѣли и плясали, съ припѣвомъ: лиго, лиго! (*)

которые отчетливо разобраны Н. В. Савельевымъ-Ростиславичемъ, см. Славян. сборн. с. CXZIV–CZII.

(*) Снегир. Русск. прост. празд. и пр., выпускъ IV, стр. 27.; v. Rhesa: Preußische Volkslieder, ed. Königsb. 1809 г. Во многихъ русскихъ простонародныхъ пѣсняхъ, сохранились припѣвы: Ой дидъ-лада, лели и люли. Нѣкоторые польскіе писатели, считая Ладо за славянское божество, произвели на свѣтъ близнецовъ Лели и Полели. Нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, которые бы свидѣтельствовали дѣйствительность этихъ боговъ-близнецовъ. Припѣвы: лели, полели, лелуя, лельо и лело, употребляемыя до нынѣ въ пѣсняхъ галиційскихъ, польскихъ и венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и проч., не доказываютъ еще существованія боговъ: Ладо, Лели и Полели. Они, какъ русскіе припѣвы: ой дидъ-ладо, ой люли, люли, суть ничто иное, какъ общепринятыя для обрядныхъ и хороводныхъ пѣсней окончанія. Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употребляли въ пѣсняхъ, сходственное съ люли, *лелюмъ, полелюмъ*.–Польскіе лѣтописцы: Кромеръ, Стрыйковскій и Гванинъ, говорятъ, что въ ихъ время, подгулявшіе на веселой бесѣдѣ Поляки, пѣли съ причитаніемъ къ каждому стиху: *лелюмъ, полелюмъ*,–въ послѣдствіи измѣнилось это на *лелуя, эй лелуя*. Въ Бѣлоруссіи этотъ возгласъ обратился, въ концѣ XVI в., въ *галеле, леле*, и употреблялся даже при оплакиваніи умершаго. *Галеле, леле! и прочь тій мене умарлъ, Ій за тіи нѣмалъ, что исти, альбо пити? и прочь ти умарлъ! Галеле, леле! Ій за тій нѣмалъ красъ іь млодзицъ? Ій прочь тій умарлъ! Ой леле, леле!*

Купало всего кажется правильнѣе производить можно отъ глагола купаться, потому что въ это время повсюду купаются въ рѣкахъ, и самыя пѣсни, напримѣръ малороссійская: купався Иванъ, та въ воду упавъ, или венгерскихъ Славянъ:

Яна, Яна, на сватего Яна,
Купала се свата Ана и пр.

Эти выраженія подтверждаютъ значеніе Купалы. Нѣкоторые противуставляютъ этому слову: *купа* (*), *копаніе*, отъ копанія кореньевъ и кладовъ, а наконецъ нѣкоторые ищутъ сходства купы въ индѣйскомъ *купанъ*. (**)

Очистительный огонь.

Огонь, чрезъ который перескакиваютъ, знаменуетъ очистительный-Очистительные или священные огни, назывались у Англо-Саксовъ nodtyr, у Датчанъ midsommerstaal, у древнихъ Нѣмцевъ ansfyr, nedfeuer и notfeuer, кои, по ихъ мнѣнію, предохраняли отъ заразы и болѣзней, и возжигались для умилостивленія усопшихъ тѣней. У Финновъ называли коко, т. е. костеръ, зажигаемый ночью среди лѣса, по большой части на горѣ. Въ Эстляндіи и Лифляндіи сохранилось имя ивановскаго огня. Тамъ поселяне поютъ пѣсни хоромъ, при-

---

Ой леле, леле!–Для чего ты померъ? не доставало ли тебѣ чего ѣсть и пить?–Для чего же ты померъ? Ой леле, леле! Не имѣлъ ли ты прекрасную жену? И ты померъ! Ой леле, леле; ой леле, леле! – Paul Pieśn. lud. polsk. с. 3.; de Russor. et tartar. religione, ritu, etc. съ статьи: Meletii: de relig. et sacrificiis veter. Borussorum, с. 262. ed. 1582 г.

(*) Купа польское и малороссійское значатъ кучу. Поэтому производятъ Купалу отъ кучи хворосту, зажигаемаго въ то время.

(**) Снегир. Руск. прост. празд. и пр., вып. I. с. 59 и вып. IV. с. 19.

бавляя къ каждой строкѣ: касике, канике. Въ VIII ст. господствовалъ, между турингискими Славянами, Яновъ огонь. На островѣ Мальтѣ рыцари мальтійнаго ордена Іоанниты, ходили вокругъ зажженнаго огня. (*)

Обрядъ празднованія Купалы, общій между Славянами.

Съ древнихъ еще временъ многія юго-западныя славянскія племена, праздновали день Купалы, какъ нынѣ. Дѣвицы плели вѣнки изъ цвѣтовъ, возлагали ихъ на головы, и взявшись за руки, скакали около огня. У Сербовъ ведется донынѣ ежегодное празднество, Иванье. Тамъ пастухи, на канунѣ Иванова дня, жгутъ около хлѣвовъ березовыя и черешневыя лыки. Въ сумерки зажигаютъ уже огни и веселятся. Сербскія дѣвушки плетутъ вѣнки изъ ивановской травы, кладутъ ихъ на крыши домовъ и въ стойла, чтобы предохранить скотъ отъ злыхъ духовъ и всякаго чародѣйства.—Нѣкогда купали истукана въ водѣ и обливали его водою. — При плетеніи вѣнковъ поютъ:

Ивансно цветѣ,
Иванъ я бере, те бере,
Майцы я бере у крило,
А майка скрила на землю (**).

Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употреблялись собутки. Польскій ботаникъ Мартинъ, который описываетъ собутки въ концѣ XVI в., говоритъ, что дѣвушки въ его время не оставляли этотъ языческій обычай: приносили травы въ жертву, дѣлали вѣнки и ими украшали себя. Въ этотъ дьявольскій день, какъ

(*) Снегир. Рус. прост. празд. и пр. вып. IV. с. 26 и 27.

(**) Ранчъ: Ист. разн. слав. нар., кн. I. гл. XXI изд. Вѣнское; Pauli: Pieśn. lud. polsk. w Galic, c. 24. ed. Lw. 1837 г.

онъ выражается, разводили огонь, который доставали чрезъ треніе доеокъ, чтобы празднество было точно дьявольское, въ коемъ принимали участіе самые демоны. Пѣли сатаническія пѣсни, скакали, и съ ними скакалъ отъ радости дьяволъ, которому онѣ молились и его восхваляли, а Бога забывали. Въ день св. Іоанна никого не бывало въ церквѣ, потому что все проводило собутки съ бѣсами со всякимъ безчинствомъ. Женскій полъ, до разведенія огня, ходилъ въ поле искать разныхъ травъ, и собранныя, въ этотъ день травы, имѣли чудесную силу. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ были: Ивановъ цвѣтъ, лопухъ, богородицкая трава и медвѣжье ухо. Дѣвушки вили изъ нихъ вѣнки, пускали ихъ на воду и гадали по ихъ плаванію. Чей тонулъ, той не выйтти за мужъ. Другія, свивъ вѣнки изъ богородицкой травы, святили ихъ въ церквѣ и хранили у себя круглый годъ. Во время людскихъ болѣзней и скотскаго падежа, поили настоемъ изъ тѣхъ же вѣнковъ. Такой обычай господствовалъ и въ червонной Россіи.

Въ XVI ст. мущины и женщины, холостые и женатые, выходили изъ селенія съ радостными пѣснями; разводили огонь на горѣ или въ рощѣ при рѣкѣ, плясали вокругъ и скакали черезъ него. Дѣвушки часто пѣли гадательныя пѣсни, и замѣчали по разнымъ примѣтамъ: исполнятся ли ихъ сердечныя желанія?

Dwanascie dziewek,
Jednako ubranych,
Bylycą opasanych,
Spiewac nauczone,
W tańcu nie zganione.

Ogień napalono na dworze,
Ciekano rannej zorze.
Od małek moly,

Ze na dzień ś. Jana,
Sobatka palana. (*)

Нынѣшніе поселяне удержали въ Польшѣ и Галиціи, почти тѣже самыя обыкновенія: тамъ донынѣ еще вѣрятъ, что тотъ, у кого болитъ голова и находился при огнѣ *собутки*,—пройдетъ немедленно головная боль. Богородицкою травой запасаются для того, чтобы во время жатвы не болѣлъ спинный хребетъ. Въ другихъ мѣстахъ въ день св. Іоанна крестителя, выходятъ поселянки до солнечнаго восхода, на лугъ, и растилаютъ по росяной травѣ полотняные передники. Принесши ихъ домой, намоченые свято-ивановской росою, выжимаютъ ее и хранятъ для употребленія. Думаютъ, что умытое лице этою росой, придаетъ свѣжесть, красоту и прелесть. Ищутъ еще рано по утру двухъ сросшихся во ржѣ колосьевъ.— При танцахъ и другихъ забавахъ поютъ:

Ianie! Ianie! Swięty Ianie!
Cóżeś nam przyniósl nowego?
Cóżeś nam przyniósl nowego?
Ianie! Ianie! Swięty Ianie!
Przyniosłem ja rosy,
Dzieweckom dla krasy;
Także macierzanki,
Panienkam na wianki.–
Ianie! Ianie! Swięty Ianie!

—

Ku Dunajowi, ku głębokiemu;
Oj ku lasowi, ku zieloniemu!
Oj palą, palą sobótkę,
I piją piwo i wódkę.–

(*) Golębow. Gry i zab. c. 295.

Kto na sobótke nie będzie, —
Glowka go boleć wciąż będzie.

Чехи раскладывали ивановскіе огни въ собутки, которые называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *купадломъ* (купаломъ). Они раскладывали не только по полямъ, но и въ городѣ, и нерѣдко приносили въ жертву дѣтей. Дѣвицы собираются теперь, на канунѣ дня Іоанна крестителя, на Богушову гору; раскладываютъ тамъ солому, зажигаютъ ее лучинами и потомъ бѣгаютъ по горѣ: рѣзвятся, скачутъ, поютъ и ѣдятъ свои лакомства. — Приношеніе дѣтей купалѣ у Богемцевъ, подтверждается еще старинной пѣснею:

Палиць суды къ тому свицe,
Около огнѣ танцуйце,
Панны младенцумъ купадла давай,
А соседе добро вули мавай. —

Такой же обычай скаканія и въ славянской Венгріи. Пѣсни употребляемыя тамъ при этомъ случаѣ, сходствуютъ во многомъ съ прочими славянскими. Въ Шарискѣ (Šaariske stolici) поютъ:

Яна, Яна, па сватего Яна,
Купала се свата Анна! —
Якъ она се выкупала,
Такъ на Яна заволала:
Яне, Яне, дай ми ручку,
Небъ загинемъ при поточку.

—

Яне, Яне, святы Яне,
Осветишъ ты висецко зеле:
И майрамъ и фіялку,
Ійралтовску красну дивку.

—

Кто на тоту соботку не придзе,
До рочка го глава болець будзе.
Я на тоту соботечку пришла,
До рочка я бубу фришна (здоровая).—

—

Кладземе мы соботечку,
За розмарію щопочку.
Кто на нашу соботку не прійдзе,
До рока го глава болець будзе.
Наша соботечка ясна,
При ней челадочка красна:
А Генцовска така́ тмава́,
А при ней челадь плуява.

Иногда дѣвушки и парни поютъ поперемѣнно:

Дѣвушки:

Червенны по гаръ гори,
Съ червенными ягодами:
А кто же го гасиць будзе,
Кедь тамъ парубки не будзе?

Парни:

Красна дѣвочка го гасна,
У вѣночкахъ воду ноша;
Кело въ тымь вѣночку воды,
Тело въ дѣвочцѣ цноты. —

Дѣвушки:

Червенны по гаръ гори,
Съ червенными ягодами:
А кто же го гасиць будзе,
Кедь тамъ дѣвочекъ не будзе?

Парни:

Красны парубци го гасна,
У покреткахъ воду поша;
Кело въ тей покретце воды,
Тело въ паробкахъ свободы.

—

Яне, Яне, святы Яне!
Машъ ты гыру на коленѣ,
Кебы се ти розпучила,
Соботку би загасила. —

—

На разтаце, на потоце,
Два голубки воду пію,
Такъ се они догвараю:
Кого они случицъ (соединить) маю?
Есть у суседа красна дѣвка,
Треба бы то въ едно случицъ.
Буде то се верцѣ лубицъ,
Верцѣ, верцѣ, потаемцѣ,
О рокъ, о два, недаремцѣ. —

При собираніи иваповской росы:

Тварь (липе) моя, тварь моя квитни ми ружицкой (розами).
Будемъ тя имывать ту житной росичкой:
Ту житной росичкой, сбѣраной зарана,
Кымъ слице не выйде на святего Ивана
(Пока не взойдетъ солице на святого Ивана).

—

При рѣзаніи травы въ день св. Ивана:

Жала сомъ травичку, на Яна маличку,
Порезала сомъ са на мою ручинку:
Порезала сомъ са на малички пришток (палецъ).
Хцела сомъ одрезать на пумпаве вршток.

Въ Зволенскѣ, горней Леготѣ, поютъ:

Свата Яна паля,
Черти мниховъ хваля. —

Тамъ думаютъ, что когда жгутъ огонь, тогда черти восхаляютъ своихъ доброжелателей-монаховъ. У многихъ южныхъ славянскихъ племенъ владычествуетъ повѣрье, что никто столько не дружится изъ людей съ чертями, какъ монахи. Это повѣрье родилось во время насильственнаго крещенія Славянъ, католическимъ монашествомъ.—Доминиканцы и Іезуиты, вездѣ нетерпимые за низкія ихъ дѣйствія, въ великомъ презрѣніи у Славянъ. — Въ той же странѣ поютъ еще;

О Яна, Яна ваяна!
На прострєдъ зволена
Есть липка зелена!
О Яна, Яна ваяна!
Дай добры часъ почать,
А лепше докончать.
О Яна, Яна ваяна!
О Яно, Янечко,
Зобудь ма рапечко.
О Яна, Яна ваяна!
Рано предъ зорами,
Трома годинами.
О Яна, Яна ваяна!
Кравы подоити;
На пасу выгнати.
О Яна, Яна ваяна!
На пасу зелену,
На росу студену.
О Яна, Яна ваяна!
Сватго Яна паля,
Плна дечковъ яма

О Яна, Яна ваяна!
Акы с текъ месяцъ
Пекнѣ огродѣны. —
О Яна, Яна ваяна!
Пекныша вдовами.
Крайшима паннами.

Въ славянской Турціи и Липтовѣ:

Яно, Яно, ваяную!
Прилетѣла голубка въ часъ рано;
Прилетѣла другая,
Зъ червенего круга;
Прилетѣла третья,
Зо заграды зъ квѣтя
Яно, Яно, ваяную!

—

Ваяную, ваяную!
Или: Яно, милы Яно!
Зобудзай въ часъ рано,
Въ часъ рано раничко,
Кедъ выйде слиѣцко.

—

Въ одномъ Липтовѣ:

Эй, Яне нашъ, Яне!
Кде тя палить маме?
На бобровской странѣ,
Та тя палить маме.
Кого оженимє?
Дура Штѣфиновъ.
Кого же му дамє?
Мару Калиновъ.

Въ Новоградскѣ:

Кабы я видѣла, кебы буде Яна,
Вербы сомъ накладла, на три страны огна;
Ѣдонъ бы накладла одъ солнца восходу,
Другы бы накладла мосму милему,
Мосму милему, шугайку шварнему,
(Пригожему молодцу).

—

На святего Яна,
Кажди є піяна:
Кедъ ми такъ будеме,
Ай ми піять будеме.

—

А я мою жену,
Заженѣмъ на войну,
На Святего Яна,
Кедъ буде ожрана (пьяна).

—

Тенъ тыдень, тенъ тыдень, по святѣмъ Янѣ,
Лежими, лежими, ма мила въ ямѣ:
Смилуй са, смилуй са, надъ сй душецкой,
Ако са смилуе, конуръ надъ мышкой.

Иваповскій день въ Ускокахъ (въ Далмаціи), начинается за десять дней до праздника Іоанна крестителя. Въ это время толпа поселянъ складываетъ можевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаетъ его, сопровождая танцами и пѣснями. Дѣти смотрятъ за огнемъ, чтобы онъ не погасъ, и чтобы дымился можевельный запахъ. — Это продолжается постоянно до Иванова дня.—На канунѣ этого праздника, который особенно отличается множествомъ огней, дѣвушки и молодыя женщины отправляются въ сады собирать цвѣты и травы, изъ коихъ плетутъ вѣнки и

украшаютъ ими свои головы, въ томъ мнѣніи, что во весь годъ не будетъ болѣть у нихъ голова, и самыя опасныя болѣзни не пристанутъ къ нимъ.

Въ Силезіи въ день *соботы* или *соботки* празднуютъ ивановскій огонь, который называютъ еще *огненнымъ поворотомъ солнца*. Предъ днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, танцуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и почести дьяволу. Приносимая ему въ жертву богородицкая трава, развѣшивается въ домахъ и хранится, какъ предотвратительное средство отъ несчастій. — Огонь добываютъ трѣніемъ досокъ. Сохранилась старая пѣснь, которую пѣли въ ивановскій праздникъ въ черномъ лѣсѣ (сендомірской губ.)

Gdy słońce raka zajrzewa,
A słowik więcy nie spiewa,
Sobótke jako czas niesie,
Zapalono w czarniem lesie,
Iako matki nam podały.
Same także z drugich miały,
Ze na dzień Swiętego Iana,
Zawżdy sobótka palona.

Поэтъ Кохановскій такъ описываетъ соботку:

Dwanascie dziéwek jednako obronych,
Bylicą opasanych,
Spiewaé nauczone,
W tańcu nie zganione,
Ogien napalano na dworze
Czekano rannéj zorze.
Od matek miały, że na dzien S. Iana,
Sobótka palana.
Niemy ogień do switania,
Nie bez piesni, nie bez grania,
Skokiem tanice najsnudniejszy.
Kędy w beben przybijają,

Wystąp ty, coś ciągnął kota,
A na chwilę puść się płota (*).

Обычай жженія огня, перешелъ сюда отъ другихъ Славянъ. Люнебургскіе Венды совершали языческія жертвоприношенія, долгое время по принятіи христіянской вѣры. При священномъ деревѣ они закалывали пѣтуха, съ обряднымъ возліяніемъ и окропленіемъ, потомъ предавались пляскамъ и пѣснямъ.

У дравскихъ Вендовъ (между Луковымъ, Доннебергомъ и Вельценомъ), въ высокомъ почитаніи деревья: *вѣнечное* (березовое) *и пѣтушиное* (Hahnbaum). Вѣнечное употребляется женщинами въ Иваповъ день. Онѣ однѣ только могутъ его рубить, возить и ставить въ землю. Всякая женщина, какъ бы она ни была дряхлая, едва могущая ходить на костылѣ, отправляется смотрѣть, гдѣ будутъ ставить дерево. Его рубятъ на канунѣ праздника, снимаютъ съ него всѣ вѣтви, оставивъ одну только верхушку, на подобіе вѣника. — Въ Ивановъ день берутъ женщины тѣлегу, сами въ нее впрягаются вмѣсто лошадей или воловъ, и отправляются въ рощу. Ни непогода, ни дурная дорога, не препятствуетъ имъ: онѣ идутъ черезъ болота, и въ воду по уши. Молодыя и здоровыя женщины идутъ возлѣ тѣлеги: поютъ и весслятся, а ихъ матери везутъ. Какъ скоро появятся съ деревомъ въ селѣ, тамъ поднимаютъ радостный крикъ и спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло еще прошлогоднее дерево и срубливаютъ его. Хозяинъ, передъ домомъ котораго оно стояло, покупаетъ у нихъ, и даетъ имъ нѣсколь-

(*) Ian. Kochanowsk., изд. Mostowskiego, т. I. с. 122–143; Goleb. Gry i zab. ч. 3. с. 295.

ко денегъ на водку. Новое дерево становится при торжественномъ восклицаніи: оно увѣшивается вѣнками и цвѣтами; потомъ выкачиваютъ нѣсколько бочекъ пива и освящаютъ празднество. Обычай становить дерево, совершается ежегодно съ особымъ почитаніемъ.—Люнебургскіе Венды праздновали Ивановъ день, въ ознаменованіе наступленія жатвы. Въ огонь бросали пѣтуха и лили пиво; потомъ плясали вокругъ дерева и окропляли скотъ жертвенной водою. (*)

Поклонники небесныхъ свѣтилъ и огня.

Въ Россіи, по введеніи христіянской вѣры, упорствовали многія племена въ уничтоженіи старыхъ обычаевъ. Въ пятинѣ вотской: въ Ижорѣ, около Ивангорода, Яма, Копорья, Ладоги, Невы до Каяніи и Лапландіи, на пространствѣ болѣе тысячи верстъ, еще были въ XVI в. обожатели солнца, луны, звѣздъ, озеръ, водъ, камней и горъ. Исповѣдуя христіянскую вѣру, они имѣли своихъ жрецовъ, *ардуевъ*, и не хотѣли отстать отъ кумировъ. Митрополитъ Макарій посылалъ сюда (1534 г.) умнаго монаха Илію, съ наставительною грамотою. Жители, увѣряя его въ своей ревности къ христіянству, говорили, что не смѣютъ коснуться идоловъ, оберегаемыхъ ужасными духами. Илія зажегъ священные ихъ лѣса, бросилъ въ воду кумировъ, удивилъ народъ, и проповѣдію довершилъ торжество Вѣры. Пятилѣтніе мальчики помогали ему сокрушать молельни.—Самые Русскіе усердно слѣдовали, въ XVI в., многимъ языческимъ обрядамъ. Жители псковской области праздновали день Купалы

(*) Kollar: Národn. Zpiew. ч. I с. 16–18 изд. Bud. 1834 г; Paul. Pieśn lud. polsk. с.19–21.; Ian Kochanowsk. см. dziela jego; Gebhard. Fortſetz. der Allgem. Weltgeſchicht. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(іюня 24), съ не меньшимъ заблужденіемъ: они собирали травы въ пустыняхъ и дубровахъ, съ суевѣрными обрядами; ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ и гудкахъ; молодыя жены и дѣвицы плясали и обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе. Памфилъ, игумень элеазаровской обители, съ укоризною писалъ къ намѣстнику и сановникамъ Пскова (1505 г.) «Егда приходитъ день Рождества Предотечева, и прежде того, исходятъ *огавницы*, мужіе и жены чаровницы, по лугамъ и по болотамъ, и въ пустыни и въ дубровы, ищущи смертные травы и *привѣточрева*, отъ травнаго зелія, на пагубу человѣкомъ и скотомъ; туже и дивія коренія коплютъ, на потворенія мужимъ своимъ. — Сія вся творятъ дѣйствомъ дьяволимъ, въ день Предоточева, съ приговоры сатанинскими. Егда бо прійдетъ праздникъ во святую нощъ, мало не весь градъ возмятется и въ селѣхъ возбесятся: въ бубни и въ сопели и гуденіемъ струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ; женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кликъ, вся скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихлянія, и ногамъ ихъ скаканіе и топаніе; туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе; туже и женское и дѣвичье шептаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ осквернение, и дѣвамъ растлѣнія.» (*) Въ Стоглавѣ находится извѣстіе (1551 г.), что мущины, женщины и дѣти, предъ праздникомъ и на самой праздникъ Іоанна крестителя, ходили ночью по домамъ, улицамъ и водамъ; забавлялись безстыдными играми, пѣли сатанинскія пѣсни и плясали подъ

(*) Кар. И. Г Р. т. VII прим. 372.

гусли. По прошествіи ночи, шли въ рощу съ великимъ крикомъ и омывались въ рѣкѣ, какъ бѣшеные. (*)

Купанье и хороводные круги.

Донынѣ близъ Антоніево-дымскаго монастыря, недалеко отъ Тихвина (новгород. губ.) простой народъ купается въ дымскомъ озерѣ, и въ немъ купаютъ больныхъ лошадей, почитая эту воду цѣлебною. Препод. Антоній, основавшій этотъ монастырь въ XIII ст., совершилъ на этомъ озерѣ чудеса, почему бываетъ ежегодно іюн. 24 крестный ходъ. Въ томъ монастырѣ хранится желѣзная шляпа этого угодника, найденная въ дымскомъ озерѣ. — Около старой Ладоги производится купанье при огнѣ, раскладываемомъ на горѣ Побѣдницѣ. Въ новгородской губер. этотъ огонь называется: *живымъ*, *лѣснымъ*, *царь-огонь и лькарственнымъ*. Въ озерѣ клещинскомъ (владим. губер. уѣз. Переяславля-залѣскаго), донынѣ купаются и водятъ по его берегамъ хороводные круги съ пѣснями.

Карпатскіе Славяне моются росою до восхожденія солнца, и потомъ скачутъ чрезъ разложенные огни. — Нѣкоторыя же карпатскія и судетскія дѣвушки, опоясываются цвѣтными перевязами, головы убираютъ вѣнками, сплетенными изъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, и потомъ поютъ около огня хороводныя пѣсни. — Въ Литвѣ ходятъ за городъ мыться *росою*, а праздникъ Купалы, называемый тамъ *роса*, сопровождается зажиганіемъ огней. (**)

(*) Стоглавъ, гл. 41–44.: О Иванѣ днѣ и въ навечеріи Р. Х. и Крещенія, сходятся мужи, жены и дѣвицы, на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе, и бываетъ отрокомъ осквернѣніе и дѣвамъ растлѣніе... и егда почъ мимо ходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великіемъ кричаніемъ и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ аки мертвы, отъ великого клокотанія.

(**) Narb. Dzieie nar. Litewsk. т. I.

Аграфена купальница.

Въ сѣверо-восточныхъ мѣстахъ Россіи праздновали, вмѣсто Купалы, *Агрипину купальницу*.—Предъ собираніемъ хлѣба приносили ей жертвы и съ того же времени начинали купаться въ рѣкахъ, потому она прозвана купальницею. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали и пѣли въ честь *купальницы*. Въ архангельской губ. топятъ бани въ день св. Агрипины, настилаютъ полъ травою купальницею (лютикъ), а потомъ купаются въ рѣкѣ. Въ окрестностяхъ Москвы дѣвушки парятся въ баняхъ свѣжими вѣниками, связанными изъ цѣлебныхъ травъ, и готовятъ кашу. — Въ Петербургѣ встрѣчалось мнѣ видѣть, что старые люди, на канунѣ Агрипины купальницы, парятся свѣжими березовыми вѣниками, съ смѣсью разныхъ жгучихъ и цѣлебныхъ травъ: крапивы, лютика, попоротника, богородицкой травы, Иванъ да Марья, ромашки, мяты и полыни. (*)

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ новгород. губ. (около старой и новой Ладоги и Тихвина) топятъ на Ивановъ день бани и парятся травою Иванъ да Марья. — Въ Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губ.) дѣвушки собираются, на канунѣ Аграфены купальницы, къ одной изъ своихъ подругъ: *толокчи въ ступъ ячмень*, и это толченіе сопровождается веселыми пѣснями. На другой день варятъ изъ него кашу, которая называется кутьею, и ѣдятъ ее вечеромъ съ коровьимъ масломъ; потомъ берутъ передніе колеса тѣлеги, съ осью и оглоблями, возятъ сидящихъ на оси по селенію и по-

(*) Когда я спросилъ у одного старика: для чего это дѣлаютъ?-Э, баринъ, ты вишь и не знаешь, отвѣчалъ онъ, эти травы изгоняютъ всю тѣлесную нечистоту, а Аграфена купальница заповѣдала то намъ.

лямъ, распѣвая до утренней росы, и въ заключеніе, умываются росою, думая что она приноситъ здоровье. (*)

Въ другихъ мѣстахъ Россіи, производили иначе празднество купальницы и купалы. Въ день св. Агрипины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растѣнія, клали въ кучу и скакали чрезъ нихъ, не только люди, но и рогатый скотъ, чтобы воспретить русалкамъ, лѣшимъ, вѣдьмамъ и злымъ духамъ, доить молоко, которое, по мнѣнію народа, засыхаетъ у коровъ послѣ ихъ доенія. — Ночью возобновляли зажженные огни, чтобы предохранить свои стада отъ порчи лѣшихъ. (**)

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, какъ Ижоряне праздновали въ окрестностяхъ Петербурга, ивановскій огонь съ особымъ отличіемъ отъ другихъ. — По рижской дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Петербурга, находилась липа, которой вѣтви сплетались съ вѣтвями другихъ деревьевъ, такъ что онѣ образовывали природную бесѣдку. — Петръ В. не разъ отдыхалъ въ ней. — Тутъ собирались Ижорки въ Аграфенинъ день, и проводили всю ночъ при разложенномъ огнѣ, съ пѣніемъ и воплемъ. Напослѣдокъ сожигали бѣлаго пѣтуха, сопровождая жертвоприношеніе скачками и плясками.

Въ другихъ мѣстахъ приносили Славяне жертву съ 24 по 29 іюня, *Купалѣ*, котораго боготворили подъ видомъ бога земныхъ плодовъ. Юноши, дѣвицы, мущины и женщины, украшенные вѣнками и опоясанные травяными и цвѣтными поясами, раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за руки, и пѣли

(*) Кар. И. Г. Р. т. 7. с. 187–189. прим. 371 и 372, т. I. с. 90–91 изд. 1817 г.

(**) Guthrie: Dissert. Sur les antiq. de Russie, с. 77,

пѣсни при перепрыгиваніи. Въ день Петра и Павла, становили качели, съ тѣми же обрядами; качались, пѣли, плясали и скакали на доскахъ. (*) Въ Москвѣ издревле празднуется на *трехъ горахъ* Ивановъ день. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разводили здѣсь огни и пировали.

Мѣстное совершеніе купальскихъ огней.

Купальскіе огни разводятся по всей Россіи, съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями.—На Подолѣ и Волынѣ, дѣвицы сходятся въ то мѣсто, гдѣ поставлена убранная вѣнками и цвѣтами верба, называемая *Купайло*, и ходя вокругъ ея, поютъ печальныя пѣсни.—Мущины и женщины стекаются на это зрѣлище, въ праздничныхъ одеждахъ; молодые парни бросаютъ полевые цвѣты на то мѣсто, гдѣ ходятъ дѣвушки, и потомъ бросаются на вербу, отнимаютъ ее у дѣвушекъ и обрываютъ вѣнки и цвѣты.

Простой народъ въ Литвѣ вѣритъ, что въ ночъ предъ Ивановымъ днемъ, вѣдьмы высасываютъ молоко у коровъ; но чтобы воспрепятствовать имъ, втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ вѣтви ласточьего зелья; надъ дверями вѣшаютъ убитую сороку и приколачиваютъ крестъ на крестъ, кусочки срѣтенской восковой свѣчи.—Другіе ходятъ въ полночъ искать въ лѣсу папоротника. Желающій достать папоротникъ, отправляется одинъ въ глубину лѣса, чтобы не было слышно пѣнія пѣтуха, и пришедши на то мѣсто, гдѣ онъ ростетъ, очерчиваютъ около себя кругъ рябиновой палкою и садится въ немъ. Едва покажется цвѣтъ, онъ долженъ немедленно сорвать его, но тотъ часъ вылетятъ изъ ада черти, будутъ его упрашивать, чтобы онъ отдалъ; если это не

(*) Чулковъ Абевега Русск. суев. см. *Аграфенинъ* с. 1. и Купало с. 228 изд. 1786 Москв.

склонитъ его, то начнутъ пугать, грозить, скрежетать зубами, выть пронзительно и страшно. Но онъ не долженъ выходить изъ своей черты и спокойно ожидать зари. Если онъ выйдетъ за черту круга, то у него вырвутъ папортникъ, производящій чудесное дѣйствіе: владѣющій имъ дѣлается колдуномъ, знаетъ прошедшее и будущее. — Въ Ивановъ день солнце, по мнѣнію людей, выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ: серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ, къ своему супругу мѣсяцу; въ проѣздъ свой пляшетъ солнце и разсыпаетъ по небу огненныя искры, которыя могутъ видѣть только при его восходѣ.

На канунѣ субботки или Ивана Купалы, не выпускаютъ земледѣльцы въ поле своихъ коней, въ томъ мнѣніи, чтобы вѣдьмы не ѣздили на нихъ въ Кіевъ, на лысую гору, гдѣ въ то время бываетъ ихъ сборище.

Въ день Купалы складываютъ костеръ изъ попошепныхъ лаптей, онучъ и лубяныхъ вещей, и зажигаютъ ихъ; потомъ скачутъ и поютъ, пока весь не сгоритъ костеръ. Когда сгоритъ болѣе половины, тогда перескакиваютъ черезъ него парни, дѣвицы вдовы и женатые. — Женщины приносятъ съ собою вареники и водку, и угощаютъ веселящихся. — Вареники приготовляютъ изъ грешневой муки, и начиняютъ ихъ толченнымъ конопляннымъ сѣмянемъ и лукомъ. Послѣ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель. (*)

Въ Бѣлоруссіи вбиваютъ на канунѣ Ивана, по солнечномъ заходѣ, колъ въ землю; обкладываютъ его соломою и конопломъ, а на самый верхъ кладутъ

(*) Golębow. Gry i zabaw. ч. 3 с. 299.

пукъ соломы, называемый Купало. Когда смеркнетъ, зажигаютъ его а вокругъ бѣгаютъ поселяне и поселянки, бросая въ него березовыя сучья, и приговаривая:

Кобъ мой ленъ
Такъ великій бувъ,
Якъ стая фарасина!

т. е. еслибъ мой ленъ былъ такъ великъ, какъ этая хворостина. Дѣвушки, парни и молодыя женщины, поютъ потомъ:

Купала на Ивана!
Гдѣ купала, начавала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Начевала у Ивана.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Шо у Ивана уживала.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана
Уживала варенище у алейще.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Рыбку зъ перцемъ,
Чеснокъ съ клейцемъ. —
Купала на Ивана!
Купала на Ивана.

Въ другихъ мѣстахъ собираютъ ночью, дѣвушки и молодыя женщины, лѣчебныя травы: лопань, былицу, яскеръ, полынь, руту и разходникъ. Не учавствовавшая въ забавахъ, по домашнимъ занятіямъ, предается грусти, и это очень хорошо выражено въ пѣсни:

Молодая, молодица,
Выйди до насъ на улицу,
Разложи купальницу.
Николы мени выходиты,
Бо дитя малое,
Свекоръ лежитъ, не колыше,
А свекруха сидытъ, не дримае.
Малая ночка,
Купальночка!
Не выспалася Гануся, —
Змочила хустоньку,
Слезы утираючи;
Шукала шнуры едвабны,
Путала кони вороны.
Малая ночка,
Купальночка!
Не выспалася Парася, —
Погнала волы хлипаючи,
Змочила огонь котячи,
Слезы утираючи;
Шукала шнуры валовы,
Путала щуры половы. (*)

БИБЛІОТЕКА Е.К. ДЕРЯГИНОЙ БЫВШ. ВИБЬЕНЪ

Въ мѣстечкѣ Гомелѣ (**), близъ города Бѣлицъ (могилевской губ.) поютъ:

У пана Ивана посередь двора,
Стояла верба,
На верби горили свичи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало.

(*) Golęb. Gry i zabaw. ч. 3. с. 298–301.

(**) Принадлежащемъ нынѣ фельдмаршалу графу Паскевичу-эриванскому, князю варшавскому.

Въ озерѣ самъ Богъ купався
Съ дитками, судитками. (*)

Въ витебской губер. на канунѣ Иванова дня, называемаго *Яни день*, собираются по домамъ поселянки до солнечнаго восхода, и убираются въ самыя нарядныя платья. Молодыя дѣвушки надѣваютъ на голову *вайникъ* (родъ повойника изъ голубой матеріи, унизанный бисеромъ и вышитый узорами), поверхъ вайника вѣнокъ изъ травъ и цвѣтовъ. Въ косу, развѣвающуюся позади, вплетаютъ ленты, а шею повязываютъ цвѣтнымъ платкомъ, и все такъ прекрасно, что каждая изъ нихъ красавица. Нѣсколько десятокъ паръ сходится на лугъ и забавляются танцами, или отправляются попарно, при пѣніи пѣсней, къ дому помѣщика. Въ честь его и семейства поютъ поздравительныя пѣсни. Помѣщикъ со всѣмъ своихъ домомъ, долженъ встрѣтить ихъ и угостить. Отъ него онѣ идутъ съ поздравленіями къ другимъ, и весь вечеръ проводятъ въ пѣніи и играхъ, въ коихъ принимаютъ участіе и парни. — Иногда замужнія и молодыя обоего пола, ожидаютъ солнечнаго восхода близъ зажженныхъ смоляныхъ бочекъ и пылающихъ костровъ, распѣвая:

Иванъ да Марья,
На горѣ купалыся.
Гдзѣ Иванъ купався,
Берегъ колыхався;
Гдзѣ Марья купалась,
Трава расцилалась.

Пѣсни раздаются до толѣ, пока *солнце не заиграетъ на небѣ*. Часто при разгулѣ поютъ подъ дудку:

(*) Paul. Piesń lud. polsk. c. 24.

Калижъ тая серида прашла,
Якъ пяіевши на пригонъ пашла,
Весь день жала, пялянилася,
Злому войту паклапилася.
А цяпержа ни а чемъ тужищь,
А войтъ пьяный у карчмѣ ляжищь.

Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою.—Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть, какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду: можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги. — Кто сорветъ въ эту ночъ *перелетъ траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ.

Въ Малороссіи: полтавской, черниговской, харьковской, кіевской и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ, гдѣ употребляется малороссійское нарѣчіе и малороссійскіе обычаи, собираются на канунѣ Ивана Купалы, молодыя дѣвушки въ праздничномъ парядѣ, къ дереву маренѣ, черноклену или другому какому либо срубленному; головы дѣвушекъ тогда увиты вѣнками изъ травъ: кануферу, любистку, зирокъ, божьяго дерева, сѣкирокъ, бирвиночекъ, васильку, мяты, руты, резеды и другихъ душистыхъ травъ; шапки молодцовъ, надѣтыя на бекрень, украшаются ими любимою душистой травою. Когда сойдутся для празднованія, въ коемъ принимаютъ иногда участіе и молодыя женщины, тогда дѣвушки, послѣ взаимныхъ привѣтствій, берутся за руки, ходятъ вокругъ дерева и поютъ:

Ой мала пичка, Петривочка,
Не выспалась наша дивочка!
Не выспалась, не напгралась,
Съ козаченькомъ не настоялась.
Къ чреди шла, задремала,
На пеньки ноги позбывала,
На шпички очи повыймала.
Авже коровы у дубровы,
Авже телята пасутъ хлопьята,
Авже вивцы на крутій гирцы.

За этимъ расходятся въ разныя стороны, и одна изъ дѣвушекъ беретъ соломленную, одѣтую въ женское пестрое платье, куклу, ставитъ ее подъ дерево; другія дѣвушки убираютъ ее голову лентами, очипкомъ и украшаютъ шею намистомъ.—Это чучело называется *Купалою*. Въ другихъ мѣстахъ ставятъ просто соломленное чучело съ деревянными руками, на кои вѣшаютъ вѣнки и женскія украшенія. — *Купалу* обкладываютъ кучей соломы съ крапивою, и зажигаютъ; потомъ, другъ послѣ другаго, перескакиваютъ чрезъ огонь и поютъ:

Ходыли дивочки, около мареночки,
Коло мое водыла Купала;
Гратыми сонечко на Ивана.
Накупався Иванъ, та въ воду впавъ.
Купала шидъ Ивана!

Въ махновскомъ уѣздѣ (кіевской губер.) ставятъ дѣвушки вечеромъ дерево въ землю, которое украшаютъ цвѣточными вѣнками и при пѣніи зажигаютъ вокругъ него огонь. — Въ полтавской губ. дѣлаютъ вечеромъ подъ Ивановъ день, чучело изъ соломы, называемое *мара* (призракъ), носимое и при началѣ весны. Его несутъ къ водѣ при пѣніи, или,

наложивъ груду жгучей крапивы, перескакиваютъ чрезъ нее босыми ногами, а послѣ раскладываютъ огонь и прыгаютъ черезъ него. Гдѣ есть поближе рѣка, туда бросаютъ чучело вмѣстѣ съ вѣнками, или развѣшиваютъ вѣнки на деревѣ. — Иныя несутъ домой свои вѣнки, вѣшаютъ ихъ въ комнатахъ и хлѣвахъ, для предохраненія себя и домашнихъ животныхъ отъ нечистой силы.—При перескакиваніи чрезъ огонь поютъ:

Купала на Ивана!
Купався Иванъ,
Та въ воду упавъ. —
Купала на Ивана!

Иныя скачутъ черезъ огонь въ вѣнкахъ. Домохозяевы, съ ночи на Ивана Купала, оставляютъ теленковъ ночевать вмѣстѣ съ коровами, чтобы вѣдьмы не портили дойныхъ коровъ, а въ хатахъ кладутъ на окошкахъ жгучую крапиву, которая будтобы не пускаетъ нечистый духъ въ избы. — Когда несутъ или убираютъ Купало, тогда поютъ:

Та йшли дивочки и тояго дочки,
Съ тiи вода чорна хмара на долини пала.
На улицы Купала на Ивана!
А въ перипiлочки нижки ни велички,
Й на гору не зойде, на долини не стане,
Купала на Ивана!
Сего дня Купала, а завтра Ивана, —
Чимъ менi, моя мати, торговаты?
Повезу я свекорка продаваты,
Рiднего батынька куповаты.
Здешевыла свекорка, здешевыла,
Рiднего батынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,—
Чимъ мени, моя маты, торговаты?
Повезу я свекруху продаваты,
Ридну матыньку куповаты.
Здешевыла свекруха, здешевыла,
Ридней матыньки не купыла!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мени, моя маты, торговаты?
Повезу я диверка продавати,
Риднего братынька куповаты!
Здешевыла диверка, здешевыла.
Риднего братынька не купыла!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чимъ мени, моя маты, торговаты?
Повезу я зовыцю (золовку) продаваты,
Ридную сестричку куповаты.
Здешевыла зовыця, здешевыла,
Ридной сестрицы не купыла!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сажаютъ подъ срубленнымъ деревомъ марены, вмѣсто чучелы, дитя, которое убираютъ цвѣтами и вѣнками. Дѣвушки, убравъ его, развѣшиваютъ свои вѣнки на деревѣ, и потомъ взявшись за руки, ходятъ хороводомъ и поютъ.

Стояла ту поля, въ край чистаго поля,
Стій ту полинько, стій, не розвивайся!
Войному витроньку не поддавайся.
На нашеи ту поли, чотыре сокола:
Первый соколко, молодый Иванко,
А другій соколко, молодый Николко,
А третій соколко, молодый Михайло,
Четвертый соколко, молодый Василько.

—

Ой! купалочка купалася,
Та на бережку сушилася,
Тай тому люди дивувались.
Ой не дивуйтесь сему люди,
Бо я бачила дивнійше:
Щука-рыба красно ткала,
А ракъ на буйракъ цивки сучитъ,
А муха—горюха дижу миситъ,
Комаръ пищитъ, водицу несетъ.

Пропѣвъ купалочныя пѣсни, бросаютъ марену въ воду. Когда же сами купаются, тогда топятъ марену въ рѣкѣ. Послѣ купанья угощаютъ другъ друга приготовленными закусками, и наконецъ возвращаются домой съ веселыми пѣснями.—Въ иныхъ мѣстахъ молодые обоего пола, купаются въ рѣкахъ предъ закатомъ солнца. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ.—Дѣвушки и мущины, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. — Если при скаканіи не разойдется пара, то это явная примѣта, что она соединится бракомъ.—Веселыя рукоплесканія сопровождаютъ скачущихъ, и непремѣнно до послѣдней пары.—Потомъ поливаютъ огонь водою, и послѣ идутъ домой толковать о своихъ вѣнкахъ, не забывая пѣть дорогою:

Ой не стій вербо надъ водою,
Та не пускай зилье по Дунаю.
Ой Дунай, море розливае,
И день и ночъ прибуваe,
Въ вербо корень подмываe,
А сверхи вершокъ усыпае,
Коло верби листья опадае,
Стань собi вербо на рыночку,
У крищатому барвиночку
У запашномъ васильку.

—

Наши подоляне церковь збудовали,
Не такъ збудовали, якъ намалевали.
Та намалевали три мисяцы ясныхъ:
Ой первый мисяцъ, молодый Иванко,
А другій мисяцъ, молодый Василько,
А третій мисяцъ, молодый Михайло.
Наше доляне церковь збудовали,
Не такъ взбудовали, якъ намалевали —
Та намалевали три зирочки ясныхъ,
Три дивочки красныхъ —
О перва зирочка, млада Марічка,
А другая зирочка, млада Ганочка,
А третья зирочка, млада Варічка.

—

Сонце сходе, яграе,
Иванко коника сидлае,
На стриженочки ступае
На сиделечко злегае.
Тяжинко, важинко вздыхае,
А его батинько пытае:
Що ты се, сыночекъ, гадаешъ?
На що ты, коника, сидлаешъ?
Що тоби батинько до сего,
Сидлаю коника не твоего, —
Пойду до тестя до своего.
Пущу я коника по двору,
Своему тестиви на хвору.
Ой у моего тестя новый двиръ,
И барвиночкомъ сипли двирь,
И василечкомъ мели двирь,
Щобъ мене тещинка хвалила,
Щобъ мене дивчина любила. —

—

Ой, чіе жито подъ горой стояло?
Иванкове жито подъ горой стояло,
Пидъ горой зелененько, по мисяцу видненько,
Молода Марічка ходы жыто жаты.

Якъ я тебе возьму, жыто жаты научу.
Пидъ горой зелененько, по мисяцу видненько,
серденько.

—

Ой вербо, вербо, вербиця!
Часъ тоби, вербиця, розцвитця.
Ой, ище ни часъ, ни пора.
Часъ тоби, Иванку, женицься.
Ой, ище ни часъ, ни пора,
Еще жъ моя дивчина молода.
Та не хай до лита, до Ивана,
Щобъ моя дивчина погуляла;
Та не хай до лита, до Петра,
Щобъ моя дивчина пидросла. (*)

—

Иване, Ивашеньку,
Не переходь дороженьку.
Иване, Ивашеньку!
Якъ перейдешъ, виновать будешъ.
Иване, Ивашеньку!
Зроблю тоби у трехъ зильяхъ,
Иване, Ивашеньку!
Прійшлось дивкамъ за Дунай плысти.
Иване, Ивашеньку!
Вси дивочки переплыли.
Иване, Ивашеньку!
А сироточка утонула,
Иване, Ивашеньку!
Дошли слухи до мачихи,
Иване, Ивашеньку!
Та не жаль же мени дочки,
Иване, Ивашеньку!

(*) Снегир. Русск. простонар. празд., вып. IV. с. 47–50. Эти пѣсни были сообщены ему профес. харьков. универ. г. Артемовскимъ-Гулакомъ, которому достовѣрно извѣстны, что онѣ поются на Ивана Купала.

Та не дочки падчерицы,
Иване, Ивашеньку!
Жаль плахточки крещаточки,
Иване, Ивашеньку!
И запасочки синяточки.

—

Торохъ, торохъ, по дорози!
Що за гомонъ по дуброви?
Ой братъ сестру вбивать хоче!—
Сестра въ брата прохалалася:
Мій братечку, голубчику,
Не вбивай мене въ лисочку;
Убій мене въ чистомъ поли.
Ой, якъ убьешъ, поховай мене;
Обсады мене тремя зильями:
Першимъ зильемъ гвоздичками,
Другимъ зильемъ васильками,
Третьимъ зильемъ, стрилочками.
Дивочки идутъ, гвоздички рвутъ,
И мене зномянутъ;
Молодицы идутъ, васлечки рвутъ, —
И мене зномянутъ;
Паробочки идутъ, стрилочку рвутъ,
И мене зномянутъ. —

—

А въ борку на клинку,
Чій же то ленъ, да не полотый?
То Марусинъ ленъ та не полотый.
Чомужъ вона та не выполола?
То за симъ, то за тымъ,
То за сномъ товстымъ.
Ой, чія жъ то синожатъ та не кошаная?
То Грыцькова синожатъ та не кошаная.

То за симъ, то за тымъ
То за сномъ товстымъ (*).

Ивановская ночъ почитается въ Малороссіи страшной ночью. Тамъ думаютъ, что въ это время хаты и скотные загоны посѣщаются вѣдьмами и вукулами (оборотнями). Для отвращенія ихъ посѣщенія раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ, жгучую крапиву или папоротникъ.—Однѣ яги-бабы (*), колдуны и кіевскія вѣдьмы, которыя собираются тогда во множествѣ, лѣтаютъ на помелѣ на лысую гору или чортово *берепище*, находящееся подъ Кіевомъ, гдѣ онѣ совѣтуются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ.—Въ Ивановъ день не выпускаютъ коня въ поле, думая, что чародѣйка заѣздитъ его. Ивановская ночъ.

Съ совершеніемъ купальскихъ обрядовъ не разлучены нѣкоторыя травы, какъ предохранительныя средства отъ болѣзней и злыхъ духовъ, или какъ имѣющія особую силу заколдовывать и открывать тайну. Къ таковымъ принадлежатъ: *колюка*, *папортникъ или кочедыжникъ*, *тирличъ*, *плакунъ*, *дурманъ*, *адамова голова*, *болотный голубецъ*, *ревенька*, *одолень*, *земляника*, *переносъ*, *на-сонъ*, *разрывъ*, *перелетъ*, *Иванъ да Марья*, *будягъ-чертополохъ*, *подорожникъ*, *лопушекъ*, *купаленка*, *медвѣжье ушко*, *богатенька*, *чернобыльникъ*, *лютикъ*, *архилинъ*, *муравьиное масло*, *медяница или курячья слѣпота* и *петровъ крестъ*. Свойство купальскихъ и чародѣйныхъ травъ.

(*) Максимов. Малор. пѣсн., с. 164-167 изд. 1827 г.

(**) У венгерскихъ Славянъ находится поговорка о ягѣ-бабѣ:

Ѣнзи баба
Стара баба!
Ты машъ зубъ костѣны,
Дай ми за нь зелезны.

Kollar: Národ. Zpiew. ч. I. с. 12.

Колюка собирается въ Петровъ постъ, въ продолженіи вечерней росы, съ великимъ раченіемъ не одними поселянами, но и чародѣями. Она засушивается и хранится въ коровьихъ пузыряхъ. Дается за великую тайну стрѣльцамъ, которые думаютъ, что окуренное колюкою ружье, стрѣляетъ всегда впопадъ и самая чародѣйская сила не можетъ заговорить его. —

Папортникъ или *кочедыжникъ*. Его срываютъ на канунѣ Иванова дня, ночью, съ особенными обрядами и заговорами. Думаютъ, что онъ въ это только время цвѣтетъ, однажды въ годъ, и огненнымъ цвѣтомъ. — Я не слыхалъ, чтобы кто похвалился, что ему удавалось отыскать этотъ чудесный, всемощный цвѣтокъ, потому что онъ охраняется адскою силой. Это повѣрье основано на томъ, что папортникъ образуетъ невидимое цвѣтеніе. Кто отыщетъ разцвѣвшійся кочедыжникъ, тотъ величайшій счастливецъ. Онъ можетъ повелѣвать всѣмъ безъ исключенія: предъ нимъ безсильны цари и мощные правители, и самые нечистые духи въ его распоряженіи. Онъ можетъ знать, гдѣ скрываются клады, входитъ безпрепятственно въ сокровищницы, лишъ стоитъ ему приложить цвѣтокъ къ желѣзнымъ запорамъ и замкамъ,—все разсыпется предъ нимъ! Онъ можетъ открыть себѣ свободный входъ ко всѣмъ красавицамъ, принимая на себя образъ невидимки, или какой захочетъ, словомъ: нѣтъ ничего для него, чтобы не было ему недоступнымъ или невозможнымъ.—Какъ цвѣтетъ папортникъ и какія принимаются средства для полученія его, то объ этомъ такъ расказываютъ знахари. Изъ широколистяннаго папортника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ зашатается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живое. Иные даже слышутъ голосъ и щебетанье, и все это дѣлаетъ адская власть,

чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣточка.— Когда созрѣетъ почка, тогда наступаетъ ровно 12 часовъ ночи: она разрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, что глаза не могутъ вынесть — такъ пышетъ отъ него жаромъ! — Вокругъ и вдали разливается яркій свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ его. Ищущій цвѣтокъ очерчиваетъ около папортника кругъ, становится въ немъ, и произнося заговоръ, ожидаетъ полночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такой поступокъ, былъ неустрашимый и переносилъ бы безъ боязненно всѣ привидѣнія. Если онъ отзовется на голосъ или поворотится къ призраку, то лишится жизни. Злой духъ сорветъ съ него голову, вмѣсто папортника, и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе, за то что дерзнулъ похитить цвѣтокъ, составляющій украшеніе ада.

Тирличъ срывается однѣми вѣдьмами и чародѣями на лысой горѣ (подъ Кіевомъ), только на канунѣ Иванова дня. Изъ тирлича вѣдьмы выжимаютъ сокъ и употребляютъ его для своихъ чаръ, особенно противу гнѣва властей. (*)

Плакунъ достается въ Ивановъ день при утренней зари.— Тотъ можетъ наводить страхъ на всѣхъ, кто владѣетъ имъ. Его обыкновенно имѣютъ только чародѣи. Особенная сила его состоитъ въ корни, который гонитъ не-

(*) Нѣкоторые солдаты, чтобы отклонить отъ себя гнѣвъ своихъ отцевъ-командировъ, прибѣгаютъ въ слѣдующему предразсудку. Кладутъ въ сапогъ пучекъ соломы и носятъ его сутки, потомъ перевертываютъ пучекъ и носятъ еще сутки, наконецъ на третій день, вынявъ пучекъ изъ сапога, кладутъ солому на перекресткѣ, приговаривая: «какъ расходятся эти дороги на четыре стороны, такъ разойдитесь гнѣвныя мысли противу меня, моего отца-командира.»

чистыхъ духовъ и смиряетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣріе къ плакуну доходитъ до сумазбродства. Чародѣй, войдя въ церковь съ корнемъ, и ставъ у олтаря лицемъ къ востоку, произноситъ заговорныя слова: «плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кіевскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія. — Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ» — Почитая корень за чудесную силу, суевѣры носятъ его при себѣ на крестѣ. Тогда человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не попадется ни въ какія искушенія дьявола и ни въ какіе недуги. Повѣсивъ же сдѣланный изъ плакуна крестъ, на бѣсноватого, вѣрятъ, что этимъ способомъ можно изгнать поселившагося бѣса. Утверждаютъ еще, что бѣснующіеся, увидѣвъ корень, вскрикиваютъ, мечутся во всѣ стороны и страшно ревутъ, когда надѣваютъ на нихъ крестъ изъ плакуна.

Дурманъ. Если кто срывая дурманъ, сдѣлаетъ какое нибудь странное движеніе, напримѣръ: перекувырнется, и потомъ броситъ его на каменку въ баню, то всѣ находящіеся въ ней станутъ перекувыркиваться.

Адамова голова. — Растетъ кустомъ около болотъ, вышиною въ $^1/_2$ арш. Цвѣтъ этой травы синій, багровый и темножелтый; листья въ ладонь и шершавые. При срываніи крестятся и читаютъ молитвы: *Отче нашъ, помилуй мя Боже* и *Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй меня.* — Все это читается, пока не сорвется трава, которая по мнѣнію суевѣровъ, исцѣляетъ испорченныхъ и разрѣшаетъ роды. — По освященіи корня адамовой головы, надобно носить его съ собою, и тогда будутъ видимы дьяволы и колдуны. Кто бу-

детъ его носить на головѣ, тотъ будетъ получать подарки. — Для разрѣшенія отъ неплодія, варятъ корень въ козьемъ молокѣ и даютъ пить.

Болотный голубецъ. Онъ похожъ на крапиву, имѣетъ пушистый бѣлый цвѣтъ. Кто хочетъ ходить на медвѣдей, тотъ пей взваръ изъ голубца на тощакъ: съ уксусомъ и медомъ, тогда ни одинъ медвѣдь не избѣгнетъ охотника, а самъ охотникъ не будетъ бояться звѣря.

Ревенька. Она стонетъ и реветъ по зорямъ, отъ чего получила свое названіе. Растетъ подлѣ воды и часто въ самой водѣ, вышиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ арш. — Цвѣтъ ревеньки красноватый. Кто хочетъ хорошо плавать и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки.

Одолень. Онъ ростетъ по каменнымъ мѣстамъ, близь воды и рѣкъ; вышина его въ $^3/_4$ арш., цвѣтокъ темножелтый съ бѣлыми листочками. Отваръ одоленя даютъ пить отравленнымъ и отъ зубной боли. Съ корнемъ одоленя пастухи обходятъ свое стадо три раза, и тогда стадо не разбѣгается. Даютъ еще пить отваръ тѣмъ, кого хотятъ заставить полюбить или привлечь кого либо къ себѣ.

Земляника. Кто хочетъ занимать деньги въ долгъ, тотъ положи въ карманъ травы земляники, и иди смѣло къ первому ростовщику, или къ кому хочъ — отказа не будетъ. Чтобы сдѣлаться отличнымъ охотникомъ и стрѣлкомъ, то надобно носить при себѣ эту траву.

Переносъ. Чтобы быть честнымъ, то носи съ собою эту траву. — Переносъ растетъ близь рѣкъ, болотъ и пару. — Вѣка протекли, и никто не зналъ чудесной травы, могущей дѣлать людей честными! —

На-сонъ. Корень травы, называемый на-сонъ, нужно сварить въ водѣ и пить съ мёдомъ: отъ дурного

глаза, сонной грезы и всякой скорби. — Трава на-сонъ имѣетъ листки узенькіе, вверху стручки, корень бѣлый; растетъ на ровныхъ мѣстахъ.

Разрывъ, извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ корня прыгуна (Springwurzel), называется у насъ: прыгунъ, спрыгъ и скакунъ. Его отыскиваютъ въ Ивановъ день одни чернокнижники, и всякій можетъ достать его, у кого есть плакунъ и папортникъ. Свойство разрыва: разрывать желѣзные запоры, ломать сталь, серебро, золото и мѣдь на мѣлкіе куски, однимъ прикосновеніемъ къ нимъ. Искатели кладовъ покупаютъ разрывъ у чернокнижниковъ за великія деньги, чтобы открыть сокровища, но проданный разрывъ не помогаетъ покупщикамъ, и они никакъ не хотятъ думать, чтобы ихъ обманывали, и приписываютъ безсиліе вмѣшательству дьяволовъ.—Повсюду носятся разсказы, что въ ямахъ зарыты великія сокровища, хранимыя подъ желѣзными запорами, и что нечистая сила закрываетъ къ нимъ входъ своей спиною, усаженной иголками. — Для уничтоженія этихъ преградъ не достаточно человѣческой силы: надобно прибѣгнуть къ разрыву. — Разсказываютъ еще, что воры особенно употребляютъ эту траву: они подрѣзываютъ тѣло подъ ногтемъ пальца и кладутъ туда разрывъ, и думаютъ, когда прикоснутся пальцемъ до запоровъ или замковъ, тогда непремѣнно спадутъ запоры и отомкнутся замки. — Сохранилось повѣрье объ нахожденіи разрыва. Отыскавъ гнѣздо дятла, слѣдуетъ лѣтомъ вколотить гвоздь подъ деревомъ; потомъ разослать внизу дерева полотно. Поутру будетъ принесенъ сюда разрывъ самымъ дятлемъ, и положенъ на полотно. Но бываетъ, что мужики подкашиваютъ разрывъ. Это узнается тѣмъ, что коса, попавъ на траву, переламывается. Чтобы распознать чудесную траву, они собираютъ все скошенное и бро-

сают въ воду: какая трава выплыветъ на верхъ, то разрывъ.

Перелетъ трава или летающая трава, имѣетъ силу переноситься съ мѣста на мѣсто, и кто успѣетъ сорвать цвѣтокъ, тотъ будетъ счастливъ во всю жизнь.— Цвѣтъ перелета состоитъ изъ радужныхъ красокъ, и ночной порою блеститъ какъ звѣздочка.

Иванъ да Марья. Кто хочетъ ускакать отъ погони или летѣть молодецки на клячѣ, тотъ носи при себѣ цвѣтокъ Ивана да Марья.— Иные даютъ пить сокъ, выжатый изъ этого цвѣтка, чтобы возвратить слухъ или потерянный умъ. —

Будякъ–чертополохъ. Изъ стебля какой нибудь травы дѣлаютъ вилочки, и пришпиливаютъ ими чертополохъ къ землѣ, говоря: если сгонишъ червей съ моей скотины, то отпущу тебя. —

Подорожникъ (plantago latifolia, Lin.) Натри ноги подорожникомъ и никогда не устанешъ, ходя пѣшкомъ.

Лопушокъ. Кто хочетъ воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, то надобно носить лопушекъ съ собою. —

Купаленку (trollius europaeus), *медвѣжье ушко* (verbascum) и *богатенку* (erigeron acre), ищутъ новгородскіе поселяне въ лѣсу, и ими украшаютъ внутренность своихъ избъ: стѣны и образа, и загадываютъ: кому какъ долго жить на свѣтѣ? Чей цвѣтокъ въ избѣ завянетъ прежде, тому умереть въ тотъ годъ или быть хворымъ.

Чернобыльникъ отрываютъ простолюдины съ особыми заговорами. — Корень его стараются найтти подъ земляным угольемъ. Корень и уголье, по мнѣнію народа, исцѣляютъ падучія болѣзни и черную немочъ. —

Лютикъ, въ простонародіи купальница, собираемая

предъ днемъ Аграфены и употребляемая въ баняхъ для изгнанія нечистотъ, извѣстна еще подъ именемъ *лютаго корня* и *лютой травы*; ихъ собираютъ на канунѣ купалы и слывутъ цѣлебными.

Архилинъ растетъ при большой рѣкѣ и былъ извѣстенъ только нашимъ предкамъ. Объ немъ они оставили слѣдующее извѣстіе: кто рветъ его въ день Іоанна крестителя, чрезъ золотую или серебрянную гривну и носитъ при себѣ, тотъ не будетъ бояться ни злаго человѣка, ни еретика, ни дьявола. —

Муравьиное масло. Оно вынимается изъ муравьевъ и сливается въ стеклянную посуду; употребляется какъ цѣлебное средство отъ многихъ недуговъ. — Муравейники и его сокъ предписываются самыми врачами, какъ лучшее средство отъ ревматическихъ болѣзней.—

Медяница или курячья слѣпота. — По мнѣнію народа она срывается невидимой рукою и знахарями; наводитъ мертвый сонъ на того, кто держитъ ее при себѣ, потому мстительные суевѣры даютъ пить съ него отваръ. Думаютъ еще, что она лишаетъ зрѣнія, кто ее положитъ себѣ подъ голову. Нѣкоторые утверждаютъ, что медяница вырастаетъ изъ гніенія зловредныхъ гадовъ; что она растетъ слѣпою, получаетъ зрѣніе только въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное, тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ его на сквозь. (*)

Въ одной сербской пѣснѣ объяснены семь чародѣйскихъ травъ, которыя производятъ чудесное дѣйствіе, но примѣчательнѣйшія изъ нихъ это суть: трава колоперъ (канцеръ) и любистокъ (заря).

(*) Устные разсказы.

первая испытываетъ вѣрность женщинъ, а вторая внушаетъ имъ постоянную любовь. Вотъ исчисленіе свойства травъ:

Милолица да ее милуемо,
Колоперо, да ме не атера;
Любицице, да ме свагда люби;
Каранфила, да ее не каралю;
Чубра цвстя, да ме добро чува;
Боснока, да м'не смете ока;
А невена, да му срце вене.
Самдокаса и околочена. (*)

БИБЛІОТЕКА Е.К. ДЕРЯГИНОЙ

Петровъ крестъ, который такъ названъ потому, что корень его имѣетъ видъ креста и собираютъ его подъ Петровъ день. Онъ употребляется для отыскиванія кладовъ, и тотъ человѣкъ, который носитъ его при себѣ, бываетъ счастливъ во всю жизнь.

Растетъ еще какая то безименная трава, которую знаютъ одни только чародѣи и вѣдьмы, но они скрываютъ ее отъ людей. Свойство этой травы: кто носитъ ее при себѣ, тотъ знаетъ мысли каждаго, гдѣ бы онъ не находился, даже предугадываетъ, кто что замышляетъ.

Заключеніе.

Изъ собранныхъ свѣденій о купалѣ, видно, что празднество его сооровождалось зажиганіемъ огней, перескакиваніемъ чрезъ огонь, купаніемъ и собираніемъ цѣлебныхъ и предохранительныхъ травъ. —

Когда В. К. Владиміръ I. хотѣлъ окрестить въ одинъ день Славяно-русскій міръ, тогда предки наши не могли покинутъ вдругъ своихъ повѣрьевъ, и къ понятіямъ

(*) Српске пјесме, изд. Карадж. ч. I с. 349.

христіянскимъ присоединили свои суевѣрныя, еще сильно тогда господствовавшія. Это есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему во всей Европѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ силой вводили Евенгельское слово, противуставляли силѣ силу, и охотно оставались при старыхъ вѣрованіяхъ, какъ бы они ни были ложны, потому единственно, что такъ чтили ихъ отцы и праотцы.— Не уже ли наши дѣды были столько глупы, говорили проповѣдникамъ, упорствовавшіе въ идолопоклонствѣ, что они не знали во что вѣрили? Не хотимъ нововведеній, не хотимъ новой вѣры! Наши боги хранили насъ отъ всѣхъ бѣдствій, а вашего Бога мы еще не знаемъ.— Природа таинственная увеличивала ихъ рвеніе къ поклоненію небеснымъ свѣтиламъ и обыкновеннымъ физическимъ явленіямъ, для нихъ непостижимыхъ. Сильный жаръ солнца въ теченіи іюня и іюля, переходъ его чрезъ черту лѣтняго ровноденствія, созрѣваніе плодовъ, цвѣтовъ и травъ, особенно тѣхъ, которыя собирались для врачеванія; рѣчныя и здоровыя воды, въ коихъ купались разслабленные; утреннія и и вечерныя росы, коею умывались для приданія свѣжести лицу и облегченія головныхъ болей, все это приходилось въ такое время, когда природа дѣйствовала цѣлебно на все живущее. Посему немудренно, что наши предки невольно изобрѣли особый праздникъ Купалѣ, который въ послѣдствіи измѣнился значительно. —

Въ иныхъ мѣстахъ Купало выходитъ изъ употребленія, а въ другихъ едва уже извѣстенъ, какъ темная память по усопшемъ. Въ Малороссіи, Бѣлоруссіи, Литвѣ доселѣ въ употребленіи зажиганіе и скаканіе чрезъ огни, съ своиственнымъ имъ пѣніемъ. Въ прежнія времена самая иваповская почъ была страшная и таинст-

венная; съ нею соединялись гаданія вѣнками, рѣшавшими судьбу дѣвицъ, а теперь онѣ служатъ для одной забавы; прежде оказывали Купалѣ чествованіе, а теперь сожигаютъ его какъ чучело. —

VIII.

ЯРИЛО.

Темныя свѣдѣнія объ Ярилѣ.

Остатки языческихъ празднествъ такъ затемнены мѣстными измѣненіями, что трудно добраться до ихъ начала — къ числу таковыхъ принадлежитъ Ярило. Въ какое время онъ появился у насъ? Какія оказывались ему почести? — на это нельзя отвѣчать положительно. Извѣстно только, что онъ сопровождался буйными веселостями въ костромской, тверской, нижегородской, рязанской, тамбовской и воронежской губ., быть можетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ всесвятское заговѣнье или въ всесвятское воскресенье, составляли его увеселеніе: кулачныя забавы, игры и ярмочныя сходбища (*)

Слово Ярило созвучно по окончанію со многими иноземными словами: съ санкритскимъ *ари,* греческимъ *арисъ,* означающія враждебный. Въ пѣснѣ *о полку Игоря,* встрѣчается названіе *яръ туръ.*—Между иллирійскими и венедскими божествами, находятся яръ и Яровидъ. (**) *Туръ* у Грековъ, Скандинавовъ, Финновъ и Славянъ, былъ идеалъ крѣпости и ярости. Если Ярило или Ерило производить отъ собственнаго его слова, то онъ

(*) Труд. общ. любит. рос. слов. ч. XX.
(*) Кар. И. Г. Р. т. 1. с. 87 и 88.

выражаетъ ярого, буйнаго. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило греческій Эросъ, богъ любви и страсти (*). Ярило, выражающій время ярости животныхъ, извѣстенъ былъ у Словаковъ, Чеховъ и Поляковъ, подъ именемъ *яръ*, который означаетъ такъ же зеленый и ранніе посѣвы хлѣбовъ: *яровой и ярина*, и соотвѣтствуетъ животворной веснѣ. Когда все растущее приходитъ въ ярь, т: е: покроется зеленью, тогда животныя *ярятся*. По сему неудивительно, что *Ярило* праздновался въ иныхъ мѣстахъ, какъ животворная сила природы: въ Славоніи, Богеміи и Польши, а въ другихъ какъ предметъ неукротимой страсти. — Изъ всего этого заключить можно, что онъ соединялъ въ себѣ свойства плодотворной силы. Откуда же онъ перешелъ въ Россію и въ какое время? Этого во все неизвѣстно. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило есть идолъ *Ярунъ*. (*) Но изъ всѣхъ указаній на славянскія божества, мы не находимъ въ ихъ числѣ Яруна.

Чествованіе Ярилы.

Одно только мѣстное чествованіе могло считать его своимъ божествомъ, и это подтверждается тѣмъ, что доселѣ въ Костромѣ всесвятское заговѣнье и гулянье, называютъ *ярловымъ*. Изъ мѣстныхъ воспоминаній объ немъ, удерживались тамъ нѣкоторыя суевѣрныя и язычекія забавы, совершавшіяся въ честь Ярилы. Въ Костромѣ отправляли еще погребеніе въ честь *Ярилы*, на всесвятское заговѣнье. Тамъ старикъ, одѣтый въ изорванное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы, которая изображала мущину со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями, и потомъ зарывали въ землю.

Я видѣлъ въ Малороссіи обрядъ, еще въ юношес-

(*) Снегир: Русск. прост. празд. вып. IV. с. 52.
(**) Макаровъ: Русск. праздн., изд. 1818 г.

кіе мои годы, который обращалъ на меня особое вниманіе. Послѣ всесвятскаго заговѣнья сходились по полудни женщины и казаки, чтобы погулять у шинка. Тамъ они пѣли и плясали до вечерней поры; потомъ, по захожденіи солнца, выносили на улицу мужеское соломенное чучело, со всѣми его естественными частями и клали во гробъ. Развеселившіяся отъ спиртуозныхъ паровъ женщины, подходили къ нему и рыдали: померъ онъ! померъ! Мущины сходились на этотъ вопль, поднимали чучело, тряхли и произносили: *эге, баба не бреше! Вона знае, що ій солодче меду.* — Женщины продолжали вопить: *якій же винъ бувъ хорошій, да якій услужливый.* Смотрѣли на него любострастно и говорили: *не встане винъ бильше! О якъ же намъ раставатися съ тобою! и що за жизнь, коли нема тебе.* — *Приподнимись хоть на часочекъ! но винъ не встае и не встане.* Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ, уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою.

Въ Галичѣ и Кинешмѣ, костромской губ., молодыя дѣвушки и парни забавлялись нѣкогда надъ упоеннымъ старикомъ, представлявшимъ Ярилу, и въ то время хороводныя игры сопровождали ихъ забавы; но каждая дѣвушка, не прежде вступала въ хороводный кругъ, пока не отвѣсила пояснаго поклона старику Ярилѣ. (*) Въ рязанской и тамбовской губ., празднество Ярилы приходилось тоже въ день всѣхъ святыхъ, или на другой день Петрова дня; въ Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Троицынъ день; въ нижегородской губ. іюня 24, въ день ярмарки. (*) Въ Твери оно начиналось

(*) Снегир. Руск. прост. праздн. в. IV, с. 55. и 56.
(**) Труд. общ. люб. русск. слов. ч. I.

въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, въ Тресвятскомъ саду, на рѣчкѣ Лазурѣ. Молодыя женщины, дѣвушки и парни собирались сюда плясать *бланжу*, подъ балалайку или торбанъ. *Бланжа* особый танецъ, похожій на кадриль, и тутъ было раздолье влюбленнымъ. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на ярилино гулянье, какъ они говорили: *поневѣститься*. (*) Женихи высматривали невѣстъ, а невѣсты жениховъ, но однако происходили дурныя послѣдствія отъ поневѣстиванія. Во время ярилиного разгула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями, которыя прикрывали таинственныя ощущенія. Противу этого сильно возставали архіепископы: Меѳодій и Амвросій, и ихъ только ревностію прекращены ярилины веселости. — Въ Воронежѣ существовало долгое время народное игрище, Ярило, (до 1763 г.). Оно совершалось предъ заговѣньемъ Петрова поста.

Тамъ на канунѣ ярилина игрища готовились закуски и праздничныя одежды, и потомъ, съ разсвѣтомъ дня, двигались толпы за городъ на большую площадь, расположенную внѣ московской заставы.—Молодыя дѣвушки наряжались, одна другой лучше: красные чоботы (сапоги), разноцвѣтная запаска съ широкими рукавами, бѣлая рубашка и пукъ разноцвѣтныхъ лентъ, вплетенныхъ въ косу, возвѣщали годовое и торжественное празднество. Молодцы также не упускали случая, чтобы выказать свои щегольскія одежды.—Пожилые и старые, равномѣрно принимали участіе въ предстоявшемъ веселіи. Торговцы заблаговременно разбивали на выгонѣ палатки, и раскладывали на столахъ лакомства, игрушки и мелочные товары. Это веселіе составляло смѣсь яр-

(*) Литерат. приб. къ Русск. инв. 1838 г. № 35.

мочпаго, съ шумнымъ праздничнымъ гуляньемъ. Пѣсни, пляска и музыка, сопровождали общее разгулье. Среди этихъ забавъ наряжали одного мущину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; на голову его накладывали высокій бумажный, съ пѣтушинымъ султаномъ колпакъ, который раскрашивался фантастическими изображеніями; лице его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки и колотушку. — Дѣти съ барабаннымъ боемъ, возвѣщали Ярилово шествіе. Толпа гулявшихъ стекалась къ этому зрѣлищу. Онъ преважно расхаживалъ на площадѣ и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его пряниками, маковиками, пирогами, однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, что приносили для своего разгула. Когда все увлекалось веселіемъ, тогда составляли произвольныя игры; отъ нихъ переходили къ молодеческимъ, — къ кулачнымъ боямъ, которые весьма часто оканчивались смертоубійствомъ. Епископъ Тихонъ, называя эти забавы бѣсовскими, говоритъ, что былъ нѣкогда древній истуканъ Ярило; что праздникъ, въ его еще время, назывался игрищемъ, которое велось издавна, и что люди ожидали этого празднества, какъ годового торжества. — Оно начиналось въ середу или въ пятницу по сошествіи св. Духа, и оканчивалось въ первый понедѣльникъ. — Тихонъ, епископъ воронежскій, искоренилъ этотъ обычай. (*)

Во многихъ мѣстахъ Россіи совершаются понынѣ,

(*) Изъустныя извѣстія.–Митрополитъ Евгеній : Опис. жизни и подв. Тихона, еписк. воронежского и елецкаго. – Описаніе игрища, см. еписк. Тихона проповѣди, говоренныя имъ въ воронежской епархіи.–С. П. Б. 1784 г. и 1794 г.

въ день всесвятскаго заговѣнья, нѣкоторые суевѣрные обряды и увеселенія, и это подало многимъ поводъ думать, что эти игры вѣроятно суть остатки Ярилова игрища, называвшагося бѣсовскимъ. Въ Стоглавѣ суевѣрныя игры названы *бѣсовскими потѣхами*, но изъ нихъ нельзя заключить, чтобы они относились къ Ярилѣ. Церковь называла все то *бѣсовскимъ, беззаконнымъ, скареднымъ*, что было противно христіянскимъ постановленіямъ и чистотѣ нравственной.

IX.

ОБЖИНКИ.

Обыкновеніе совершать празднество при созрѣніи хлѣба, было во всѣхъ странахъ свѣта, древняго и новаго. Наши предки Славяне, когда сдѣлались земледѣльческимъ народомъ, соблюдали долгое время жатвенные обряды, и даже отправляли ихъ съ торжественными угощеніями, особенно во время уборки хлѣба. Доселѣ остались слѣды отъ этихъ обычаевъ, и это доказывается тѣмъ, что попынѣ во многихъ мѣстахъ, во время и послѣ жатвы, приносятъ въ церковь для освященія: первые снопы и печеный хлѣбъ отъ перваго умолота; первые соты меда и первые созрѣлые плоды. (*) Въ Малороссіи дѣлаютъ, при этомъ случаѣ, кутью изъ риса, которую украшаютъ цвѣтами и благоухающими травами, и приносятъ ее въ церковь для освященія съ плодами и медомъ. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются разведеніемъ пчелъ, вмѣняется обычаемъ въ обязанность, чтобы каждому хозяину приносить въ церковь первые медовые соты.

Приношеніе первыхъ плодовъ вохрамъ

(*) Мойсей поставилъ Евреямъ въ священную обязанность, чтобы они приносили первые плоды. Кн. 3. Мойсея, Левитъ гл. 23 с. 10-41.

То время, въ которое собираютъ тамъ медъ, называется *пасычнымъ и пасиковымъ*. (*)

Арконскіе Славяне, по уборкѣ хлѣба, приносили жертвы въ честь Святовиду. Въ день его праздника, народъ толпился у воротъ и вокругъ ограды храма Святовида. Верховный жрецъ закалалъ одного изъ домашнихъ животныхъ, и преподовалъ наставленіе народу. — На другой день отворялись двери храма и народу показывали рогъ Святовидовъ. Если меда убыло въ немъ, въ теченіи года; то предсказывали будущій неурожай, и собирали запасы на слѣдующій годъ. За тѣмъ жрецъ выливалъ остатокъ меда къ ногамъ истукана, и снова наполнялъ рогъ. Послѣ приносили испеченый пирогъ, въ ростъ человѣческій. Жрецъ, ставъ за пирогъ, спрашивалъ у народа: видитъ ли его? Если народъ отвѣчалъ, что его не видитъ, то жрецъ изъявлялъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году онъ могъ укрыться за пирогомъ,—это значило желаніе лучшаго урожая.—Жрецъ снова поучалъ народъ; потомъ наступало пиршество и всякаго рода забавы, въ коихъ умѣренность и воздержаніе, почитались стыдомъ. (**)

(*) Пасика, южно славянское слово, означаетъ мѣсто, въ коемъ пчелы производятъ медъ. На русскомъ языкѣ такое мѣсто именуется пчельникомъ, а время собиранія, пчельнымъ. Пора созрѣванія зерноваго хлѣба и плодовъ, называется въ простонародіи жнивною, т. е. жатвеннымъ временемъ.

(**) Булгар: Россія, ч. 2. с. 138–139., Кар. И. Г. Р. т. 1.–У древнихъ Болгаровъ пекли хлѣбы такой величины, что одного было довольно для накормленія десяти человѣкъ. – Епископъ болгарскій Ѳеофилактъ, разсказываетъ, что одинъ человѣкъ былъ одержимъ такою прожорливостію, что десять хлѣбовъ болгарскихъ не насыщали его.–См. Новый источникъ для бол-

Въ Бѣлоруссіи освящались, послѣ жнива: хлевы, гумно и поля. Еще въ концѣ XVI. в. (1581 г.), совершались тамъ многіе языческіе обряды. — Одинъ современный писатель, бывшій свидѣтелемъ зажпивныхъ обыкновеній, передалъ намъ извѣстіе. Въ день Георгія осенняго (ноября 26), обитатели въ Поруссіи (нынѣшней Пруссіи), Самогиціи, Литвѣ, Бѣлоруссіи и Лифляндіи, приносили жертвы богу Перггрубію (Pergrubium), коего считали покровителемъ цвѣтовъ, растѣній и хлѣбородія. Жрецъ, называемый Вуршайтенъ (Vurschayten), держа въ правой рукѣ чашу, наполненную виномъ, обращался къ божеству отъ имени благодѣтельныхъ духовъ; возносилъ его похвалами и говорилъ: «ты изгоняешъ зиму и возвращаешъ намъ радостную весну. Поля и сады, рощи и лѣса, зеленѣютъ по твоей волѣ.» По окончаніи хвалебнаго пѣнія, бралъ зубами чашу, выпивалъ изъ нея вино и бросалъ сосудъ чрезъ свою голову на землю. Потомъ, онъ поднималъ его съ земли, наполнялъ вновь виномъ, давалъ всѣмъ пристуствующимъ пить по порядку, и тогда всѣ пѣли хвалебныя пѣсни въ честь Перггрубія. Въ заключеніе пировали цѣлый день и забавлялись хороводами. По созрѣніи на поляхъ хлѣба, земледѣльцы собирались приносить жертву тому же Перггрубію, и это время называлось у Бѣлоруссцевъ *зажинками*, т: е: начало жатвы. По совершеніи жертвоприношенія, всякій осматривалъ жатву и приглашалъ къ себѣ на помощъ сосѣдей или кого либо другихъ. Съ окончаніемъ

Зажинки въ Бѣлоруссіи.

гарской исторіи IX в., помѣщ. въ Славянск. сборн. г. Савельева-Ростиславича с. 40-41 и 55.—Въ новомъ источникѣ для болгарской исторіи, указано на открытіе, доселѣ вовсе неизвѣстного сочиненія, епископа болгарского Θеофилакта, но только не рѣшенъ споръ: къ какому вѣку приписать должно? къ IX или XI вѣку?

жатвы, отправляли торжественное благодареніе въ честь *ожинокъ*, состоявшее въ жертвоприношеніи хлѣбныхъ колосьевъ. У Поруссовъ приносили козла и жгли еще на жертвенникахъ янтарь. — Тамъ народъ, привевъ въ житницу козла, убивалъ его. Вуршайтенъ возлагалъ обѣ руки на жертву и взывалъ къ покровительствующимъ богамъ. (*), какъ бы присутствующимъ въ житницѣ. По возваніи поднимали козла вверхъ, и въ такомъ положеніи держали его въ продолженіи пѣнія; потомъ опускали его на землю. Тогда жрецъ произносилъ народу поученіе, и совѣтовалъ старшинамъ соблюдать этотъ обычай впредь, съ должнымъ благочестіемъ, и потомъ, кровью убитой жертвы, окроплялъ собраніе. Мясо отдавалось женщинамъ, которыя варили въ той же житницѣ. Въ это время мущины приготовляли, изъ крупичатой муки, лепешки, которыя не сажали въ печъ, но ставъ вокругъ очага, перебрасывали ихъ черезъ огонь, пока онѣ не изсушивались. Къ приготовленному пиру собирались всѣ; день и ночь проводили въ забавахъ и пѣніи. На другой день рано утромъ выходили за городъ, на то мѣсто, гдѣ пировали, и остатки загребали осторожно, чтобы ни птицы, ни звѣри не пожирали ихъ. По возвращеніи домой, каждый снова повторялъ свой праздникъ. (**)

(*) А именно: Окопирну, богу неба и земли; Антримпію, богу морей; Гардстену, богу мореплавателей; Потримпію, богу рѣкъ и источнику; Пильту, богу богатствъ; Пергрубію (Pergrubium), богу весны; Паргну (Pargnum), богу громовъ и погодъ; Киклію, богу ада и мрака; Покколію, богу воздушныхъ перемѣнъ; Путскету, богу священныхъ рощей; Авскету, богу невредимости и печали; Маркопполію, богу вельможъ и дворянъ; Барстукку, богу подземному.

(**) Melletii: De relig. et sacrificii veterum Borussor. epist., c. 258–259. ed. Spirae, an. 1582, in 4., помѣщ. въ соч. de Russor.

И въ наше время, когда поспѣваетъ жатва, зажиточный хозяинъ даетъ пиръ своимъ сосѣдямъ: угощаетъ водкою и пирогами, и проситъ ихъ помочь емувъ собираніи хлѣба. Многіе служатъ молебни, и потомъ окропляютъ поля и жнецовъ святою водой. Хозяинъ или священникъ, беретъ серпъ и дѣлаетъ начатокъ; первые снятые колосья, называются зажинками. Ихъ храпятъ до будущаго года. Жатвенное угощеніе въ русскихъ и литовскихъ зажинкахъ

Поселяне, до начатія еще жатвы, дѣлаютъ свои замѣчанія о дороговизнѣ и дешевизнѣ хлѣба, по наливающимся колосьямъ. Если рожъ цвѣтетъ снизу колоса, то утверждаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ; если съ средины, то средняя; сверху колоса, высокая или дорогая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обыкновеніи, что свекровь зажинаетъ молодую сноху, поступившую въ ея семейство только въ первый годъ жатвы. Свекровь накрываетъ снопъ полотенцемъ и даетъ своей снохѣ вязать его, — тогда сноха будето *работящая*. — Если явятся во ржѣ заломы, т: е: заломленные колосья на нивѣ, то они производятъ большой страхъ между жнецами, которые далеко обходятъ ихъ и боятся прикоснуться къ нимъ. Залому этому виной колдунъ, который, не зная какъ отвязаться отъ нечистой силы, вѣчно просящей у него работы, даетъ ей заламывать колосья ржи; потомъ усаживаетъ каждого чорта въ заломанный или перегнутый имъ колосъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всякій изъ нихъ взошелъ въ душу человѣ-

---

Moscovit. et Tartaror. ritu.—Bergius, въ сочиненіи de statu ecclesiae et religione Moscovitor., ed. Lub. an. 1709, in 12, приписываетъ сочиненіе de Russor. Moscov. et Tartar. ritu, Одерборнію, извѣстному жизнеописаніемъ Царя Іоанна IV грознаго, коего онъ былъ современникомъ.

ка, какъ скоро кто дотронется до него. Эти заломы, по мнѣнію народа, страшны еще потому, что они наводятъ бѣснованіе на всѣхъ, особенно на женщинъ, которыя безъ заломовъ подвержены бѣснованію. Кричатъ въ церквѣ, коверкаются, сумашедствуютъ и ругаются надъ святынею.—Чтобы изгнать злой духъ изъ перегнутыхъ колосьевъ, приглашаютъ на ниву священника, который, окруживъ ее народомъ, служитъ молебень и потомъ зажигаютъ ниву. — Колдунъ никакъ не можетъ вынесть этого: онъ подходитъ къ заломамъ и вынимаетъ оттуда чертей, иначе они замучатъ его.

Литовскіе зажинки (paріutene) были извѣстны тамъ съ самаго древняго времени. Хозяинъ, нажавъ снопъ ржи, приносилъ его домой и ставилъ въ углѣ; на другой день начиналась жатва. Нынѣ измѣнилось тамъ: одна изъ жницъ, захватывъ серпомъ пучекъ ржи, связываетъ и откладываетъ въ сторону; за нею начинаютъ потомъ жать всѣ прочія. По окончаніи работы, первая жница украшается полевыми цвѣтами и она впереди всѣ несетъ снопъ съ торжествомъ, на хозяйскій или господскій дворъ. Тамъ ихъ угощаютъ всѣхъ. Въ послѣдній день жатвы, называемый дожинки (dapiutene), плетутъ изъ послѣдняго сжатаго хлѣба вѣнокъ, перевиваютъ его травами и цвѣтами. Изъ среди жницъ выбираютъ молодую и на ея голову кладутъ вѣнокъ: толпа поетъ пѣсни и всѣ, при громкомъ пѣніи, отправляются на хозяйскій дворъ. Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ съ радостнымъ привѣтствіемъ. Жницу съ вѣнкомъ принимаютъ въ избѣ съ хлѣбомъ и стаканомъ пива на блюдѣ. Послѣ снимаютъ съ ея головы вѣнокъ и подаютъ хозяину, который хранитъ его въ своей избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Божее благословеніе. — (*)

(*) Narb.: Dzeje starož. narod. litew. т. 1. с. 307-311.

Причитанія Словаковъ на посѣвъ, созрѣваніе и снятіе хлѣба съ полей.

Жатва сопровождается обыкновенно пѣніемъ радостныхъ пѣсней и дружной работою. У дунайскихъ Славянъ находится великое множество причитаній: на созрѣніе, жатву и уборку хлѣба. Въ то время тамъ угощаютъ жнецовъ пирогами и пивомъ. Словаки и венгерскіе Славяне, такое же соблюдаютъ обыкновеніе. Въ ихъ устахъ еще сохранились причитанія на засѣваніе поля, работу жнецовъ и снятіе хлѣба. Богатое и обширное поле жатвы, требуетъ многихъ жнецовъ, потому у нихъ говорится, при этомъ случаѣ:

Панъ Патеръ са дива, чи са дожне пива?
Дожне, акъ да́ женцомъ пироговъ и пива;
Дожне, ай повяже, ай спосн до крижовъ.
Акъ слу́би вязачомъ, винечка а слижовъ.
Винецко са уроби, кымъ не падне роса,
Акъ да́ работникомъ днесь вечеръ ядома.

На широкую и засѣянную хлѣбомъ полосу:

Ла́ны мои, ла́ны, вы широке́ ла́ны:
Пре чо тя шугайко кажды́ человекъ гани?
Требасъ теба гани цѣлы широкы светъ,
Я тя рада, видомъ, шукай го бѣлы кветъ.
или: Требасъ ты машъ дiовча пышне целы ланъ,
А я лепъ ту за градечку яко длань:
Не будешъ ма,
Нени можна,
Тысъ дѣвечка, тысъ дѣвечка фалесна!

Пѣснь влюбленнаго, при жатіи хлѣба:

Эй лу́ка, лу́ка, зелена́ лу́ка!
Ра́дбыхъ са женить, немамъ клобу́ка.

Эй лазы, лазы, зелене лазы,
Рáдбыхъ са женитъ, немамъ пенязи.
Эй житко, житко, зелене житко!
Подъ ме милá, зожнеме вшетко.
Эй грáштекъ, грáштекъ, зелены грáштекъ
Подьме ма милá, тамъ на тенъ вршекъ.
Эй вика, вика, пекна ярина,
Залюбу сомъ тя швáрна дѣвчина.
Эй ячмень, ячмень, зелены ячмень!
За тобой милá шелитьса зачнемъ.
Эй овесъ, овесъ, зелены овесъ!
Вѣрь милы недбамъ, требасъ са обесъ.

Другая пѣснь влюбленнаго, проникнутая чувствомъ простосердечія и любви:

Кедь моя миленькá въ поли житко жала,
Я самъ ишелъ около ней, на мия заволала.
Пыталъ сомъ са милей: чо хце се мной жати?
Поведала же хце въ ласце сталей се мной жити.
Саднулъ чомъ си съ милой подла на ходничекъ,
Слибовалъ семъ же ѣй будемъ верны миловничекъ.
Кедь сме паходничку, се дѣти застали,
Дали сме си паръ губичекъ, ай руки подали.
Якъ живъ семъ я не былъ въ такемъ потѣшени,
Мислелъ семъ си же ве светѣ ветши радость нени.
Кдыжъ семъ адъ миленкы ужъ домовъ поспихалъ,
Такъ то семъ си целау често къ мему Богу здыхалъ:
Поможъ Боже, поможъ зъ милой се себрати,
Абы сме мы могли въ ласце вечнѣ сетрвати.
Чо семъ си вишповалъ, чо семъ собе жáдалъ,
Досталъ семъ то швáрнѣ дѣвче, ктерѣ самъ миловалъ.

Воспоминаніе влюбленной дѣвушки:

Влакомъ слупяшко, влакомъ,
Пойдемо домо мракомъ.
Я се мракомъ не бопмъ,
Ленъ си съ милымъ, постоимъ.

Мраку сомъ се небала,
Ленъ сомъ съ милымъ постала.

При захожденіи солнца:

За горъ слунечко, за горъ,
За тенъ зелены яворъ
За тенъ найзеленѣйши,
Кде ѣ муй наймилѣйши.

Воспоминаніе дѣвушки объ отсудствіи своего милаго:

Кобы я мала миляго дома:
Та домо, та домо!
Але я не мамъ миляго дома:
Не домо, не домо!
Але си пошлемъ коня враняго,
Оседланяго, пре мойго миляго.

Грусть о миломъ:

Соколе бѣлы́ пта́къ! ты высоко лѣта́ешъ,
Чи мойго милего тамъ дадѣ не видашъ?
«Видамъ го я, видамъ въ томъ широкомъ полу,
Тамъ смутны седа́ва́ при чѣрномъ тополу!»

Пѣснь жатвенная:

Чіе же то ярицѣ житко,
Подъ гора́ми,
Подъ гора́ми,
Подъ гора́ми?
Выбили го вранне коне,
Подковами,
Подковами.

Зелена е погапочка (Гречиха)
Зелена е,
Зелена е,
Зелена е.
Трайже ю душа моя,
Вонява́ е, (пахучая).
Вонява́ е.

Скочила сомъ до заградки (въ садъ)
Скочила сомъ,
Скочила сомъ,
Скочила сомъ.
Отерла сомъ три ружички (розы),
Вопяла сомъ, (была получая)
Вопяла сомъ.

Около мня шуганчко.
Около мня,
Около мня,
Около мня.
Ако птачикъ ярабачикъ.
Около пня,
Около пня.

При созрѣніи гречихи и проса:

Една жала татаречку, друга жала просо,
Една бола въ жлтыхъ чижмахъ, друга́ бола босо.
Една мала годба́въ одѣвъ, друга́ мала пла́тно.
Една боло цифравано, друга дѣвчя шва́рно.

Гречиха:

Въ зеленей па́ганце седемъ паровъ воловъ:
Оставай ма мила, съ милымъ паномъ Богомъ.

Просо :

Вылетѣла препеличка зъ проса,
А я за ней бѣжала сомъ боса.
Идемъ са я моей мамки зпытать,
Чи я мамъ ту препеличку хытати.
«Хытай же ю дiовка моя, хытай ;
Ленъ же са ѣй хвостика не тыкай.»

Макъ :

А коже то, ако сею макъ!
А то такъ,
Сею макъ. —

Когда цвѣтетъ рожъ :

Зелено житко до колена,
Везми ма милы на колена.
Зелено житко заквита́ва́,
Ужъ ма муй милы занеха́ва́.

Тоже :

Насяй сомъ житко, не будемъ го жать;
Миловай сомъ дѣвча, не будемъ го брать.
«Ленъ са ты шугай житко зожны,
Ленъ си ты шугай дѣвча везми :
Ленъ си ты шугай житко вымлаты ,
Ленъ же мнѣ шугай сярпа на враты.»

Рожъ и обѣтъ :

Поведай си же ма везмешъ,
Кедь на поли житко дожнемъ?
Ужъ си зожавъ и повязавъ,
Еще си ма предка не взявъ. —

Въ честь серпа :

Грай српикъ, грай,
Ужъ ти не далеко конецъ край,
Эй адъ крае ажъ до крае,
Грай же ми српикъ, грай!

При заходѣ солнца поютъ жнецы:

Ужъ намъ панъ Богъ помогу, помогу,
Инымъ людамъ не могу, не могу.
А вы речте: о Боже! о Боже!
И вамъ панъ Богъ поможе, поможе.
Ужъ мы домовъ идеме, идеме,
Чо вечерать будеме, будеме?
Пе́чене́ю ка́чера, ка́чера (утка).
Тое наша вечера, вечера. —

Окончивши работу, жнецы дѣлаютъ возваніе къ прочимъ, еще работающимъ:

Домовъ лудя зъ пола, ужъ вашъ часъ приходи,
Раняйша зорничка за гору заходи,
Домовъ лудя зъ пола, кому добра вула,
А кому нѣ къ вули, нехъ поцуе въ поли. —

При возвращеніи жнецовъ домой:

Въ нашего пановъ дворе,
Стои руже на столе;
Нашъ панъ се въ ней пребера,
Же вонъ пекну́ пану́ ма́.
Готуй, пане, вечеру,
Двана́цъ фунто пешену,
Готуй къ тому лыжице,
Иду ти домо жице.

Готуй, пане таньяре,
Иду домо вазаре,
Еденъ вазаръ намъ зосталъ,
Главкы боленѣ досталъ. —

По окончаніи жатвы:

Будь похвáленъ, панъ Богъ нашъ!
Же помогай въ тенто часъ:
Житко зожать, повязать,
До стодолы позвáжать. —

По уборки хлѣба жнецы возвращаются домой торжественнымъ шествіемъ. Мальчикъ несетъ впереди ихъ изъ шелковой матеріи знамя; верхушка его украшается разными лоскутками, пуками полевыхъ цвѣцовъ и хлѣбными колосьями. Подлѣ него или за нимъ, идетъ дѣвушка съ вѣнкомъ на головѣ, который обыкновенно плетется изъ стебельевъ и колосьевъ, на подобіе короны; за нею идутъ поющіе жнецы. Они приходятъ или прямо домой или на хозяйскій дворъ. Вѣнецъ вѣшаютъ по срединѣ гумна или предъ его воротами, и оставляютъ тамъ до новой жатвы. Потомъ поютъ на двѣ половины:

Которей же днесъ, которей, увіеме венѣцъ?
Тей, ктору выбдъ найкрайши младенецъ.
Кому же днесъ, кому даме нѣстъ заставу?
Тому, чо ѣй пода свою ручку праву.
Тенъ Ондришъ Славике, та Анна Благее:
Тобы боу пекны паръ, кебы имъ панъ Богъ давъ!
Пани наши, пани, отворайте браны,
Несѣме вамъ дарикъ, женцовъ пекны пáрнинъ.
Иду́ женцы зъ роли, престѣройте столы,
Столы яворе́, обрусы кментове.

Другая пѣснь:

Нашего пана жниво,
Скоро се докончило,
А суседово жниво,
На полы въ полу сгнило.
Нашего пана жниво,
Теразъ се докончило,
А суседово стои,
Бо се го челадъ бои.
Жниво сме доконали,
Пальце сме порезали.
Треба бы намъ рентечкы,
Позавіяцъ палечки.
Наша пани не пышна,
На врата ку намъ вышла,
Богу се помодлила,
Же жниво докончила.
Несеме пану вѣнокъ,
А пани подарунокъ. —
Панови до стодолы,
А пани до коморы (*)

Жатвенныя пѣсни у Сербовъ.

У Сербовъ такъ же имѣются жатвенныя пѣсни, вотъ нѣкоторыя:

Надожньева се момак и девојка:
Момак пажне двадест и три снопа,
А девојка двадсеть и четири.
Кад у вече овечери било,
Момак пије двадест и три чаше,
А девојка двадест и четири.

(*) Kollar: Národ. Zpiew. ч. I. с. 303-310.

Кад у јутру бео дан освану,
Момак лежы, ни главе не диже,
А девојка штап везак везе.

По окончаніи жатвы, жнецъ беретъ пукъ колосьевъ, перехвачиваетъ его по срединѣ, и становится въ хороводный кружокъ. Дѣвушки ходятъ вокругъ него съ пѣніемъ, и въ то время каждая старается выдернуть соломенку. Кто выдергнетъ, той быть за мужемъ.

Да с'ватамо танке сламке, танке, танане,
Да гледамо, ко ће с кыме да се любимо.
Ватајте се танке сламке, танке, танане,
Да гладемо, ко ће кому у срећи пасти.
Коме старо, коме младо ком' што срећа да.
Било старо, било младо любићу га ја,
Косе не ће полюбити, убио га Бог!
Убила га света Петка Параскевија!
Пуштајте се, беле руке не држите се,
Косе с кисме уватко, да се любимо (*)

БИБЛІОТЕКА
Е.К.ДЕРЯГИНОЙ
ВЫРИЦЫ

Задунайскіе Славяне, весьма богатые въ изліяніи простосердечныхъ чувствъ, обнаруживаютъ ихъ во всей своей жизни, своихъ занятіяхъ и работахъ. У нихъ существуютъ поговорки, причитанія и пѣсни, даже на самое кушанье. — Въ Россіи равно существуютъ свои причитанія и пѣсни, но онѣ извѣстны одному народу. Мнѣ случалось много разъ слышать причитанія на многія вещи, но время изгладило изъ моей памяти, а обстоятельства не дозволили собирать ихъ.—Въ Малороссіи

(*) Караджичъ: Народне српске пјеме, Лип. 1824 года кн. I. с. 42-47.

зажнивныя причитанія въ большемъ употребленіи, и онѣ во многомъ сходствуютъ съ славянскими.

Зажинки и обжинки въ Малороссіи.

Малороссійскій хозяинъ отправляется прежде осмотрѣть свое поле: не пора ли жать? Если хлѣбъ созрѣлъ, то онъ, нарвавъ пучокъ колосьевъ, приноситъ ихъ домой, закладываетъ за образа и тамъ оставляетъ ихъ до слѣдующаго урожая. При принесеніи имъ колосьевъ, происходитъ въ домѣ общее веселіе: всѣ радуются и ждутъ съ нетерпѣніемъ начатія жатвы. Хозяинъ, если самъ не можетъ управиться, то онъ отправляется къ сосѣдамъ и ихъ проситъ помочь ему. Когда онъ появится съ жнецами въ полѣ, тогда онъ прежде всего дѣлаетъ крестное знаменіе, обратясь къ востоку лицемъ, и говоритъ: *поможи Боже сожать жито, пшеницю и всяку пашницю*, и первый захватываетъ серпомъ рожъ; за нимъ начинаютъ жать и всѣ прочіе. Начало жатвы называется зажинками. Иногда, вмѣсто хозяина, зачинаетъ жница, извѣстная своимъ благочестіемъ.

Собираніе хлѣба сопровождается пѣніемъ, исполненнымъ душевной радости. По полямъ раздаются безочетно игривыя пѣсни; сама природа, кажется, веселится съ жнецами: все имъ благоухаетъ и все живитъ упоительной веселостію. — Смотря на нихъ, сердце невольно завидуетъ ихъ счастію. Душа свободы, довѣрчивая откровенность и простосердечное самодовольствіе, ставятъ ихъ выше всѣхъ счастливцевъ въ мірѣ.—Ряды жнецовъ работаютъ дружно. Малые и большіе: съ серпами въ рукахъ, съ граблями на спинѣ, всѣ трудятся и всѣ поютъ.—Пѣсни зажнивныя поются безъ разбора, но чаще всего шуточныя и веселыя:

Казала намъ пивка,
Що е у пана горилка,
Въ комори, на полици,

Въ кресталевый скляници.
Въ комори пидъ лавою,
Приросла муравою.

На гори крыниця,
Коло неи пшениця.
Жали ии жницы,
Та сами молодыци;
Хлопцы вусатыи,
И дивки косатыи.
Добра нивонька була,
Сто копъ уродыла.
Що копа, то колода,
Панови нагрода.
Запрягайте волы,
Идите по подпоры:
Скирдтоньки подпираты,
Вязальниковъ прошаты. —

У нашого пана,
Золотая брама,
Золотая присна,
Сило вязяльниковъ зъ триста.
Не добру долиньку мае,
Рано зъ поля сьнзжае,
Тилько тужаночка,
Що жинки не мае.

Ой у чужого господаря обидаты пора,
А у нашого господаря ще и думки не ма.
Ой паноньку нашъ! обидаты часъ!
У чожого господаря горилочку пьютъ,
А у нашого господаря воды не даютъ.
Ой паноньку нашъ! обидаты часъ!
У чожого господаря полудноваты пора,
А у нашого господаря щей на думки не ма.

Ой паноньку нашъ! полудноватъ часъ!
У чожого господаря пополудновалы,
А у нашого богатого ще й не думалы.
Ой паноньку нашъ! полудноватъ часъ!

Закатылось сонечко
За виноградный садъ.
Цилуйтеся, милуйтеся,
Хто кому радъ.

Ой Маруся зъ Ивашкомъ
Циловалась, миловалась,
И ручиньку дала:
Отъ се тоби, Ивашеньку,
Рученька моя!
Ой якъ пождемъ до осени,
Буду я твоя.

Выйди паноньку до насъ,
Выкупь винецъ у насъ.
Положи червоного,
Видъ винца полового.
Бо якъ не выйдешъ до насъ,
Не выкупишъ винца у насъ.

До корчмы понесемо,
Отъ до того жида;
Горилки напымось,
И не будымъ до обида. —

Эту пѣснь поютъ еще, когда жнецы, возвращаясь на господскій дворъ, встрѣтятъ дочъ хозяйки, и требуютъ, чтобы она выкупила у нихъ вѣнокъ. Дѣвушка выкупаетъ, поднося имъ по чарки водки.

Ой чіс жъ то полс,
Заховтило стоя?

Иванове поле,
Заховтило стоя.
Женцы молодыи,
Серпы золотыи!
Ой чіе жъ то поле,
Задремало стоя?
Грицкове поле,
Задремало стоя.
Женьцы все старыи,
Серпы все изломаны.
А мы своему пану,
Изробыли славу:
Житечко пожалы,
Въ снопы повязалы,
У копы склали.
А мы своему пану,
Изробыли славу.
Ой панонъку нашъ,
Обжиночки часъ!
Благослови жъ Боже!
Обжиночки часъ.

Ой упала нивка въ кинцы матырынка,
Тамъ дивчына жито жала, сама чернобрывка.
Идетъ козакъ дорогою: помогай Бигъ жницы!
Вона стала, отгадала, сердынькомъ назвала.
Сія жъ слава на все село пала,
Що дивчина козаченька сердынькомъ назвала.
А щожъ, моя маты, неженатый хожу,
Калыночку ломлю?
Оженыся сынку, оженысь Максимку:
Возьми соби панянку, у шинкарки дочку.
Шинкарчина дочка мени ни ривная:
Ходытъ вона по рыночку, якъ королева.

Мени зъ нею не статы, тай не говорыты,
Тилько статы, шапку зняты

Ой за гаемъ, гаемъ, гаемъ зеленькимъ,
Тамъ орала дывчиненка
Волыкомъ черненькимъ —
Орала, орала, ни вмила гукаты,
Тай наняла москалика (*) у скрышку граты.
Мос каликъ играе, бровамы моргае.
Чорты батька его знае, чего винъ моргае!
Чи на мои волы, чи на мои коровы?
Чи на мое биле личко, чи на мои черны бровы?
Волы и коровы уси поздыхаютъ,
Биле личко зъ румяцемъ ни злиняе.

Ой покинувъ сизый голубь на поли живицця,
Ой поихавъ москаликъ у Польшу женыцця!
Шумытъ, шумытъ дубровонька, шумытъ зеленька,
Плаче, плаче дивчыненька, плаче молоденька.
Ой ждала я, ждала, нема мого пана.
Ой пійду я до домочку, та зайду въ комору.
Въ моій комори тай всего довольно,
Тилько того не довольно, що я одна въ комори.
Стану билу постель слаты:
Била постель мени не мила, ни съ кимъ размовляты.
Ой прильнувъ сизый голубь зъ поля, ни напився.
Ой пріихавъ москаликъ зъ Польши, ни женывшись.
Ой не шуми дубровынька, та ты зелененька;
Не плачъ, не плачъ дивчыненька, та ты молоденька.
Кошу я та кошу, посередь покосу,
А такую панянку николы не брошу.
Пійду я на ричку, та піймаю щуку,
Возьму я паняночку за билую ручку.

(*) *Москаль*, уменьшительное отъ него *москаликъ*, значатъ Русской. – Иные поютъ еще: *тай наняла козаченька*, и т. д.

Ой горе, горе, несчастная доля!
Изорала Марусенька бровеньками поле,
Карыми очима тай заволочыла,
Дрибненькими слизоньками все поле змочыла.
Ой по горамъ, горамъ, пшениченьки яры,
А по долинонькамъ шелковыи травы.
Ой на тій же на травоци, козаки стоялы,
Марусю пытали:
Марусенька, панья, чи панъ твій дома?
Нема мого пана, поихавъ на ловы.
Колы нема пана, вийды до насъ сама.
Марусенька вийшла, въ черевичкахъ вийшла,
Середь двора стала, коней вспизнала:
Ой ни есть же вы козаченьки,
Вы бурлакы-разбойникы!
Мого пана убили и коней забралы.
Не правду говоришъ и насъ козачинькивъ,
Въ безславоньку вводышъ.
Бо сіи кони въ степи покупилы,
На зеленый отавьци за гроши получили.
Булы жъ у насъ сваты, — зеленіи дубкы,
Була у насъ шинкарочка, — билая березочка.
Могорычы запывалы, — водицей въ крыници.

Послала мене маты,
Зеленого жыта жаты.
Ой путе косары,
Що не рано почалы!
Хоть не рано почалы,
Да богацько утяли.
А я жита не нажала
Въ борозденьци пролежала.
Ой путе косары, и т. д.
Напхали чумеземцы,
Нашли мене въ борозденьцы.
Ой путе косары, и пр.
Осердылася Марыпа,

Що не кошана долыня,
Ой нуте косары, и пр.
Отозвався чорнобровый:
Не сердысь моя Марыно!
Ой нуте косары, и пр.
Мы покоспмъ, погребемъ,
И въ копеньцы складемъ.
Ой нуте косары, и пр.
Черезъ твои билы ручки,
Нема еще жита въ кучки.
Ой нуте косары, и пр.
За твои чорны брови,
Мы пакоспмъ перелогы.
Ой нуте косары и пр.
За твою ласку,
Готовъ выддать коня кублачку
Ой нуте косары, и пр.
Пійшла маты до Кыева,
Мене въ доми покинула.
Ой нуте косары, и пр,
Мени маты наказала,
Робыты дома приказала.
Ой нуте косары, и пр.
Робы, донько моя, робы,
За вспмъ сама ходы.
Ой нуте косары, и пр.
Хто робыты полинпцця.
Тому лихо приключицця.
Ой нуте косары, и пр.
Пришла маты, засвитыла,
Мене дома не зустрила.
Ой нуте косары, и пр.
Продай маты дви коровы,
Купы мени чорны брови.
Ой нуте косары, и пр.
Продай маты дви телпци,

Купы мени дви сподницы.
Ой путе косары, и пр.
Продай маты муки мирку,
Сведы мене къ тому жолнирку.
Ой путе косары,
Що не рано почалы!
Хоть не рано почалы,
Да богацько утяли.

—

Звелила мени маты,
Ячминю жаты.
Жны, жны, моя доненько!
Жцы, жны, мое серденько!
Ячминю не жала,
На межы лежала.
Лежи, лежи, моя доненько!
Лежи, лежи, мое серденько!
Снопочикъ пажала,
Къ сердечку прижала.
Жми, жми, моя доненько!
Жми, жми, мое серденько!
Ячминее зернячко,
Укололо сердячко.
Терпи, терпи, моя доненько!
Терпи, терпи, мое серденько!
Ой якъ терпила,
Да вже зомлила.
Млій, млій, моя доненько!
Млій, млій, мое серденько!
Шобъ сердце злычиты, —
Треба козака любити.
Люби, люби, моя доненько!
Люби, люби, мое сердкнько!
Щобъ моя маты,
Зъ козакомъ мени гуляты.
Гуляй, гуляй, моя доненько!
Гуляй, гуляй, мое серденько!

Еще жъ моя маты,
И волю ему давати.
Давай, давай, моя донепько!
Давай, давай, мое серденько!

По окончаніи работы дѣвушки плетутъ ржаный вѣнокъ, который перевиваютъ цвѣтами и травами. Мушины связываютъ особый снопъ и перевязываютъ его рожью, а иногда цвѣтами. Вѣнокъ надѣваютъ на голову одной изъ красавицъ, предъ коею мальчикъ несетъ снопъ. Прочія дѣвушки окружаютъ свою подругу, такъ же съ вѣнками на головѣ, но плетенными изъ васильковъ, незабудочекъ, колокольчиковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ. Всѣ идутъ къ хозяину на дворъ: тамъ онѣ дарятъ его снопомъ и вѣнкомъ, и желаютъ ему дождаться еще изобильнѣйшей жатвы. Хозяинъ выслушиваетъ ихъ съ трогательною признательностію, благодаритъ и всѣхъ проситъ *отвечерять* (отужинать); вѣнокъ и снопъ вносятъ въ избу и хранятъ за образами до будущей жатвы.—На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, угощаются всѣ ужяномъ хлѣбосольнымъ и радушнымъ.

Въ послѣдній день жатвы, называемой обжинками, жнецы идутъ съ равнымъ торжествомъ на господскій или хозяйскій дворъ. Тамъ давно стоятъ для нихъ столы накрытые.—Грешневые галушки съ саломъ (клёцки) ставятъ на столъ, и тутъ уже подносятъ по чаркѣ водки. Хозяйка находится безотлучно при сельскомъ, но гостепріимномъ ужинѣ, и проситъ всѣхъ *вечерять* какъ у себя дома. — Въ другихъ мѣстахъ, по уборки хлѣба съ полей, угощаютъ жнецовъ въ одинъ изъ дней свободныхъ отъ работъ, или въ праздникъ, особымъ обѣдомъ, при чемъ подаютъ горячіе пироги изъ мяса, творога и паляницы со сметаной; потомъ борщъ, молочную кашу или лапшу, жаркое изъ говядины или баранины. Въ продолженіи обѣда чарка съ водкой

постоянно ходитъ по рукамъ. Самъ хозяинъ съ хозяйкою раздѣляютъ общій столъ, и они строго смотрятъ, чтобы всѣ были сыты и довольны. Въ заключеніе подаютъ варенуху, и день непремѣнно обращается въ праздникъ *обжинокъ*. Послѣ стола гостепріимные хозяева надѣляютъ жнецовъ пирогами и паляницами, или чѣмъ другимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ въ церковь *первинки* для освященія, которые состоятъ изъ новопеченнаго хлѣба, и если въ то время созрѣли плоды, то яблоки и груши (*). На особой деревянной тарелкѣ ставятъ медовые соты, а на прочихъ первинки. Священникъ, отслуживъ благодарственный молебень, окропляетъ первинки священной водою и потомъ они съ благовѣніемъ раздаются домашнимъ; нѣкоторую часть изъ нихъ оставляютъ и хранятъ дома, какъ предохранительныя средства отъ многихъ болѣзней. —

Обжинки въ черной Россіи.

Здѣсь, по окончаніи жатвы, выбираютъ женщины изъ дѣвушекъ одну прелестнѣйшую и украшаютъ ея голову плетенымъ вѣнкомъ: изъ ржи и васильковъ. Хоръ дѣвушекъ, окруживъ ее, отправляется съ нею къ господскому дому, при пѣніи радостныхъ пѣсней. Помѣщикъ встрѣчаетъ ихъ на крыльцѣ, и потомъ подходитъ въ увѣнчанной: снимаетъ съ нея вѣнокъ и благодаритъ жнецовъ за успѣшное и благополучное окон-

(*) Повсюду въ обыкновеніи, что при кушаніи въ первый разъ первинокъ, или при видѣ на комъ либо обновы, дерутъ за уши, какъ бы въ наказаніе, за вкушеніе плодъ, напоминая этимъ, что за вкушеніе запрещенныхъ плодовъ, были изгнаны изъ рая первые два человѣка.—Въ послѣдствіи это обстоятельство примѣнено къ обновѣ, при чемъ уже люди, не привыкшіе драть за уши, поздравляютъ съ обновою.—Этотъ обычай господствовалъ по всему востоку.

чаніе работы. За тѣмъ онъ угощаетъ ихъ водкою и ужиномъ, или даетъ имъ на водку. Между тѣмъ въ его компатѣ появляются на стѣнѣ вѣнки, съ пукомъ колосьевъ.

Въ Подлясіи (червоной Россіи) *постадница* (старшая изъ жнецовъ) начинаетъ всякій разъ жатву, обрядпымъ дѣйствіемъ. Связавъ снопъ хлѣба, она поднимаетъ его въ гору, и произноситъ громко:

Ото наша веселка,
Одъ полудня до вечерка:
Щобъ жалось веселенко,
И здоровенько,
И Богу миленько,
И людямъ и намъ,
И нашимъ панамъ.
А жните, пожинайте,
Колосъ побирайте.
Не стоитъ панъ о колосъ
Оно о солому,
Поживаты стодолу и обору.
Мій снопъ восвода,
Ходитъ коло города;
Мій снопъ осталецъ,
Поведе постадницу въ танецъ.
Що поведе, поцилуе,
Медомъ, винцомъ почастуе.

Съ окончаніемъ причитанія, она бросаетъ изъ за своей головы снопъ, въ ознаменованіе тяжкихъ работъ жнецовъ (*).

Пожинки и имянинникъ.

Въ другихъ мѣстахъ (пензенской и симбирской губерніяхъ), существуютъ пожинки. Тамъ, по окончаніи жатвы,

(*) Goleb. Gry i zabaw. ч. 12. с. 54–155.

собирается народъ въ поле дожинать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ, называемый *именинникъ*; тогда наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ его на господскій домъ, гдѣ жнецовъ угощаютъ пивомъ и виномъ. (*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, послѣдній снопъ такъ же называется именинникомъ. Ему придѣлываютъ руки, убираютъ въ пестрое женское платье и несутъ его на хозяйскій дворъ, гдѣ ожидаетъ ихъ богатое угощеніе. Хозяинъ печетъ тогда коровай изъ новаго хлѣба и раздѣляетъ его между своими гостями. Въ сѣверо-восточной Россіи такъ же пекутъ коровай, но его подносятъ жнецы хозяину въ подарокъ. Въ смоленской губерніи придѣлываютъ къ снопу руки, надѣваютъ на него бѣлую пасовку, а на вершину снопа кичку, или наматываютъ женскій уборъ, называемый накидка, и двѣ женщины несутъ на господскій дворъ. Хозяинъ выходитъ имъ навстрѣчь, жнецы поздравляютъ его съ счастливымъ окончаніемъ жатвы и бьютъ снопъ вѣникомъ березовымъ, съ особыми приговорками, въ томъ предубѣжденіи, что животныя, истребляющія поля, истребляются послѣ этого таинственнаго обряда. Потомъ угощаютъ всѣхъ; пѣсни и пляски заключаютъ всеобщее веселіе.

Въ вологодской губерніи снятый послѣдній снопъ съ поля, называется *кумушка*. Тамъ сбирается овесъ послѣ всѣхъ хлѣбовъ. Остатокъ его срѣзывается дружно съ корня, всѣми жнецами; верхъ этого снопа повязывается платкомъ. *Головная жнея* — первая, начинающая жать первый загонъ — беретъ *кумушку* и несетъ его въ домъ своего помѣщика, въ сопровожденіи пѣсней своихъ подругъ, которыя поздравляютъ своего ба-

(*) Снегир.: Русск. прост. праздн. и пр. выпускъ IV. с. 84.

рина *съ двумя полями сжатыми а съ третьимъ засѣяннымъ*. Поблагодаривъ ихъ за усердіе, онъ принимаетъ кумушку и ставитъ его въ передній уголъ подъ образами; тутъ онъ остается цѣлую недѣлю; потомъ снимается и хранится до Покрова. Въ этотъ день кормятъ кумушкой, рогатый скотъ, закармливаемый на зиму.

Въ саратовской губерніи по уборкѣ хлѣба наряжаютъ солеменную куклу, въ кумачный сарафанъ; на голову надѣваютъ чуплюкъ, на шею ожерелье и украсивъ цвѣтами, носятъ чучело по селенію, съ пѣснями и плясками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи, дожинки и пожинки называются *госпожками*.

Госпожинъ день, осенины, овсяница, дежень и спасовъ день.

Въ другихъ мѣстахъ Россіи окончаніе жатвы извѣстно подъ именемъ *спожинокъ*, *оспожинокъ*, *госпожинокъ и опожиницъ*, а въ лѣтописяхъ *госпожинъ день*. По мѣстному положенію они совершаются не въ одно время, но всегда послѣ уборки хлѣба. Названіе госпожинъ день, произошло отъ древняго простонароднаго слова *спожинать*, доканчивать жатву. Въ Бѣлоруссіи *Госпожа*, значитъ *Богоматерь*, а самый Успенскій постъ называется *госпожинками*, и въ это время довершается жатва. Въ витебской губерніи обжинки совершаютъ единообразно, какъ почти во всей Бѣлоруссіи. Жнецы обоего пола, особенно дѣвушки и молодки, наряжаются въ праздничныя одежды и идутъ, при пѣніи пѣспей съ самого поля, къ дому помѣщика. Дѣвушки украшаютъ свои головы вѣнками, и одна изъ нихъ, славящаяся красотою, идетъ впереди; за нею всѣ прочія. Мущины несутъ на плечахъ грабли и косы, а женщины держутъ въ рукахъ серпы: все идетъ попарно, съ торжественной радостію. Помѣщикъ, услыхавъ издалека голосъ поселянъ, выходитъ со всѣмъ своимъ семействомъ къ нимъ на встрѣчъ. Тол-

пы жнецовъ входятъ въ дворъ, поздравляютъ барина съ окончательной жатвою, и желаютъ ему дождаться слѣдующей, еще изобильнѣйшей. Красавица снимаетъ съ своей головы вѣнокъ, и надѣваетъ его на голову барышни; если ее нѣтъ, то на голову молодой барыни. Тогда всѣ стоящіе попарно жнецы, кланяются ей, привѣтствуютъ и желаютъ, если это дѣвушка: добраго и богатого жениха, а барыни дождаться счастія своей дочери. Помѣщикъ угощаетъ всѣхъ: ужиномъ, водкою и пивомъ. Послѣ ужина они предаются забавамъ и играмъ, и потомъ расходятся по домамъ. —

Достойно замѣчанія, что въ этой губерніи посполяне, во время жатвы, всегда надѣваютъ на себя чистое платье, и особенно щеголяютъ бѣлыми рубашками, При жатіи хлѣба дѣвушки становятся другъ противу друга, и поютъ попеременно пѣсни, и своими тѣлодвиженіями выражаютъ радость и печаль, любовь и безнадежность.

Въ Бѣлоруссіи *Госпожа* имѣетъ два названія: *малая Пречистая и большая Пречистия.* Первая означаетъ рожденіе Божіей Матери, а вторая Ея смерть или Успеніе. —

Въ большую Пречистую не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Литвѣ, Малороссіи и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Россіи, совершаютъ освященіе созрѣвшихъ плодовъ, хлѣбныхъ колосьевъ, и медовыхъ сотовъ. Въ Россіи большая Пречистая извѣстна подъ именемъ *Успенщины*, а въ Малороссіи *Успенія.* — Съ Успеніемъ почти оканчиваются всѣ работы жнецовъ, и начинается повсемѣстная уборка и возка зернового хлѣба.

Въ Литовскихъ мѣстахъ уборка хлѣба извѣстна подъ именемъ *малыхъ осенинъ.* Самое названіе осенинъ показываетъ, что они произошли отъ осени, потому что въ эту пору оканчиваются полевыя работы. Въ дру-

гихъ мѣстахъ отправляются *поминки* по мертвымъ въ осенины, какъ въ дмитріевскую субботу или въ поминальные дни.

Въ костромской губерніи поселяне, предъ начатіемъ жатвы, молятся на три стороны, кромѣ сѣверной. По окончаніи жатвы оставляютъ на полѣ небольшой клокъ хлѣба, называемый *волотка на бородку* (волотка значитъ хлѣбный колосъ); обвиваютъ оставшеюся соломой свои серпы и кладутъ ихъ въ домѣ, предъ св. икопами. Другіе катаются по нивѣ, приговаривая: *жнивка, жнивка! отдай мою силку на пестъ на мѣшокъ, на колотило, да на молотило и на криво веретено* (*). Съ окончаніемъ жатвы, угощаютъ жнецовъ. —

Въ сѣверо-восточной Россіи совершаютъ овсяницу въ день св. Андріана и Наталіи, (августа 26). Жнецы несутъ домой снопъ овса, и ставятъ его подъ образами въ уголъ, называемый *сутки*. Хозяинъ приглашаетъ ихъ садиться за столъ, и угощаетъ ихъ толокномъ, называемымъ сдѣсь *дежень*, а потомъ пирогами и овсянымъ киселемъ или кашею. Во время кушанья сравниваютъ урожай овса нынѣшняго года съ прошедшимъ, и считаютъ *суслонами*, (количество сноповъ). Если нынѣшній урожай богаче прошлогодняго, то жнецы получаютъ отъ хозяина по немного всякой муки, въ противномъ случаѣ остаются довольными угощеніемъ, и благодарятъ хозяина и хозяйку за сладкій *дежень*, и выходя изъ избы, кляняются на четыре стороны. —

Въ рязанской губерніи празднуютъ *аспосовъ* или *спосовъ* день, и пѣтъ сомнѣнія, что это спасовъ день, въ который приносятъ въ церковь для освященія первые зеленые плоды.

(*) Снегир. прос. праздн, русск. и пр. вып. IV. с. 80-82.

Въ великой Россіи такоеже происходитъ радушіе при собираніи хлѣба, и такъ же сопровождается пѣніемъ веселыхъ пѣсней. — Жатва повсюду есть предметъ радости. Богатая награждаетъ земледѣльца, скудная никого не веселитъ. — Предъ окончаніемъ жатвы жнецы угощаются хозяиномъ водкою и пирогами, и это угощеніе называется дожинками. Они употребительнѣе въ югозападныхъ частяхъ Россіи: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и въ сопредѣльныхъ съ этими мѣстами губерніяхъ. — Тамъ вѣшаютъ вѣнки, изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ полѣ на шестѣ; головы дѣвушекъ украшаются цвѣтами, а женшины и мущины принимаютъ участіе въ забавахъ молодыхъ людей. Иногда дѣвушки составляютъ хороводъ около жита: ходятъ вокругъ него, побравшись за руки, и поютъ приличныя своимъ забавамъ сельскія пѣсни. Вечеръ заключаютъ плясками подъ гудокъ, и возвращаются домой съ пѣніемъ и радостію. Дожинки и обжинки въ Россіи.

Послѣ жатвы наступаютъ для жнецовъ обжинки, получившіе свое названіе отъ слова обжинать, оканчивать жатву. Хозяинъ приглашаетъ къ обжинкамъ не только жнецовъ, но часто сосѣдей и постороннихъ людей; угощаетъ ихъ сначала водкой и пирогами, печенными изъ новаго умолота хлѣба; потомъ щами, кашею и печенымъ,—обыкновеннымъ деревенскимъ столомъ, который однако не вездѣ одинаковъ: смотря по зажиточности хозяина, онъ измѣняется. — Остальное время дня проводится въ пляскахъ, хороводахъ и народномъ пѣніи. —

Рабочая пора у земледѣльца соединена съ замѣчаніями и обрядами, а время трудной работы называется *страдою* или *страдною порою*. И это справедливо, потому что тогда земледѣлецъ болѣе всего терпитъ, и страдаетъ отъ своихъ тяжкихъ трудовъ. Онъ не жалѣетъ ни рукъ, ни силъ: онъ работаетъ до изнеможенія. О, какъ часто, истощивъ свои силы, онъ никакихъ не пожи- Страда, или страдная пора.

наетъ плодовъ! По этому самому, приступаетъ ли къ посѣву или жатвы, онъ напередъ совершаетъ крестные ходы съ св. образами, молитъ Бога увѣнчать его труды, и спѣшитъ принесть во храмъ Божій первые плоды отъ своего хозяйства.

Помочь и другія ея названія.

Въ разныхъ полосахъ Великороссіи, происходитъ въ августѣ мѣсяцѣ сельское пиршество, называемое *помочи*. Многіе хозяева, когда остается на ихъ поляхъ хлѣбъ не дожатый почему нибудь, тогда они созываютъ сосѣдей, чтобы помочь собирать его. — На дворѣ уже заготовлены столы съ хлѣбомъ-солью, пирогами и пшеничными калачами. Вдовы, нуждающіяся въ помочахъ и не имѣющія способовъ угостить своихъ добрыхъ сосѣдей, получаютъ отъ зажиточныхъ все нужное для этого пиршества. Угощенные сосѣды отправляются въ поле: тамъ снимаютъ хлѣбъ, возятъ сѣно а хозяины за то снабжаютъ ихъ на зиму: дровами и лучинами.— Поселяне, считающіе за великій грѣхъ работать въ воскресенье, идутъ охотно послѣ обѣдни работать на вдовьей землѣ.—Народная поговорка: *за вдовою и Богъ съ сумою*, безъ сомнѣнія произошла отсюда.

Въ Малороссіи, Сибири, пермской, вятской, оренбургской и смежныхъ съ ними губерніяхъ, выпаливаніе и совершеніе полевыхъ работъ извѣстно подъ именемъ помочей, но онѣ, по роду занятій, носятъ разныя названія. Полеліе огородовъ называется *полотушка*, трепаніе льна и конопля *потрепушка*, пряжа *супрялки*, у наваживаніе *пазьми и толоко*, собираніе рѣпы, рѣдьки, моркови, картофели и проч. называется копаніемъ *порѣпицы, оборкою и снимкою земляницы*; сниманіе лука и чеснока, *луковымъ днемъ*; рубленіе капусты, *капустницею*. Въ Сибири рубка капусты называесся еще *вечеромъ капустки*. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ (казанской губерніи) праздникъ капустки, принадлежащій собственно этому

уѣзду, издавна есть народный. Такъ капусткy ожидаютъ точно съ такимъ удовольствіемъ и нетепрѣніемъ, какъ рождественскіе святки. По наступленіи времени рубить капусту, собираются сначала однѣ дѣвушки: рубятъ ее весело и радостно, и спѣшатъ какъ можно поскорѣй окончить свою работу. Послѣ рубки угощаютъ ихъ ужиномъ; потомъ собираются сюда въ парядныхъ своихъ одеждахъ мущины: они не смѣютъ войти прямо въ избу, но подходятъ спачала къ окошку просить позволенія у хозяина, и получивъ его соизволеніе, входятъ въ комнату съ начальнымъ привѣтствіемъ къ хозяйкѣ: *поздравляю милость вашу съ капусткой.—Покорно благодаримъ*, отвѣчаетъ хозяйка, *прошу бесѣдовать съ нами.*—Каждый молодецъ приноситъ съ собою лакомства.—Когда парней соберется довольно, тогда начинаютъ разныя святочныя игры, и забавы продолжаются до разсвѣта. Въ продолженіи игръ, женихи стараются извѣдать правъ и сердце молодыхъ дѣвушекъ, шутятъ съ ними, рѣзвятся, поютъ пѣсни и ходятъ попарно перешепчиваясь, однако украдкой, безъ нарушенія приличія: впротивномъ случаѣ, за несоблюденіе должной скромности, молодцы не допускаются къ играмъ, и они должны немедленно оставить вечернее собраніе.

Родителямъ весьма не правятся капустки, потому что женихи часто приходятъ высматривать невѣстъ не тѣхъ, которыя имъ правились, а тѣхъ, которыя имъ понравятся, и случается, что женятся на другихъ, противу ожиданія родителей, предполагавшихъ въ нихъ будущихъ своихъ зятей (*) Такое празднество совершается

(*) Г-жа Фуксъ, въ описаніи мѣстныхъ обрядовъ Чувашей, ошибочно сравниваетъ вечеръ капустки, съ гуляньемъ 1 мая въ Петербургѣ, говоря, что у насъ въ Петербургѣ сходятся 1 мая гулять для того, чтобы высматривать невѣстъ. — Гулянье 1 мая у насъ, есть встрѣча весны, и оно происходитъ въ Екатерингофѣ,

въ Малороссіи и въ большей части Россіи. Тамъ капустницы, собирающіяся для сѣченія капусты, ходятъ первоначально по сосѣдямъ, чтобы приглашать молодицъ и молодцевъ рубить капусту. Молодые люди, занимаясь сѣчкою капусты, проводятъ вечеръ въ дружескомъ пѣніи и шуточныхъ расказахъ. — Послѣ рубки угощаютъ ихъ пирогомъ изъ капусты, который называется *хлебальнымъ пирогомъ*, потому что его ѣдятъ со щами. Въ другихъ мѣстахъ нарочно варятъ пиво; угощеніе вообще заключается пляскою. Въ приволжскихъ губерніяхъ дѣвицы ходятъ въ праздничныхъ нарядахъ по домамъ, поздравлять хозяиновъ съ праздникомъ капустки и въ ихъ честь поютъ пѣсни. — Пѣсельницъ угощаютъ пирогами. Въ Малороссіи было въ обыкновеніи, что молодыя дѣвушки, нарядившись въ праздничныя одежды, ходили по домамъ поздравлять хозяекъ съ капусткою. Но это не было празднество, а приготовленіе къ капусткѣ, для которой созывали обыкновенно однихъ молодыхъ, чтобы работа шла веселѣе. Молодые обоего пола, преимущественно спѣшили воспользоваться этимъ временемъ; имъ тогда представлялся удобный случай пошутить и порѣзвиться между собою. — Тогда уже вечера капустки обращались въ вечерницы, т. е: въ вечернія забавы для молодыхъ: всѣхъ ихъ угощали паляницами и пирогами съ капустою. Молодежъ созывали нетолько для сѣчки капусты, но для квашенія бураковъ (свеклы), моченія конопля, льна и для окончанія другой легкой домашней работы. —

куда сходятся и съѣзжаются не только со всей столицы, жители и государственные люди, министры и дипломатическій корпусъ; но и Царская фамилія, сопровождаемая Государемъ Императоромъ.–Можетъ ли это быть смотръ невѣстъ?–Этнограф. описаніе казанск. губ., помѣщ. въ жур. мин. внут. дѣлъ, № 3, 1841 г., с. 371.

Въ другихъ частяхъ Россіи (вятской и пермской губерніяхъ) называютъ помочами удобреніе полей, равномѣрно такъ же и тоже самое называется въ сѣверной полосѣ Россіи, въ смоленской губерніи и нѣкоторыхъ литовскихъ мѣстахъ, но такое названіе не вездѣ сохраняетъ прямое свое значеніе, ибо косить сѣно называютъ уже тамъ толокомъ (*). Въ другихъ мѣстахъ говорятъ вмѣсто помочь, *назьмы рыть*, т: е: унавоживать поля наземомъ. Помочи и толоко, суть однозначущія. Лифляндскій лѣтописецъ Кельхенъ говоритъ: владѣющіе обширными полями, созываютъ во время жатвы своихъ сосѣдей, для поданія имъ помощи въ собраніи хлѣба, и вечеромъ угощаютъ ихъ, и такое угощеніе называется толокомъ.

Въ смоленской губерніи толоко обратилось собственно въ значеніе унавоживать землю, гдѣ ея удобреніе совершается неиначе, какъ чрезъ навозъ. Тамъ толоко занимаетъ всѣхъ домохозяевъ, и начинается обыкновенно съ Петрова дни; иногда и ранѣе, и продолжается до поздней осени. Хозяинъ сзываетъ сосѣдей на ржаный пирогъ и пиво, и угостивъ ихъ, проситъ помочь ему возить толоко. Большіе и малые, и дѣти обоего возраста, возятъ на поле навозъ и тамъ разбрасываютъ его кучками. По окончаніи работы, ихъ угощаютъ вновь. Однажды я былъ свидѣтелемъ сельскаго угощенія послѣ толока.—Рабочіе сидѣли кружкомъ, лица ихъ были блѣдныя и высохшія, — тягостенъ трудъ земледѣльца! Они сидѣли въ молчаніи: предъ ними лежа-

(*) Должно думать, что толоко происходитъ отъ древнепрусскаго, или эстскаго слова *talek*, которое означаетъ вознагражденіе за трудъ не деньгами, но угощеніемъ. — Relch: Lifländ. Hiſtor. Въ Литвѣ говорятъ *тлоко*.

ли ломти хлѣба, но когда подали кушанья: жидкую похлебку изъ гороха и зелени; тогда принесли, на деревянномъ блюдѣ, ржаный хлебальной пирогъ, начиненный капустою и горохомъ. Хозяинъ подносилъ по чаркѣ вина, и потомъ каждый бралъ свою долю пирога и закусывалъ; наконецъ стали хлебать похлебку изъ общей деревянной миски, а тамъ, послѣ похлебки, подавали *крошиво*, рубленное мясо на куски, печеное и гречневую кашу съ масломъ. Во время обѣда подносили кружками черное пиво, нарочно варепое для этого дня. За нѣсколько дней до толокного угощенія, всегда варятъ здѣсь пиво; его пьютъ вдоволь.—О какъ было бы хорошо, если бы Русской, отъ природы умный, добрый, честный и трудолюбивый, замѣнилъ водку пивомъ.—Водка, губительница нравственности, ведетъ ко всѣмъ порокамъ и несчастіямъ. — Водка ядъ, — тихій, но вѣрный.

Уборка. За собираніемъ сжатого хлѣба, слѣдуетъ обыкновенно снимка его съ полей, и это пазывается *уборкою*. Уборка хлѣба не сопровождается особымъ какимъ либо угощеніемъ или празднествомъ; хозяинъ благодаритъ только помогавшихъ ему въ работѣ, и обѣщается помочь имъ въ свою очередь, и если онъ зажиточный, то угощаетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уборка и оборка означаютъ послѣдній день оранія.

Не вездѣ свозка хлѣба съ полей, извѣстна подъ именемъ уборки. По мѣстности она называется различно, а имянно: *свозка, увозокъ, перевозка;* но вездѣ они образуютъ народное весел:е, и можно сказать, празднество. Земледѣлецъ радуется, что благополучно снялъ съ поля хлѣбъ и уложилъ его вовремя въ свои скирды.

Овинъ и овинные имянины. Въ костромской губерніи празднуютъ *овинъ* (сентября 24) въ день мученицы Ѳеклы, именуемой въ простопародіи *Ѳеклою заревницею.* Овинъ собственно значитъ гумно: хозяинъ собираетъ молотильщиковъ въ

овинъ, который въ тотъ день называется *имянинникомъ*; тамъ варятъ кашу въ честь имянинника и угощаетъ ею всѣхъ работниковъ.—Это не есть особое празднество, но обрядъ гостепріимный: угостить новой кашею.—Когда поспѣетъ каша, тогда молотильщики садятся въ кружокъ и непремѣнно въ самомъ овинѣ. Хозяинъ первый отвѣдываетъ кашу, а молотильщики говорятъ: *хозяину хльба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ*, и потомъ ѣдятъ ее съ масломъ. Въ другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, это дѣйствіе слыветъ подъ именемъ *овинныхъ имянинъ* и тамъ варятъ кашу, но она называется уже *домолотною*, т. е: сваренною изъ окончательнаго умолота.

БИБЛІОТЕКА
Е.К. ДЕРЯГИНОЙ

X.

БАБЬЕ ЛѢТО.

Бабье лѣто.

Измѣненіе временъ года, праздновалось въ языческомъ мірѣ съ религіозными обрядами, коихъ слѣды остались въ христіянствѣ. У всѣхъ народовъ весна и осень, совпадали съ полевыми работами.—Въ эту пору совершались повсюду торговыя сдѣлки, годичные сроки и мірскія совѣщанія. — Весенній у насъ Юрьевъ день и осенній Семенъ день, были срочными условіями для поселянъ и владѣльцевъ земель, и потомъ Семенъ день превращенъ простолюдинами въ бабье лѣто. — Нѣкоторые думаютъ, что сентябрь мѣсяцъ прослылъ въ простонародіи бабьимъ лѣтомъ, со временъ Петра I., измѣнившаго лѣтосчисленіе, которое велось прежде съ сентября 1., со дня преподобнаго Симеона перваго столпника. Эта догадка ни на чѣмъ не основана. Бабье лѣто существовало до временъ Петра I., и оно теряется въ глубокой древности. Германны знали его, въ самое отдаленное время, подъ именемъ *марінинской пряжи* (Marien-garn), *марінинскихъ нитей* (Marienfäden) и *старого бабьего лѣта* (Alter Weiber-Sommer).—Въ это время видно на небѣ созвѣздіе бабы, расположенное изъ семи соединенныхъ вмѣстѣ звѣздъ, какъ бы утичье гнѣздо и называемое въ астрономіи Плеяды, посему нѣкоторые стали производить бабье лѣто отъ созвѣздія бабы; но и это не

правильно. Намъ извѣстно, что до перемѣны у насъ лѣтосчисленія, называлось это время *Симеономъ лѣтопроводцемъ*. Славянскія племена, искони любя полевыя работы, оканчивали ихъ въ эту пору; женщины дружно принимались за собственныя свои работы: онѣ мочили конопель и ленъ, сушили, трепали, ткали, сучили нитки, веревки и проч. Эти занятія, свойственныя женскому полу, всегда именовались бабьими работами и бабьими трудами, а самое время, которое бывало какъ нарочно теплое и какъ бы возвращало еще лѣто, совпадало съ бабскими трудами, и потому обратилось *въ названіе бабьяго лѣта*. —

Бабье лѣто продолжается одну недѣлю: оно начинается въ иныхъ мѣстахъ съ 1 сентября, а въ другихъ съ 8 сентября, съ Рождества Богородицы, какъ у Чеховъ, гдѣ оно называется *Семенна панна Марія*, у карпатскихъ Славянъ *бабинъ морозъ*. — Тамъ носится преданіе, что морозъ заморозилъ на полонынѣ (на Альпахъ) бабу чародѣйку. Это намекъ на статуи тѣхъ каменныхъ бабъ, которыя становились долгое время и въ христіянство, на карпатскихъ дорогахъ.

Въ Польшѣ подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную, теплую погоду, — тоже самое что бабье лѣто; въ Малороссіи и Литвѣ, оно называется *бабыно лито*. —

Семенъ день. Въ простонародіи и въ отечественныхъ лѣтописяхъ, первое сентября извѣстно подъ именемъ *Семенова дня*, *Семенъ день и дни Семена*. Въ церковныхъ праздникахъ называется еще этотъ день *Семенъ лѣтопроводецъ*, по случаю празднества преподобнаго отца Симеона перваго столпника, и по прежнему исчисленію года, коимъ оканчивалось тогда лѣто и начинался новый годъ. —Праздникъ Симеона перваго столпника, уставленъ на первомъ никейскомъ соборѣ (въ 325 г.)

Время отъ 1 до 8 сентября называется *семинскою недѣлью*. Если погода стоитъ теплая, въ продолженіи семи дней, то говорятъ обыкновенно, въ насмѣшку: вотъ и бабье лѣто! Это лѣто часто долго сопровождается зеленью луговъ, и самыя листья деревьевъ, цвѣтовъ и прочихъ растѣній, не скоро вянутъ и кажется зелепѣютъ. Простолюдины тогда замѣчаютъ, что если пауки снуютъ паутину и запутываются, то предвѣщаютъ тихую осень и зиму непостоянную. Или, если домашнія птицы щиплютъ траву на поляхъ, а перелетныя не улетаютъ; то вѣрный знакъ теплой зимы. Примѣчанія поселянъ измѣняются, по мѣстному расположенію страны. На сѣверѣ, гдѣ природа суровая и самое лѣто скоропроходящее, бабье лѣто не продолжительное. — Однако бываетъ, что оно при всемъ непостоянствѣ, напримѣръ, петербургскаго климата, продолжается около трехъ недѣль. — Холода сентябрскіе, пасмурная погода и частые дожди, имѣя вліяніе на расположеніе духа людей, измѣняютъ ихъ веселость и здоровье. — Каждый смотритъ на умирающую природу съ душевнымъ волненіемъ, потому что все вокругъ его сохнетъ и погибаетъ. Ненастный и безжизненный сентябрь, дѣлаетъ почти каждого угрюмымъ и задумчивымъ, сердитымъ и печальнымъ, потому вошло говорить въ обычай: *онъ смотритъ сентябремъ, на него нашла сентябрская хандра; онъ угрюмъ, какъ сентябрь; у него сентябрскія думы.*

Есть обычай, что подъ Семенъ день въ деревняхъ гасятъ вечеромъ огонь въ избахъ, и не держатъ его въ эту ночь. — На утро раздуваютъ новый огонь знахари и знахарьки, съ особыми приговорами. Со времени Семена дня, повсемѣстныя сельскія работы называются бабьими. Къ этому названію способствовало самое время: ни холодное, ни теплое, которое какъ парочно выгоняетъ женщинъ изъ избъ, чтобы работать на открытомъ воз-

духѣ.—Тамъ онѣ мнутъ и треплютъ пеньку, мочатъ и сушатъ ленъ, прядутъ и снуютъ холстъ. Если дѣвушка затыкаетъ красна въ Семенъ день, то она замѣчаетъ, какъ лажатся нитки: если прямо, то у нее будетъ хорошій мужъ: если не ровно, то негодный. — На женскія работы стекаются молодые люди, чтобы имъ помочь, и помогаютъ преимущественно молодкамъ и краснымъ дѣвушкамъ. — Въ вечеру начинаются посидѣлки, и тутъ просиживаютъ за работами до первыхъ пѣтуховъ. Въ первые посидѣлочные дни, угощаютъ разными кушаньями и пивомъ; въ Малороссіи гречаниками и кулишемъ съ саломъ.

Пиво варить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нынѣ сохранилась осенняя игра съ хороводомъ, подъ именемъ *пиво варить*. Эта игра взята изъ обыкновенія варить пиво къ бабьему лѣту. Молодыя женщины выходятъ съ брагою къ воротамъ, за коими давно тѣснится толпа праздничныхъ поселянъ, и угощаютъ ихъ: напередъ старыхъ, потомъ молодыхъ, а послѣ дѣвушки начинаютъ хороводъ пиво варить. Составивъ кругъ, дѣвушки ходятъ и поютъ съ насмѣшливыми движеніями. Дѣйствіями рукъ, плечъ и всего тѣла, онѣ обнаруживаютъ съ памѣреніемъ состояніе пьянаго, которое явно указываетъ на разгульную жизнь мужика, обращающаго каждый случай въ бражничество. Поясненіе этого находится въ самой пѣсни:

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вкругъ соберемся,
Ладо мое, ладо, всѣ вкругъ соберемся!
Мы съ этаго пива всѣ разойдемся,
Ладо мое, ладо, всѣ разойдемся!
Мы съ этаго пива всѣ присядемъ,
Ладо мое, ладо, всѣ присядемъ!

Мы съ этаго пива спать ляжемъ,
Ладо мое, ледо, спать ляжемъ!
Мы съ этаго пива опять встанемъ,
Ладо мое, ладо, опять встанемъ!
Мы съ этаго пива всѣ въ ладоши ударимъ!
Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!
Мы съ этаго пива всѣ перепьемся,
Ладо мое, ладо, всѣ перепьемся!
Теперь съ этаго пива всѣ передеремся,
Ладо мое, ладо, всѣ передеремся!

По окончаніи хоровода, женщины приносятъ кувшины браги, и угощаютъ дѣвушекъ. —

Въ Малороссіи существуютъ подобные этому обычаи: тамъ равномѣрно варятъ брагу, дѣвушки гуляютъ на зеленомъ лугѣ, играютъ въ хороводы и поютъ пѣсни, сообразно игрѣ. Пѣснь поется таже самая. —

Похороны мухъ, и изгнаніе таракановъ.

Въ югозападной и сѣверовосточной полосѣ Россіи, существуютъ похороны мухъ. Съ Семена дня или *Семена лѣтопроводца,* насѣкомыя начинаютъ исчезать. — Увеличивающееся холодное время, производитъ тогда моръ на блохъ, прусаковъ, таракановъ и мухъ. Простой народъ зная, что съ этого времени насѣкомыя и многія животныя замираютъ на зиму, погребаютъ заранѣе мухъ съ шуточными обрядами. — Нарядныя дѣвушки дѣлаютъ гробы изъ кавуновъ или тыквъ, огурцовъ, рѣдьки и рѣпы; укладываютъ сюда мухъ, съ притворнымъ воплемъ, и несутъ къ выкопанной могилѣ. — Другой обычай, не менѣе странный, есть изгнаніе таракановъ во время заговѣнъ, предъ Филиповымъ постомъ. — Всѣ находящіеся въ избѣ должны, побравшись за руки и зажавъ ротъ, тянутъ за ногу изъ избы, привязаннаго къ ниточкѣ таракана, черезъ весь дворъ на улицу. Между тѣмъ одна изъ женщинъ, стоящая съ растрепанными волосами подъ окномъ, стучитъ и спрашиваетъ: чѣмъ вы

заговляетесь? — Говядиною. — А тараканъ чѣмъ? — Тараканъ тараканами, — Это ужъ произносятъ тогда, какъ вытащатъ его изъ избы. Этимъ оканчивается изгнаніе, и тогда думаютъ, что тараканы не появляются болѣе. (*)

Въ это заговѣнье дѣвушки загадываютъ о суженыхъ. Во время ужина онѣ оставляютъ кусокъ говядины, чтобы никто не видѣлъ и не зналъ ихъ намѣренія; потомъ, ложась спать, кладутъ его себѣ подъ изголовье, приговаривая: суженый, ряженый, приди ко мнѣ заговѣться. — Это повторяется три раза. На другой день хвалится каждая подруга, что видѣла будущаго своего,—такого хорошенькаго! точно онъ мой женихъ!—

Семенъ день, превращенный въ бабье лѣто, не есть народный праздникъ, а мѣстный обычай угощенія по окончаніи полевыхъ работъ, которыя, какъ извѣстно, не вездѣ оканчиваются въ одно время, потому что все это зависитъ объ обыкновенія и положенія страны. За всѣмъ тѣмъ, бабье лѣто извѣстно по всей Европѣ.

(*) У старовѣровъ и другихъ суевѣровъ, считается за грѣхъ изгонять таракановъ, и размноженіе ихъ принимаютъ за Божее благословеніе. Нѣкоторые еще кормятъ ихъ, сберегая подъ вѣникомъ въ печуркѣ или подъ печью.

XI.

БРАТЧИНЫ.

Значеніе братчинъ.

Мірскія сходки въ древнее время, были въ большомъ обыкновеніи. На нихъ рѣшались семейныя и частныя дѣла, и весьма часто однимъ сходомъ, по братски. Послѣ примиреній предлагались взаимныя угощенія, обратившіяся въ послѣдствіи какъ бы въ особое празднество, извѣстное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовщинокъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось дружество, миролюбіе и побратство. Время однако измѣнило значеніе братчинъ, преобразовавъ его въ народное празднество, и эта перемѣна произошла послѣ введенія повсемѣстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскія старшины, головы и старосты, созывали свой міръ, изъ одной обязанности, но по окончаніи дѣлъ, старые люди не покидали старинного обычая гостепріимства: приглашали другъ друга на хлѣбъ — соль и чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами по себѣ, малу по мало измѣнялись, и народъ сталъ сходиться только въ извѣстные праздники, для одпѣхъ пирушекъ, кои составлялись изъ дружелюбной складчины. Въ другихъ мѣстахъ тогда варили пиво, на собранныя деньги, и готовили кушанье. —

Михайловская и никольская братчины.

Главныхъ братчинъ суть двѣ: михайловская и никольская; первая въ честь архистратига Михаила (сентября 6), а вторая въ честь св. Николы зимняго (декабря 6). Въ эти два дни поселяне ставятъ общимъ міромъ въ церквѣ большую свѣчу и служатъ молебень о ниспосланіи на нихъ всякихъ благъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего околодка; остатки отъ стола рзздаютъ нищимъ; хлѣбныя крохи бросаютъ на воздухъ, чтобы нечистые духи не портили ни деревьевъ, ни полей. — По многимъ городамъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные люди дѣлаютъ складчину, изъ благовѣнія къ празднику какого нибудь святаго, или такого угодника, который почитается покровителемъ цѣлой деревни, или во имя того праведника, въ честь коего выстроена церковь, по какому нибудь чудесному событію. Таковый обычай общеупотребителенъ и въ римско-католической церквѣ. Тамъ, какъ и у насъ, отправляютъ молебны и взаимно угощаютъ. Въ юго-западной Россіи и въ большей части сѣверо-восточной, празднуютъ еще братчину по случаю заложенія или окончанія церкви. Тогда прихожане отправляютъ братчину съ особой веселостію; со всѣхъ окружныхъ мѣстъ съѣзжаются къ нимъ на праздникъ: тутъ проводятъ время въ забавахъ и играхъ. Лѣтомъ празднуютъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, близь церкви, а зимою въ домѣ священника или церковнослужителя.

Домашнее или семейное празднество, называемое новоселье, по случаю перехода на жилье въ новой домъ, также доставляетъ сосѣдямъ случай попраздновать. Сосѣди сходятся къ хозяину, поздравлять его съ новосельемъ и приносятъ хлѣбъ-соль. Ни одинъ изъ Рускихъ не переходитъ въ новой домъ, по освятивъ его. — Тутъ соблюдаются нѣкоторыя дѣйствія: по угламъ комнаты вбиваютъ бумажки, съ написаннымъ заклинаніемъ; чи-

таютъ молитвы на изгнаніе нечистыхъ духовъ, и потомъ окропляютъ комнаты освященной водою. (*)

Въ старые годы было даже обязанностію, чтобы ѣздить на братчины: это происходило изъ уваженія къ храмовому празднику. Пиры были тогда столь частые и столь разорительные, что особыми грамотами запрещалось ѣздить *на пиры, братчины и свадьбы*, всѣмъ не званнымъ. (*)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, такое разгулье называется конопомъ. Въ это время тамъ было разливное море для веселія: варепуха, брага, пиво и крѣпкіе меды, не сходили со столовъ, — я присудствовалъ при одномъконопѣ. Послѣ совершенія службы, — это было лѣтомъ, — прихожане чинно усѣлись за приготовленными столами, подъ деревьями благоухающими; священникъ, благословивъ кушанье, поздравлялъ гостей съ праздникомъ, и потомъ пилъ чарку водки, которую поднесъ ему стораста, распоряжавшійся общимъ пиромъ, и таже чарка обходила всѣхъ кругомъ. Подали пироги и паляницы со сметаной, за тѣмъ горячее кушанье, — Конопъ.

(*) При заложеніи дома кладетъ хозяинъ по четыремъ угламъ основныхъ бревенъ, по куску хлѣба, и оставляетъ тамъ на всю ночь. На другой день смотритъ: цѣлы ли положенные куски? Если пропадетъ какой либо кусокъ, то полагаютъ, что это мѣсто несчастливое, потому передвигаютъ бревна въ другую сторону.–Поселянинъ основываетъ свое благосостояніе на кускѣ хлѣба, потому пропажа хлѣба, даетъ ему поводъ заключить, что при заложеніи избы на таковомъ мѣстѣ, явное для него несчастіе. – Онъ не рѣшается еще строить и на томъ мѣстѣ, гдѣ пролегала дорога: тутъ, по его мнѣнію, шатался дьяволъ.– Дерево сломленное бурей, не употребляетъ при постройки, вѣря, что дьяволъ поднимаетъ бурю.

(**) Истор. русск. іерархіи т. 1.

Священнику подавали прежде всѣхъ, за нимъ по старшинству остальнымъ. — Угощеніе состояло изъ разныхъ сытныхъ блюдъ; во время кушанья пили, кто что хотѣлъ. Послѣ обѣда молодыя женщины, дѣвушки и парни занялись играми и хороводами. — Прочіе веселились плясками и пѣніемъ. —

Ссыпчины, юровой день никольщина и Холки.

Съ братчинами имѣютъ больше сходства ссыпчины, юровый день, никольщина и холки. Всѣ они служатъ предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное кушанье. — Не одинъ мужескій, но и женскій полъ принимаетъ участіе въ веселіи, которое продолжается за полночъ.

Во время ссыпчинъ являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, прощаютъ другъ другу убытки, нанесенныя имъ въ продолженіи лѣтнихъ работъ, какъ то: потравы хлѣба и травы, закосъ въ чужихъ лугахъ и т. п. — Молодки, дувушки и парни, пускаются въ присядку и поютъ пѣсни, какія вздумаютъ, какъ напримѣръ:

Во пиру была во бесѣдушкѣ,
Я не медъ пила, я не полпивце;
А пила, пила сладку водочку.
Я не чарочкой, не стаканчикомъ;
Я пила, пила сполна ведра.
Я домой пошла не шаталася,
Ко двору пришла пошатнулася,
За вереюшку схватилася.
Верея моя, ты дубовая!

Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную, шельму хмельную.

Въ это время развеселившіеся гости, поднимаютъ чарки и провозглашаютъ:

За здоровье того,
Кто любитъ кого;
На погибель тому,
Кто завидуетъ кому!

Или, взявъ чарку, припѣваютъ:

Чарочка моя серебряная!
Да кому-жъ чару пить?
Да кому-жъ наливать?
Наливать чару да Иванушкѣ, (*)
Выпивать чару да Зиновьичу.

Пирующіе, разгорячаясь виномъ болѣе и болѣе, употребляютъ часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ, какъ говорится, уши вянутъ.—Конецъ пированья ссыщины или братчяны, иногда бываетъ причиною ссоръ и новыхъ попоекъ на мировую.—Юровый день, получившій свое названіе отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы. — Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день Св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, есливъ деревни есть церковь во имя Св. Николы, и послѣ службы пируютъ. Гдѣ нѣтъ церкви во имя св.

(*) Называютъ по имени того, кому наливать и кому пить.

БИБЛІОТЕКА
С.К.ДЕРЯГИНОЙ

Николая, тамъ отпѣваютъ молебень въ обыкновенной приходской, заступнику Николаю, и потомъ предаются общему радостному разгулу. Никольщина была, въ прежніе годы, срочнымъ днемъ для сдѣлокъ, платежей и повинностей. — По хорошему и безоблачному дню Св. Николая, судятъ о благопріятной осенѣ. — Холки, забавы одинѣхъ дѣвушекъ, составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскія угощенія. — Холки конечно происходятъ отъ *холить*, — нѣжить, ласкать, потому что дѣвушки, рѣзвясь въ своихъ холкахъ, высматриваютъ жениховъ, коихъ не перестаютъ съ тѣхъ поръ ласкать, и стараются нравиться имъ. — Въ казанской губерніи холки составляютъ увеселеніе; они начинаются съ половины сентября и продолжаются до самой сырной недѣли. Первыя холки бываютъ по снятіи шерсти съ овецъ. Бѣдные, нуждающіеся въ шерсти, варятъ пиво и созываютъ сосѣдей на холку; каждый приглашеный, долженъ непремѣнно принесть съ собою сколько нибудь шерсти. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, созываютъ мять и трепать ленъ и пеньку; потомъ прясть, и всякій разъ приглашаемые приносятъ съ собою ленъ и конопель. Многіе бѣдные созываютъ единственно гостей для того, чтобы они помогли имъ отъ своего избытка; богатые охотно принимаютъ приглашеніе, имѣя здѣсь случай повеселиться. Сюда сходятся молодые обоего пола, и нерѣдко, на самыхъ холкахъ, происходятъ любовныя изъясненія, которыя на посидѣлкахъ оканчиваются между молодыми тайнымъ сговоромъ.

Посидѣлки.

Нѣтъ уголка на всѣмъ мірѣ, чтобы не происходили по вечерамъ собиранія молодыхъ людей, состоящія въ пріятномъ бесѣдованіи съ любимыми особами, и эти собиранія извѣстны у нашего народа подъ именемъ *посидѣлокъ, бесѣдъ и досвитокъ*. По окончаніи полевыхъ работъ, наступаютъ темные и продолжительныя вечера. — То-

гда сходятся молодыя дѣвушки и женщины, чтобы поговорить между собою кой-очемъ, или идутъ другъ къ другу съ шитьемъ, пряжею и вязаньемъ, чтобы работать охотнѣе. Въ прежніе годы это было въ обычаи, даже между боярынями и боярышнями. Незнатные и не богатые, купеческое сословіе и простые, собирались на посидѣлки, по зову своихъ пріятелей, но и тутъ соблюдалось нѣкоторое обрядное приличіе: женщина позыватка ходила скликать молодыхъ дѣвушекъ, чтобы посидѣть вечеромъ, отсюда произошло названіе посидѣлокъ. — Однако молодыхъ людей обоего пола не стѣсняли приходить на вечеръ, по одному приглашенію; не приглашаемые такъ же проводили весело, какъ и тѣ, которые были приглашаемы особо. Дѣвушки не долго занимались своей работою, ибо онѣ увлекались разсказами, близкими ихъ сердцу: потомъ нечувствительно переходили къ играмъ, пѣнію и пляскѣ.

Молодые люди пользовались на посидѣлкахъ пріятнымъ случаемъ—свободно сидѣть подлѣ своей милой, говорить съ нею и перешептываться о своей любви; жали другъ другу руки и давали обѣщаніе видѣться почаще. Ихъ свиданія большей частію оканчивались свадьбою, которыя на Руси всего болѣе совершаются послѣ осени. — Посидѣлки у зажиточныхъ сопровождались закусками и пивомъ. Иногда онѣ происходили въ особо нанятомъ домѣ, гдѣ угощеніе дѣлалось на счетъ складчины. — Строгіе родители не всегда позволяли своимъ дочерямъ посѣщать таковыя собранія, потому что съ ними распространялась худая молва и безславіе о девической добродѣтели. Посидѣлки не продолжались далѣе полуночи. Мущины провожали своихъ дѣвушекъ домой и разставались съ ними до перваго радостнаго свиданія.

Нынѣшнія посидѣлки совершаются такъ же, какъ и въ старину. Дѣвушки собираются въ назначенную

ими избу, и тамъ сидятъ за работою: онѣ прядутъ ленъ, посконь, конопель и шерсть.

Пряхи, сидя за мочкою, разсказываютъ про домашнія дѣла, толкуютъ про своихъ парней и смѣются, и тутъ же запѣваютъ:

Пряди моя пряха,
Пряди, не лѣнися. (*)
Я рада бы пряла,
Меня во гости звали
Къ сосѣду во бесѣду,
На пиръ пировати:
Пива, меду пити,
Вина зеленого.
А я молоденька,
Не пью никакого,
Окромѣ простого.

Зеленная роща,
Всю ночъ прошумѣла;
А я бѣдная Дуняша,
Всю ночъ просидѣла,
Къ себѣ мила друга ждала.
Пріѣхали трое,
На воронихъ коняхъ;
Шапка со углами,
Головка съ кудрями.

(*) У простолюдиновъ есть поговорка: *тонко прясть, долго ждать*, это значитъ, что работа, производимая съ отчетливостію, требуетъ терпѣнія; что не много выробатать, но хорошо, — хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ; что тонкая пряжа, хотя ее дожидаться долго, несравненно прибыльнѣе.

Съ начала вечера до ужина, всѣ занимаются усердно, чтобы въ ужинъ показать своей матушкѣ, какъ много наработали. Но часа два послѣ ужина, пропадаетъ вся охота къ работѣ:

Сядешъ прясть,
Донце хрясть,
Мочки хлопками летятъ!

Тутъ всѣ бросаютъ работу и начинаютъ между собою игры. Мало по малу появляются къ нимъ парни: съ дудками камышевыми, скрипками и балалайками. Они любезничаютъ съ дѣвушками, напр: *каты Дунька*, топко прядешъ! или: эхъ ты Машка, какъ исхудала! Хотя Машка, — чуть не треснетъ отъ жира. — Любезности продолжаются не долго: появляются наряженные, и тутъ прощай гребни, вертена, мыкольники и донцы! все летитъ подъ лавки. — Наряженные ходятъ по всѣмъ угламъ и ищутъ спрятавшихся отъ нихъ дѣвушекъ. Послѣ начинаются пляски подъ свистъ дудки, скрипки и балалайки, или подъ однѣ пѣсни. — Часто, до начатія плясокъ и игръ, поютъ однѣ пѣсни безъ всякого разбора, какія прійдутъ въ голову: унывныя и шуточныя, плясовыя и протяжныя; вотъ для примѣра:

Вспомни, вспомни, мой любезный!
Мою прежнюю любовь:
Какъ мы съ тобой, мой любезный погуливали,
Осеннія темны ночи просиживали,
Забавныя тайны рѣчи говаривали:
Тебѣ мой дружечекъ не жениться,
Мнѣ за мужъ дѣвкѣ не итти.
Скоро, скоро, моя любезная передумала;
Женись, женись, мой миленькій!—я замужъ пойду

Въ чистомъ полѣ, полѣ, при долинѣ
Стоялъ новъ высокъ теремъ;
Во томъ новомъ теремочкѣ, дѣвушки пѣсеньки поютъ:
Знать то, знать то, мою любезную за мужъ отдаютъ.
Среди двора крыльце стоитъ разкрашено,
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу,
Красну дѣвицу душу.
Одинъ ведетъ за рученьку, а другому жаль,
Третій стоитъ, слезы ронитъ: любилъ да не взялъ!
Постой, постой, красавица! простимся со мной.
Я бы рада проститися, женихъ не велитъ.

Скучно, матушка! голова болитъ!
Ай люли, люли, голова болитъ.
Худо можется, не здоровится;
Ай люли, люли, не здоровится!
Не здоровится, гулять хочется;
Ай люли, люли, гулять хочется!
Я украдуся, нагуляюся;
Ай люли, люли, нагуляюся,
Со милымъ дружкомъ повидаюся.
Ай люли, люли, повидаюся!
Ахъ ты милой мой, милъ сердечный другъ!
Ай люли, люли, милъ сердечный другъ!
Научи меня какъ домой притти!
Ай люли, люли, какъ домой притти!
Ахъ глупая, неразумная,
Ай люли, люли, неразумная!
Поди улицей, сѣрой утицей.
Ай люли, люли, сѣрой утицей.
Широкимъ дворомъ бѣлой лебедью.
Ай люли, люли, бѣлой лебедью.
Во высокъ теремъ ясным соколомъ.
Ай люли, люли, ясным соколомъ!
Твой высокъ теремъ разтворенъ стоитъ,
Ай люли, люли, разтворенъ стоитъ!

Твой ревнивый мужъ за столомъ спитъ,
Ай люли, люли, за столомъ спитъ!
За столомъ спитъ, самъ ломается.
Ай люли, люли, самъ ломается,
Надо мной младой надругается!
Ай люли, люли, надругается!
За шелкову плеть принимается;
Ай люли, люли, принимается!
Плетка свиснула, а я вскрикнула!
Ай люли, люли, а я вскрикнула!
Свекору батюшкѣ возмолилася,
Ай люли, люли, возмолилася!
Свекорь батюшка, отыми меня,
Ай люли, люли, отыми меня!
Отъ своего сына, отъ моего мужа,
Ай люли, люли, отъ моего мужа!
Свекорь батюшка, велитъ больше бить;
Ай люли, люли, велитъ больше бить!
Велитъ больше бить, кожу до пятъ спустить,
Ай люли, люли, кожу до пятъ спустить!
Кожа волочится, гулять хочется,
Ай люли, люли, гулять хочется!

Ты дуброва моя, добровушка,
Ты дуброва моя зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла?
Приклонила ты свои вѣтьви?
Изъ тебя ли изъ дубровушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали?
Одна пташечка оставалася,
Горемычная кукушечка.
Что кукуетъ она и день и ночь,
Ни на малый часъ ей умолку нѣтъ!
Жалобу творитъ кукушечка,
На залетнаго, яснаго сокола:
Разорилъ онъ ея теплое гнѣздо,

Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ, —
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ.
Она плачетъ, какъ рѣка льется;
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ.
Жалобу творитъ красна дѣвица,
На заѣзжаго молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу!
Что отъ батюшки, что отъ матушки;
И завезъ онъ красну дѣвицу,
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну незнакомую:
Что завезши, хочетъ покинути.

Среди пѣсней грустныхъ, вдругъ затѣваютъ пляску. — Плясуньи, стоя одна противу другой, топаютъ ногами въ тактъ музыки; потомъ кружатся въ противуположныя стороны, перемѣняются и снова топаютъ и снова кружатся. Пляска въ смоленской губерніи почти всегда начинается припѣвомъ:

Заиграйте музыки,
Мои лапти велики;
Мнѣ татунька сплелъ,
На святой Покровъ.

Или:

Вотъ такъ чини,
Какъ я чиню!
Люби дѣвка по обычаю:
И поповъ и дьяковъ,
И хорошихъ мужиковъ.
Вотъ такъ! разъ,
Вотъ такъ! два. —

Или одна плясунья, гордясь тѣмъ, что она богаче своей подруги, припѣваетъ:

Пять полъ на передн, 2. р.

Другая, хотя бѣднѣе ее, но желая сказать, что и она бываетъ тамъ, гдѣ и богатыя, отвѣчаетъ въ присядку:

А въ три штуки, туда жъ таки (*).

Когда пляшутъ подъ пѣсни, тогда женщины и дѣвушки, ставъ въ кружокъ, поютъ; изъ круга между тѣмъ отдѣляется одна пара, иногда и двѣ: онѣ вмѣстѣ поютъ и пляшутъ, подъ тактъ пѣнія. Вотъ плясовая:

Ахъ вы сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои!
Сѣни новыя кленовыя, рѣшетчитыя.
Ахъ! какъ мнѣ по васъ, по сѣнюшкамъ, не хаживати,
Мнѣ мила друга за рученьку не важивати!
Выводила молодца за новыя ворота,
Выпускала сокола изъ праваго рукава:
Ты лети, лети соколъ, высоко и далеко,
И высоко и далеко на родиму сторону.
На родимой на сторонкѣ,
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ сударь, грозенъ онъ, немилостивый,
Не пускаетъ молоду, поздо вечеромъ одну.
Я не слушала отца, потѣшила молодца,
Я за то его потѣшу, что одинъ сынъ у отца:

(*) Это говорится въ три штуки о паневѣ, которую носятъ дѣвушки и женщины, обертывая себя полами, и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ богаче считается дѣвушка.

Зовутъ Ванюшкою, пивоварушкою.
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ:
Вы пожалуйте дѣвицы! на пиварню на мою,
На моей ли на поварнѣ, пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу, и на сладкомъ меду. —

Какъ у нашихъ у воротъ, 2.
Люли, люли, у воротъ! 2.
Стоялъ дѣвокъ хороводъ, 2.
Люли, люли, хороводъ! 2.
Молодушокъ табунокъ, 2.
Люли, люли, табунокъ! 2.
Меня дѣвки кликали, 2.
Люли, люли, кликали! 2.
Молодушки манили, 2.
Люли, люли, манили! 2.
На улицу погулять, 2.
Люли, люли, погулять! 2.
Съ ребятами поиграть, 2.
Люли, люли, поиграть! 2.
Меня свекоръ не пустилъ, 2.
Люли, люли, не пустилъ! 2.
Хоть и пустилъ, пригрозилъ, 2.
Люли, люли, пригрозилъ! 2.
Гуляй сноха, да не долго, 2.
Люли, люли, да не долго! 2.
До первыхъ пѣтуховъ, 2.
Люли, люли, пѣтуховъ! 2.
А я млада до поры, 2.
Люли, люли, до поры! 2.
До утренней до зари, 2.
Люли, люли, до зари! 2.
Лишь зорюшка занялась, 2.
Люли, люли, занялась! 2.

А я млада поднялась, 2.
Люли, люли, поднялась! 2.
На встрѣчу мнѣ деверекъ, 2.
Люли, люли, деверекъ! 2.
Деверюшка батюшка, 2.
Люли, люли, батюшка! 2.
Проводи меня домой, 2.
Люли, люли, домой! 2.
До моего двора, 2.
Люли, люли, до двора! 2.
До высока терема, 2.
Люли, люли, терема! 2.
Подхожу я ко двору, 2.
Люли, люли, ко двору! 2.
Свекоръ ходитъ по двору, 2.
Люлли, люли, по двору!
Повѣсивши голову, 2.
Люли, люли, голову! 2.

Переходя отъ рѣзвостей къ новымъ рѣзвостямъ, начинаютъ игривую.

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ.
Сѣли дѣвки на лужокъ
Гдѣ муравка, гдѣ цвѣтокъ:
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
Въ хороводѣ веселились,
На пріятной тишинѣ,
Подъ березкою одинѣ.
Только слышно голосокъ,
Раздавался во лѣсокъ:
Гдѣ красавица милая,
Свѣтикъ, радость дорогая?
Гдѣ ты? гдѣ ты? ахъ! ау!
Безъ тебя я здѣсь умру!
Твой глазикъ меня не видитъ,

Знать онъ меня ненавидитъ!
Всѣ дѣвушки спохватились,
И домой поторопились. —
Свѣтикъ Машинька дружокъ,
Тутъ присѣла на лужокъ.
Со травы цвѣты рвала,
Къ себѣ милаго ждала.
Не успѣла скласть въ пучечки,
Идетъ милый изъ за рѣчки, —
Парень милый, красавчекъ.
Свѣтикъ Машинька дружокъ,
Тутъ присѣла на лужокъ.
Со травы цвѣты рвала,
Къ себѣ милаго ждала.
Не успѣла скласть въ пучечки,
Идетъ милый изъ за рѣчки.
Парень милый, красавчекъ,
Свѣтикъ Машинькинъ дружечекъ.
Подошедши ручки жметъ,
У Машиньки сердце бьетъ!
Сердце сердцу покорилось,
Щечки розою покрылись.
Ужъ любовь какъ одна,
Намъ природою дана!

У дороднаго добраго молодца,
Въ три ряда кудри завивалися,
Во четвертый рядъ по плечамъ лежатъ:
Не сами кудри завивалися,
Завивала красна дѣвица,
По единому русому волосу.
Завивши кудри, сама призадумалась:
Какъ бы я знала, млада вѣдала,
Про свое горе, про несчастіе,
Про замужье про бездѣльное;
Я бы сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,

У родимаго своего батюшки,
У родимой своей матушки,
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчату косу,
И вплетала бъ я ленту алую,
Ленту алую, шелку краснаго,
Шелку краснаго шемаханскаго. —
Какъ бы я знала, млада вѣдала,
Что просваталъ меня, сударь батюшка,
Не въ любимую во сторонушку,
Не за прежняго полюбовника,
Не за лапушку да за милаго;
А что отдалъ меня батюшка,
Въ семью не согласную,
Во хоромину не покрытую.

Ахъ! на горѣ елочка стоитъ,
Ахъ, мой Божинька! зелена стоитъ.
А подъ тою елечкой желнерикъ лежитъ,
Ахъ, мой Божинька! желнерикъ лежитъ.
Надъ тѣмъ надъ желнерикомъ воронъ конь стоитъ,
Ахъ, мой Божинька! воронъ конь стоитъ.
Правымъ копыточкомъ земельку сѣчетъ,
Ахъ, мой Божинька! земельку сѣчетъ.
Для своего желнерика воды достаетъ,
Ахъ, мой Божинька! воды достаетъ.
Знать же тебѣ, конечекъ, воды не достать,
Ахъ, мой Божинька! воды не достать.
Знать мнѣ желнерику отъ земли не встать;
Ахъ, мой Божинька! отъ земли не встать.
Бѣги, бѣги, коничекъ, лужкомъ бережкомъ.
Ахъ, мой Божинька! лужкомъ бережкомъ.
Лужкомъ, бережкомъ ко моему двору.
Ахъ, мой Божинька! ко моему двору.
Выйдетъ къ тебѣ коничекъ, старая паня,
Ахъ, мой Божинька! старая паня.

Старая паня, то мати моя.
Ахъ, мой Божинька! то мати моя.
Выйдетъ къ тебѣ коничекъ, младая паня,
Ахъ, мой Божинька! младая паня.
Младая паня, то жена моя.
Ахъ, мой Божинька! то жена моя.
Выйдутъ къ тебѣ коничекъ, млады паненята,
Ахъ, мой Божинька! млады паненята.
Млады паненята, то дѣти мои.
Ахъ, мой Божинька! то дѣти мои.
Станутъ тебя коничекъ оглаживати,
Ахъ, мой Божинька! оглаживати.
Станутъ у тебя коничикъ выспрашивати,
Ахъ, мой Божинька! выспрашивати.
Не сказывай коничекъ, что избитъ лежу,
Ахъ, мой Божинька! что избитъ лежу.
А скажи воронинькій, что въ полку служу.
Ахъ, мой Божинька! въ полку служу.
Что въ полку служу, чину заслужу,
Ахъ, мой Божинька! чину заслужу.
Заслужилъ желнеричикъ подъ елечкой смерть.
Ахъ, мой Божинька! подъ елечкой смерть.

Между богатыми дворянами и боярами, были свои обряды. Мать семейства, разсылая бабушекъ и нянюшекъ по знакомымъ домамъ, просила дѣвушекъ посидѣть вечеромъ, преимущественно таковыхъ, которыя славились богатствомъ и красотою. — И чтобы не уронить чести своего дома, и придать болѣе блеску своей знатности, созывали столько, сколько можно было помѣстить ихъ въ своихъ хоромахъ. *Позыватки съ дѣломъ*, высматривали хорошихъ жениховъ: молодыхъ, богатыхъ, бѣлокурыхъ, съ голубыми глазами, съ пушкомъ на бородѣ и курчавыми волосами. Таковой молодецъ былъ идоломъ вечернихъ бесѣдъ:

на него засматривались и самыя скромныя красавицы. — Матери нѣсколько дней сряду снаряжали ихъ въ путь: запрягали рыдванъ въ шесть лошадей, и навьючивъ его бѣльемъ, платьемъ, гостинцами изъ сухихъ плодовъ, пряниковъ, волошскихъ орѣховъ и варенъевъ на меду, отправлялись на посидѣлки. Хозяйка принимала гостей на крыльцѣ, и вводила въ покои съ честію и поклонами. Послѣ обычныхъ распросовъ: о здоровьѣ, погодѣ, усаживались чинно, и долго ничего не говорили, пока хозяинъ не оживлялъ ихъ крѣпкимъ медомъ. Дѣвушекъ и молодыхъ мущинъ, угощали навезенными гостинцами, отъ чего часто обижалась хозяйка; но ее успокоивали тѣмъ, что такъ ужъ водится изстари, приговаривая: не мы, мать родная, завели, не нами кончится. —

Званые оставались гостить нѣсколько дней. Это время было пыткою для молодыхъ сердецъ: тутъ ласкали вывѣдывали другъ друга и разставались съ взаимной увѣренностію въ любви. Шуточные разсказы, игры затѣйливыя, страстныя забавы и скрытныя перешепчиванія, облегчали продолжительно мучительныя испытанія. Матушки, высмотрѣвъ жениховъ, а женихи невѣстъ, благодарили хозяйку за хлѣбъ-соль *и веселое довольство*; потомъ разъѣзжались по домамъ, прося пожаловать къ нимъ откушать хлѣба-соли и отвѣдать сладкаго меда. По пріѣздѣ домой, мать съ отцемъ совѣтовались тайно о выборѣ женихов, и не спросивъ о согласіи дочери, посылали свахъ съ предложеніями. —

Заведенные Петромъ I. *ассамблеи* (собранія), были собственно придворные, но нынѣшніе вечера, сопровождаемые танцами и музыкою, вошли въ употребленіе въ царствованіе Императрицы Елизаветы, любительницы вкуса и изъящности. Они вытѣснили навсегда старинныя бесѣды, и открыли широкій путь къ

порчѣ нравовъ. Наши еще дѣды любили вспоминать про свои посидѣлки, не изъ предубѣжденія къ нимъ, но изъ простоты къ жизни и строгой скромности молодыхъ людей. Сохранившіяся посидѣлочныя пѣсни, могутъ служить тому доказательствомъ. — Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней, отзываются сердечною тоской и безнадежной любовью:

Какъ бы я знала, какъ бы вѣдала,
Непріятство друга милаго,
Не любовь друга сердечнаго.
Не сидѣла бы поздо вечеромъ
Я не жгла бы свѣчу воску яраго,
Не ждала бы я друга милаго,
Не топила бы красна золота,
Не лила бы золота кольца,
И не тратила бы золотой казны. —
Я слила бы себѣ крилушки,
Полетѣла бъ на иной городъ,
Чтобъ искать себѣ друга милаго.
И я сѣла бы среди площади,
И я стала бы кличь кликати.
Кто бы сталъ со мной совѣтывать,
Какъ бы мнѣ забыть друга милаго!
Проклинала бы я разлучника,
Что разлучилъ меня съ милымъ дружкомъ,
Съ милымъ дружкомъ, со сердечнымъ.

Или:

Туманно красно солнышко, туманно,
Что краснаго солнышка не видно!
Кручинна красна дѣвица, печальна,
Никто ея кручинушки не знаетъ!
Ни батюшка, ни матушка, ни родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.

Печальна красна дѣвица, печальна!
Не можетъ мила друга позабыть.
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
Въ тоскѣ своей возгоритъ дѣвица:
Я въ тѣ поры милаго друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками. —

Посидѣлочные вечера, заронивъ искру любви въ молодыя и неопытныя сердца, были отравой для жизни. Семейная гордость, разряды и происхожденія знатныхъ родовъ, были весьма часто, какъ и нынѣ, могилою для любящихся.

Супрядки и дожинки.

Въ Бѣлоруссіи вечернія собранія, начинающіяся съ Покрова дни и продолжающіяся до Пасхи, называются *супретками*. Дѣвушки собираются въ наемную избу, чтобы прясть, шить, веселиться и пѣть. Сюда сходятся парни и высматриваютъ себѣ невѣтъ. Молодые обоего пола, проводятъ время въ пѣніи и играхъ, а парни угощаютъ дѣвушекъ разными лакомствами. — *Въ дожинки* же или весенніе вечера, собираются такъ же парни и дѣвушки, и проводятъ время уже не въ душной избѣ, но подъ открытымъ небомъ. Тутъ никакой не занимаются работою, но однѣми забавами и играми, пѣніемъ пѣсней и пляскою подъ музыку. На дожинки нерѣдко собираются пожилые, чтобы полюбоваться юной рѣзвостію; молодыя женщины приходятъ украдкой, чтобы повеселиться и погоревать о своей неволѣ.

Досвитки и вечерницы

Съ посидѣлками совершенно сходствуютъ малороссійскіе *досвитки*, кои потому такъ названы, что въ это время молодые люди проводятъ всю ночь до *свита* (до разсвѣта): въ забавахъ, играхъ и пѣніи. Сначала сходят-

ся дѣвушки въ одну опредѣленную ими хату, и въ ожиданіи прихода парубковъ, занимаются пряжею, шитьемъ, поютъ пѣсни, которыя служатъ знакомъ, что онѣ давно собрались и сидятъ за работою. Хата бываетъ освѣщена обыкновенными свѣчами или *каганцами*. (*) На досвитки приносятъ разныя съ обѣихъ сторонъ лакомства, въ числѣ коихъ любимыя суть: *насимячко*, сушеныя семена изъ гарбузовъ (тыквъ), сонишникъ (подсолнышникъ), каленые орѣхи, маковики, медовые коржи, масляники, бублики (баранки) и пр. Дивчата сначала ничего не хотятъ принимать отъ парубковъ,—такъ ужъ по своей привычкѣ. Когда разговорятся и веселость начнетъ одушевлять всѣхъ, тогда онѣ съ удовольствіемъ принимаютъ отъ нихъ лакомства и знакомятся. — Досвитки начинаются съ осени и продолжаются до великаго поста. —

По наступленіи благоухающей весны, начинаются *вечерницы*, которыя продолжаются до лѣта, и потомъ возобновляются въ теплые осенніе дни. Названіе *вечерницъ*, происходитъ отъ вечернихъ собраній. Дѣвушки и мущины собираются около хаты и проводятъ вечера, часто и цѣлую ночь, въ играхъ и забавахъ: бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ жгута, составляютъ хороводы, танцуютъ, поютъ подъ скрипку или дудку.— Всѣ молодые принимаютъ участіе въ этихъ увеселеніяхъ, а парубки, избирающіе себѣ невѣстъ, женихаются съ ними (ухаживаютъ за ними). Довольно замѣчательно, что на вечерницахъ молодые обоего пола,

---

(*) Глиняныя чашечки съ узкимъ носикомъ; въ нихъ наливаютъ конопляного масла и зажигаютъ *гнотъ* (свѣтильню). Выгорѣвшій каганецъ, опредѣленной величины, показываетъ время ночи.

допускаютъ себѣ вольность цѣловать другъ друга, обниматься, рѣзвиться и спать вмѣстѣ, и никогда не ходило до безславія. Преступившій правила чести, подвергался изгнанію изъ общества; но нарушившій священные обѣты любви, преслѣдовался всѣми. Горе и той, которая, отдавшись своему милому, скрывала его преступленіе. *Громада* (мірское сходбище), если узнавала о появленіи отъ нея на свѣтъ новаго существа; то вызывала виновную мать на *базаръ*, и допрашивала объ имени скрытаго ею отца; потомъ принуждала преступнаго жениться на обольщенной имъ. Если виновная не открывала своего обольстителя, то ей надѣвали на голову, съ шумомъ и насмѣшливымъ крикомъ, хомутъ, очипокъ (чепецъ) и обрѣзывали косу, и съ того время она не смѣла появиться въ общество своихъ подругъ, весть съ ними прежнюю дружбу, — она принадлежала ужъ *къ гулливымъ*. Не многія дѣвушки переживали свое бесчастіе.

Каждая дѣвушка имѣла на вечерницахъ своего милаго, и каждая шла сюда для того, чтобы съ нимъ *пожартовать*, (провесть время въ забавахъ), понѣжиться и слышать отъ него сладостныя повторенія въ любви. Кто любилъ свою коханую и потомъ оставлялъ ее, тотъ навлекалъ на себя неукротимый ея гнѣвъ. Мстительная ревность изобрѣтала всѣ способы къ наказанію невѣрнаго. Недовольствуясь его посрамленіемъ, она часто прибѣгала къ самымъ преступнымъ мѣрамъ: готовила изъ ядовитыхъ растѣній отраву и опаивала его. — Разсказы о таковыхъ поступкахъ, оправдываются самыми пѣснями. Ни одна изъ русскихъ пѣсней, въ этомъ родѣ, не отличается такою силою воли, пламенностію и чувствомъ изступленной ревности, какъ малороссійскія, которыя, большею частію сочинялись парубками, послѣ несчастнаго событія на вечерницахъ.

Напѣвъ ихъ грустный, происшествіе трогательное и печальное, конецъ приготовленная смерть. Вотъ примѣры:

Не ходы Грыцю на вечерныцю,
Бо на вечерницахъ дивки чаровницы,
Бо на вечерницахъ дивки чаровницы!
Одна дивчина чорнобрывая,
То чаровныця, справедливая;
То чаровныця справедливая! —
Въ недилю рано зилля копала,
А въ понедилокъ перемывала.
А въ понедилокъ перемывала!
Прійшовъ вивторокъ, зилля зварыла,
Въ середу рано, Грыця отрунла!
Въ середу рано, Грыця отрунла!
Прійшовъ же чегвергъ, Грыценько умеръ,
А въ пятныцю Грыця поховали,
А въ пятныцю Гриця поховали,
А въ субботу отпоминали!
А отпоминавши у спмъ заказали:
Щобъ того Грыця не вспоминали.

Въ недилю рано маты дочку била;
Но що ты, суко, Грыця отрунла?
На що ты, суко, Грыця отрунла?
Ой маты, маты! жалю не мае,
Не хай же Грыценько двохъ не кохае!
Не хай же Грыценько двохъ не кохае!
Не хай не буде ни той, ни мени:
Не хай достанется сырой земли. —
Отъ се тоби, Грыцю, я такъ зробила,
Що черезъ тебе мене маты била!
Що черезъ тебе мене маты била!
Отъ се тоби, Грицю, такая заплата:
Зъ чоторыхъ дощокъ темная хата!

Зъ чоторыхъ дощокъ темная хата!
Рано пораненьку ихали козаки,
И того Грыця вспоминали,
И того Грыця вспоминали!
Ой Грыцы, Грыцю преславный козаче!
За тобою Грыцю дивчина плаче!
За тобою Грыцю, дивчина плаче!
Тая дивка чорнобрыва,
Котора Грыця причаровила. —

Тоска дѣвушки по своемъ миломъ чернобривомъ, который не подаетъ никакой о себѣ вѣсточки. Она плачетъ и только ей легче, какъ поплачетъ; она полетѣла бы къ нему, но нѣтъ у нея крыльевъ, а онъ не возвращается. Горюетъ, сохнетъ и умираетъ съ каждымъ часомъ. — Напѣвъ пѣсни чрезвычайно жалобный:

Віютъ витры, віютъ буйныи,
Ажъ деревья гнуця!
Ой якъ болитъ мое сердце,
Самы слезы льюця.
Трачу лита въ лютомъ гори,
И кинця не бачу.
Тилько менп и легче стане,
Якъ тришки поплачу!
Не поможутъ слезы счасцыо, —
Сердцю легче буде!
Кто счастливъ бувъ хотъ часочекъ,
Повикъ не забуде!
Есть же люди що й моей
Завидуютъ долп!
Чи счастлива та былинка,
Що росте у полп?
Ой у полп на песочку,
Безъ росы на сонци!

Тяжко жити безъ милаго,
На чужій сторонци.
Безъ милаго доли нема,
Стане свитъ тюрьмою;
Безъ милаго счастья нема,
Нема и покою!
Де ты милый, чернобривый?
Де ты? озовися!
Якъ безъ тебе я горюю,
Прійды, подывися.
До кого я пригорнуся,
И кто приголубытъ?
Коли нема того тута,
Якій мене любытъ.
Политила бъ я до тебе,
Да крылицъ не маю!
Сохну, чахну я безъ тебе
Всякій часъ умираю!

Вѣрность двухъ любовниковъ, — веселый напѣвъ:

Дивчино кохана, здорова була!
Чи ще жъ ты мене не забула?
Пріихавъ до тебе, — Богъ тебе знае!
Чи твое серденько мене кохае?
Козаче коханый, чого ты пытаешъ?
Скорій, козаче, въ могили буду,
Нежъ тебе серденько позабуду!
Спасыбо дивчино, за добре слово.
А може ты любишъ кого другого?
Коли правдыва мовонька твоя,
Такъ будешъ серденько повикъ моя!
Ты добре те знаешъ, що я сырота;
Ни маю я срибра, ни маю золота,
Опричь тои любови, що къ тоби я маю.
Я всимъ убога, — того ни таю!

Не треби мени золота, я самъ придбаю,
Треба мени дивчины, що я кохаю!
Ходымо до церкви, звяжемо рукы,
Нехай у насъ не буде на сердци муки!

Печальные напѣвы въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Сидытъ голубь на березы,
Голубка на вишни.
Скажи сердце мени правду:
Що маешъ на мысли?
Ой якъ тоби прысягала
Любыты якъ душу:
Теперь мене покидаешъ
Я плакаты мусу!
Будь счастливъ зъ того,
Которую кохаешъ;
А надъ мене вирнійшей,
На свити не найдешъ.
Буду Бога я просыты,
Щобъ ты бувъ щастливый:
Чи зо мною, чи зъ другою,
Повикъ мени милый!
Якъ не зхочешъ, сердце мое,
Вирнымъ буты;
То дай мени таке зилле,
Щобъ тебе забуты!
Есть у мене такe зилле,
Близько перелазу;
Якъ дамъ тоби напитыся,
Забудешъ видъ разу!
Буду питы черезъ силу,
Не капли не пущу;
Хиба тебе забуду,
Якъ очы заплющу! —

Ой ходывъ чумакъ у Карась-базаръ,
Та чорною хусточкою голову звязавъ.
Ой ходывъ же винъ симъ литъ на Дону,
Та не було пригодоньки ему на роду.
Стала пригода зъ Дону идучи,
У чистымъ поли при дорози воливъ пасучи.
Ой пасъ, чумакъ пасъ, да впасъ и лежитъ.
Ни хтожъ его не спытае: що у его болитъ?
Болитъ у его сердце, голова, —
Сежъ у того чумаченька, що роду не ма. —
Прійшовъ до его, товарищъ его,
Бере его за рученьку, жалкуе его.
Товарищу мій! жалкуешъ мене.
Беришъ мои волы й возы, поховай мене.
Да скидай кожухъ, надивай жупанъ.
Волыжъ мои сиринькіи, сежъ буде вамъ панъ.
Ой у Кіеви зазвонили въ дзвинъ,
Сежъ по тому чумакови, що ходывъ на Дпнъ.
Ой у Кіеви зазвонили въ два,
Сежъ по тому чумакови, що роду нема. —

Ой по горамъ снигы лежатъ,
По долинамъ воды стоятъ,
А по шляхамъ макы цвитутъ.
То не макы цвитутъ,
То не макы, а чумакы:
Воны зъ Крыму идутъ,
Рыбу везутъ. —
Маты сына вызнавала,
Та не взнала, — выкликала:
Иды мій сынку до домоньку!
Змыю тоби головоньку —
«Измый, моя ненько, сама соби,
«Або моій ридный сестры. —
«Мене змыютъ дрибни дожчи,
[illegible]ютъ густы терны,

«Розчешутъ густы терны,
«Розкудрютъ буйны витры,
«А розпесутъ кости, — чорны вороны.» —

Чи се тая крыниченька,
Що я воду пывъ?
Чи се тая дивчинонька,
Що люблю и любывъ?
Ой жаль мени буде,
Возьмутъ люды, —
Недоля моя!
Чи сежъ тая крыниченька,
Що голубь купався?
Чи се тая дивчинонька,
Що я женихався?
Ой сежъ тая крыниченька,
И ключъ и ведро;
А вже мене дивчинонька,
Забула давно!
Засыпалась крыниченька,
Золотымъ пескомъ;
Злюбилась дивчинонька,
Зъ другимъ козакомъ. —
Давжежъ мени до той крыниченьки,
Стежки заросли;
Давжежъ по мою дивчиноньку,
Сваты прійшлы.
Шумятъ вербы,
Що надъ той крыницею ростутъ;
Да вжежъ мою дивчиноньку,
До церкви ведутъ.
Одинъ веде за рученьку,
Другій за рукавъ;
Третій стоитъ,
Сердце болитъ:
Любывъ да не взявъ!

Жалоба молодого казака на долю, что она досель не указала ему счастія.

Де ты ходишъ, моя доля?
Не докличишься тебе!
Досибъ можно дике поле,
Пригорнуты до себе!
Я тебе ось не вблажаю,
До якои то поры?
Все шукаю, да пытаю,
Що ажъ серденько зпурывъ!
Чи на мори межъ купцами,
Личишъ зъ крамомъ барыши?
Чи въ хоромахъ зъ панянками,
Ты рогочешъ у почи?
Чи на небн изъ викиньця,
Сучишъ дули биднякамъ?
Чи при мысяци, безъ сонця,
Чешешъ ты кудры зиркамъ?
Чи край моря на долини,
Дикымъ макомъ ты цвѣтешъ?
Чи у лузи на калыни,
Ты зозулею кусшъ?
Ой змилуйся, моя непе!
По край мене хоть присядь;
Хоть постій ты биля мепе,
То й тому я буду радъ.

Безнадежная любовь:

Надъ ричкою, надъ быстрою,
Спизнався я съ дивчиною. 2 р.
Лучше бъ було не знаться,
Нижъ спизнавшись разстаться;
Лучше бъ було не влюбляця,
Нижъ влюбившись разлюбиця!

Свитытъ мисяцъ, та не гріе,
До дивчины сердце ніе.
Шумитъ, гудетъ добровонька,
Плачетъ, тужитъ дивчинонька;
Плачетъ, тужитъ, нарекае,
Свою долю проклинае.
Долежъ моя несчастлива!
На що ты мене спородыла? 2 р.
Ой вы люды, вы сусиды,
Сжальтесь, сжальтесь моій биды! 2.
Що мени зъ того, що всякъ знае,—
Що мене милый покидае! 2.
Абожъ пійду, утоплюся,
Абожъ объ каминь убьюсь. 2.
Нехай будутъ люды знаты,
Якъ зъ коханья умираты! 2.

На тимъ боци огонь горыть,
На симъ боци дымно;
Не мажъ мого мыленького,
Комусь буде дывно!
На тимъ боци огонь горыть,
На симъ боци—жаръ, жаръ;
Не мажъ мого миленького,
Комусь буде — жаль, жаль. —
Хылытеся густы лозы,
Видкиль витеръ віе;
Дывытеся кари очи,
Видкиль милый війде.
Хылылыся густы лозы,
Та вжей — перестались;
Дывылыся кари очи,
Тай плакаты сталы
Плыве щука зъ Кременчука,
Пробытая зъ лука,
Теперъ мени мое сердце,
Зъ тобою розлука!

Ой! не шумы дуже зеленый байраче!
Не плачъ, не журыся, молодый козаче!
Ой якъ не шумиты,
Колы зелененькій!
Ой якъ не любыты,
Колы молоденькій!
Суспды близькіи,—ворогы тяжкіи,
Не велятъ ходыты,—дивчыну любыты.
Якъ дивчину люблю и за себе визьму,
За себе я визьму, я за ій умру.
Ой умружъ я мыла, а ты будышъ жива,
Не забувай мыла, де моя могыла:
А моя могыла у тыхого моря,
Де була мижъ намы тихая розмова.
А моя могыла у синіои рощи,
Поляглы де жарти, поляглы любощи.
Выйдешъ на могылу, та не тужы дуже,
Скажутъ вороженьки, — любилысь мы дуже.
Выйдышъ на могылу, не кывай рукою,
Скажуть вороженьки, що я жывъ съ тобою.
Выйдешъ на могылу, та не сыпъ землю,
Бо сама ты знаешъ, якъ тяжко пидъ нею.

Бывали примѣры, что на вечерницахъ совершались убійства. — Изъ соперничества другъ къ другу, заводили между собою ссоры, оканчивавшіяся смертью одного изъ нихъ. Часто изъ угожденія къ своей милой, отважный парубокъ гналъ другого. Оскорбленіе имени чіего нибудь, неменуемо раждало кровавое мщеніе. — Матери и отцы, строго воспрещали своимъ дочерямъ и сыновьямъ ходить на вечернія сходбища; но онѣ украдкой выходили изъ дома, и возвращались тихо, когда еще спали домашніе. — Вечерницы посѣщали и панычи (дѣти дворянскія), но казаки, считая себя равными, вели съ ними постоянные раздоры, и по той

причинѣ, что папычи скорѣе пріобрѣтали вниманіе дѣвушекъ. Это самое раздувало между ними пламя взаимной ненависти: составлялись партіи соперниковъ, и взаймное преслѣдованіе окапчивалось смертоубійствомъ, которое до того возросло въ послѣдствіи, что рѣдкая недѣля проходила, чтобы не находили окровавленныхъ труповъ. Полиція принимала свои мѣры, но ей стоило великаго труда достигнуть цѣли своей. Часто случалось, что разбивали полицейскихъ чиновниковъ. — Вечерницы обратились нынѣ въ тихія и дружескія собранія.

На вечерницахъ молодые обоего пола имѣли въ виду высмотрѣть для себя будущаго друга, а потомъ посылали свахъ съ предложеніями, на которыя большею частію отвѣчали согласіемъ. Тѣ же, коихъ желанія не выполнялись, вступались за свою честь и честь дома, и только одно посредничество посторонпихъ останавливало мстительнное преслѣдованіе. Если посредничество оставалось безъ дѣйствія, то съ нимъ страдало имя дѣвушки и всего дома, и это воспламеняло отчаянное покушеніе на погибель взаимную. Тогда никто не щадилъ другъ друга.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

I. Первое марта . . . . . 3.
II. Встрѣча весны 5
III. Красная горка . . . . . 15.
IIV. Радуница. . . . . 27.
V. Запашка . . . . . 33.
VI. Кукушка . . . . . 37.
VII. Купало. . . . . 51.
VII. Ярило . . . . . 99.
IX. Обжинки . . . . . 105.
X. Бабье лѣто. . . . . 143.
XI. Братчины . . . . . 149.

ПОГРѢШНОСТИ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
15.	2.	а съ него	а съ нею
36.	9.	потомъ а	а потомъ
—	24.	молебенъ	молебень
37.	8.	птицс-	птице-
38.	6.	куканіи	кукуканіи
—	8.	кукуетъ	кукукуетъ
41.	2.	кукуетъ	кукукуетъ
45.	12.	поражало	поражали
—	16.	привысокихъ	превысокихъ
46.	22.	предъ Бога,	къ Богу,
48.	3.	и тотъ	не тотъ,
49.	19.	кукуетъ	кукукуетъ
62.	4.	я бубу	я буду
75.	22.	дѣвицы вдовье	дѣвицы, вдовы
84.	11.	О перва	Ой перва
—	31.	дивчина	дивчина
87.	6.	вукулами	вукулаками
—	8.	Одиѣ яги бабы (*)	Одиѣ яги бабы (**)
96.	32.	съ своиственнымъ	съ свойственнымъ
110.	19.	впереди всѣ	впереди всѣхъ
124.	8.	Мос каликъ	Москаликъ
—	13.	ни злиняе	позлиняе.
128.	24.	Грешневые	Грешневыя
147.	24.	Нарадныя	Нарядныя
148.	4.	не появляются	не появятся
—	17.	окопчиваются	оканчиваются
159.	19.	малу по мало	мало по малу
150.	30.	, поздравлятъ	, поздравляютъ
155.	26.	скадчины	складчины
159.	29.	пиашечка	пташечка
—	31.	кукуетъ	кукукуетъ
163.	16.	Люлли	Люли
173.	5.	Ой Грыцы	Ой Грыцю
175.	1.	Не треби	Не треба
181.	13.	высомтрѣть	высмотрѣть